

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Белорусский национальный технический университет

Факультет технологий управления и гуманитаризации
Кафедра «Философские учения»

**ЕВРАЗИЙСКИЕ ЦЕННОСТИ И ТЕХНОЛОГИИ ЦИФРОВОЙ
ЭПИСТЕМОЛОГИИ**

Сборник материалов международных круглых столов

«Евразийские ценности в предметном поле философии»

«Белорусские женщины в науке и образовании»

«Цифровая эпистемология и информационные технологии»

Минск

БНТУ

2026

Под общей редакцией А.И. Лойко, профессора, заведующего кафедрой «Философские учения» Белорусского национального технического университета.

Составитель: Лойко А.И.

Рецензенты:

М. Ю. Узгорок., доцент кафедры философии и идеологической работы Учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» кандидат философских наук, доцент

В сборник вошли материалы международных круглых столов, проводившихся кафедрой «Философские учения» по евразийской тематике, цифровым технологиям и гендерной тематике. Представлены научные исследования преподавателей и студентов БНТУ в рамках сотрудничества с университетами Российской Федерации и Узбекистана. Сборник может использоваться в учебном процессе при реализации НИРС.

Белорусский национальный технический университет
пр-т Независимости, 65, г. Минск, Республика Беларусь
Тел. (017) 2939623
E-mail: loiko@bntu.by

© БНТУ, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Евразийская тематика сохраняет актуальность в свете трансформации глобальной системы межкультурных отношений. Поэтому кафедра «Философские учения» ежегодно проводит международный круглый стол с целью анализа тенденций в евразийском пространстве с позиции ценностной тематики. Научные исследования представляются в виде текстов в сборнике. Республика Беларусь и Российская Федерация совместно реализуют стратегию евразийской безопасности на основе Хартии многообразия и многополярности в XXI веке. В документе используются тезисы не колониального мышления, равенства малых и средних государств с большими государствами. В условиях нового технологического уклада их роль существенно возросла. В основе белорусского подхода лежит принцип мира и добрососедства.

Объявление 2026 г. Годом белорусской женщины дало основание кафедре «Философские учения» провести международный круглый стол, посвящённый роли белорусских женщин в развитии науки и образования. Собран уникальный эмпирический материал, который приобрёл контуры научного исследования сфер, связанных с математикой, медицинскими науками, инженерными науками и философией. В результате евразийская тематика конкретизировалась гендерным аспектом.

Кафедра «Философские учения» рассматривает евразийскую тематику с учётом растущей роли в образовании, экономике и сфере безопасности технологий искусственного интеллекта. Одним из направлений развития этих технологий стала цифровая эпистемология. Её основным ресурсом являются данные, информация и знания. Этот ресурс может использоваться не только во благо современного человека, но и во вред ему. Поэтому актуальными стали вопросы кибернетической безопасности. Они были рассмотрены с учётом всех факторов на международном круглом столе с участием студентов БНТУ, обучающихся на специальностях, имеющих прямое отношение к технологиям искусственного интеллекта.

ЕВРАЗИЙСКИЕ ЦЕННОСТИ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ФИЛОСОФИИ

«Слова назидания» Абая Кунанбаева о справедливости как основе сотрудничества между народами

Мушинский Н.И.

В 2025 г. отмечалась знаменательная дата 180-летия со дня рождения выдающегося сына казахского народа Абая Кунанбаева – великого философа и поэта, нравственные идеи которого в значительной мере сохраняют свою актуальность в наши дни. В современных условиях, когда враждебные силы, стремящиеся к мировой гегемонии и насильственному завладению чужими природными ресурсами, не без успеха разжигают на постсоветском пространстве вражду и конфронтацию между братскими, даже этнически близкими народами, особое значение приобретают рассуждения Абая Кунанбаева о справедливости.

Техногенные проблемы, которые ставят человечество перед всё новыми вызовами и угрозами, начали проявляться ещё в XIX в., при жизни Абая Кунанбаева. Бурное развитие технических средств коммуникации (транспорта и связи) привело ко всё более масштабному взаимодействию стран и народов, до этого разделённых обширными географическими пространствами.

При этом западные технически развитые сообщества, поправ принципы справедливости, пошли по пути создания колониальной системы, а затем развязали мировые войны и ракетно-ядерную гонку, вступили между собой в глобальное противостояние за сферы влияния.

С появлением оружия массового поражения это поставило цивилизацию на грань самоуничтожения, при этом разработка новых вооружений не позволяет тратить адекватные средства на охрану окружающей среды и совершенствование рационального природопользования. Становится всё более очевидным, что эффективно решать возникшие проблемы можно только всем вместе, объединившись на основе гуманистических принципов справедливости.

Всё это с поразительной глубиной предвидел Абай Кунанбаев, который указывал: «Начало человечности – любовь, справедливость» [1, с. 129]. Именно на основе универсальных критериев справедливости необходимо строить взаимовыгодное сотрудничество между представителями разных этнокультурных общностей, только в этом случае удастся избежать всё новых проявлений техногенного кризиса.

Вместе с тем Абай Кунанбаев не отрицает объективного характера научно-технического прогресса, считает, что все люди должны приобщаться к его передовым достижениям. Только таким образом можно стереть различия между «передовыми» и «отсталыми» странами, по справедливости установить равноправие между их населением.

Изучив язык и культуру других народов, человек становится равным среди них,- подчёркивал казахский философ [2, с. 39]. Особую просветительскую функцию в эпоху Абая выполняла (и продолжает выполнять) русскоязычная культура, приобщавшая кочевые народы степной полосы к передовым достижениям технологического развития, не делавшая из технических достижений какой-либо тайны, активно распространявшая научные знания согласно общечеловеческим принципам справедливости.

Духовные богатства, знания, искусство и другие несметные тайны хранит в себе русский язык. Чтобы перенять передовые достижения западных стран, надо изучить их язык, постичь их науку. «Русский язык откроет нам глаза в мир», – отмечал Абай Кунанбаев [2, с. 39]. В современных условиях русский язык остаётся основным средством межнационального общения на постсоветском пространстве.

В противном случае возникает ситуация национальной изолированности, ограниченности, возврат «в средневековье» с его «феодалной раздробленностью», всеобщей враждой и конфронтацией, попирающей основополагающие нормы справедливости. В современном мире многие геополитические

противники заинтересованы в этом, «разжигая нездоровые страсти, натравливая людей... друг на друга» [2, с. 24], чтобы ослабить своих противников, нечестно завладеть их природными богатствами.

На востоке для этого часто используют средства исламского фундаментализма, объявляющего научные знания, принесённые русскоязычной системой образования, чем-то негативным, якобы противостоящим национальным традициям. Абсурдность подобных, навязанных извне, трактовок раскрывал Абай Кунанбаев, который прямо говорил: «Без знаний ни намаз... , ни паломничества не достигнут цели» [2, с. 24].

По его мнению, основной смысл всякой религии – в обретении духовного единения, наука же наполняет её прикладным деятельным содержанием, они взаимно дополняют друг друга согласно принципам справедливости. Люди должны обязательно это учитывать: «Иначе они и Бога забудут, ... будут клеветать, хитрить и обманывать» [2, с. 17].

Казахский мыслитель не отрицает религию, поскольку она воздействует на глубинные эмоциональные структуры личности, способна наиболее эффективно влиять на большие массы людей. Он просто стремится наполнить иррациональную веру гуманистическим содержанием согласно идее справедливости, к чему призывают как научно-теоретическое знание «о человеке», так и повседневный здравый смысл.

Для наглядности Абай Кунанбаев использует метафорическую притчу: однажды Воля, Сердце и Разум начали спорить, кто из них важнее. За советом они обратились к Знанию. «И знание так решило спор: “соединитесь все трое, но помните, что сердце – повелитель”» [1, с. 146]. Добрые чувства, всеобщее единение – науки и религии, разных стран и народов, в целях всеобщего процветания, является основой справедливости.

Те деструктивные силы, которые на геополитической арене разжигают взаимную вражду, надеясь получить материальную выгоду в условиях всеобщего хаоса, поступают как обыкновенные воры и грабители. Не понимать

этого могут только тёмные необразованные люди, поэтому их стараются оторвать от передовой образовательной системы: «Будь в народе единство, не стали бы люди мирволить вору, который ловко пользуясь поддержкой той или иной группировки, только усиливает разбой» [2, с. 12].

При этом поджигатели вражды по большому счёту действуют во вред самим себе, затрачивая несправедливо полученную прибыль на бессмысленное наращивание рекламы индустрии потребления, пропаганду низменных образцов массовой культуры, разработку новых ещё более смертоносных вооружений. «Я ещё не встречал человека, который бы, добыв богатство разбойным путём, использовал бы его на благое дело» [2, с. 24], – констатировал Абай Кунанбаев.

Глубоко заблуждается какой-нибудь фанатик, считающий себя носителем «абсолютной истины» во всей полноте, готовый навязывать её остальным насильственными средствами: «Вражда – не отстаивание истины, а просто неумение жить в согласии» [2, с. 79]. Только следование справедливости способно привести народы ко всеобщему процветанию на основе честного взаимовыгодного сотрудничества: «Единство должно быть в умах» [2, с. 17]. Высказанные Абаем Кунанбаевым «Слова назидания» наполняются новым живым содержанием в наши дни.

Восточный мудрец стремится раскрыть глубинный смысл самого понятия справедливости, интерпретируя его в духе т.н. «золотого правила» нравственности. Морально-этическое содержание этой категории самоочевидно, это «умение принять чужого за родного брата, желая ему благ, которые бы желал себе» [2, с. 17]. Подобная формулировка звучит вполне в духе как русского православия, призывающего «возлюбить ближнего, как самого себя», так и традиционного ислама, утверждающего, что «нет Бога, кроме Аллаха» (т.е. справедливость для всех одна, не существует её разных объективных трактовок, как не может быть и разных богов у разных народов).

Только постигая универсальную сущность справедливости, человек обретает истинную мудрость, а также подлинную власть над материальным миром через развитие науки и техники: «Тот, у кого больше знаний, любви, справедливости, – тот мудрец» [1, с. 129]. Абай Кунанбаев тем самым провозглашает единение морального субъекта с представителями разных народностей, с другим человеком, с окружающей природой, синтез подлинной религии с теоретическим научным знанием.

Рассуждения Абая Кунанбаева о проблеме справедливости, призывающие налаживать между народами добрососедские отношения, развивать взаимовыгодное сотрудничество, использовать для дальнейшего прогресса взаимные передовые достижения, в том числе русскоязычной культуры, в современных условиях приобретают новую актуальность для Беларуси и Казахстана.

Список использованных источников

1. Абай. Слова назидания // Абай (Ибрагим) Кунанбаев. Избранное. – М.: Русский раритет, 2006. – 256 с.
2. Абай. Книга слов. – Алматы: Ел, 1993. – 128 с.

Методология экономических наук и проблема справедливости как евразийское взаимодействие

Беркова О.В., Мушинский Н.И.

Проблема справедливости тесно связана с товарно-денежными отношениями, адекватное изучение которых в контексте евразийского сотрудничества требует соответствующей конкретизации методологии экономических наук. Необходимо в полной мере овладеть инновационными методами прогнозирования, разработки элементарных экономико-математических моделей, шире использовать междисциплинарный подход на стыке экономической теории, политологии, нравственной философии (этики) и т.п. В современных условиях для Беларуси восточный вектор внешней политики, в том числе в формах евразийского взаимодействия, приобретает особенно важное значение. Об этом наглядно свидетельствует, в частности, официальный визит белорусского руководства в Корейскую Народно-Демократическую Республику (впервые состоявшийся на таком уровне 25 – 26 марта 2026 г., с подписанием договора о дружбе и сотрудничестве), а также – постоянно крепнущие экономические связи с Китаем, Казахстаном и другими дружественными странами «восточной дуги».

Впрочем, исходя из концепции «многополярного мира» и «многовекторной модели», Беларусь остаётся открытой и для взаимовыгодного сотрудничества с «западными партнёрами» (разумеется, с уважением геополитических интересов каждой из сторон, на основе универсальных критериев справедливости). Наглядный пример – состоявшиеся переговоры с представителями «трамповской» администрации, завершившиеся частичным снятием ранее наложенных несправедливых санкционных ограничений с белорусских авиаперевозок и экспорта калийных удобрений. Тем не менее, ситуация «на западе» всё ещё весьма далека от идеальной, поэтому «восточный вектор» евразийского взаимодействия остаётся как никогда актуальным, в наибольшей степени соответствует принципам справедливости.

В любом случае, чтобы составить объективную картину происходящего, понять движущие силы глобальных геополитических процессов, в том числе в контексте присущей им в последнее время общей турбулентности, целесообразно использовать критические научные методологические принципы.

Эксплицируя в конкретных условиях понятие «экономической науки», следует отметить, что это многоплановое явление, включающее в себя как абстрагированные информационно-аналитические формы, так и ряд прикладных аспектов. Первые касаются, главным образом, таких «эпистемологических» инструментов и объектов приложения, как статистика, математические методы, анализ хозяйственной деятельности. Во втором случае, затрагивается, в частности, ряд специализированных областей, таких, как финансы, кредит, экономика природопользования и т.п. Аналогично, осуществляется изучение более узких предметных структур (экономика отдельных отраслей, экономика промышленных предприятий).

Необходимо отдельно отметить, что все указанные объекты, на любых уровнях, берутся в непрерывном совершенствовании и в синергетическом саморазвитии. На этих принципах строятся, в частности, такие теоретико-познавательные дисциплины, как «история экономической мысли», «история народного хозяйства» и т.п.

Во всех перечисленных случаях важнейшее значение приобретают числовые показатели, поэтому особую эффективность проявляет теоретическая формализация, позволяющая перевести абстрагированные философско-экономические рассуждения о хозяйственных объектах в плоскость оперирования со знаками (формулами). В результате создается обобщенная знаковая модель, позволяющая раскрыть структуру экономических процессов при отвлечении от их качественных характеристик. Разумеется, в каждом данном случае должны особо оговариваться условия и ограничения, при которых та или иная формализация «работает» в достаточной мере эффективно.

Особое место занимает категория «справедливость» как этико-философская проблема, тесно связанная с изучением «хозяйственной подсистемы» общества как такового. В данном случае указанное экономическое понятие выступает как предмет отдельной теоретической дисциплины – науки «политэкономии». Вполне очевидно, что производственная подсистема, исходя из общепринятых критериев научности «дискурса», должна рассматриваться во взаимосвязи с другими факторами её саморазвития: социальной стратификацией, политикой, идеологией, моралью.

Сложные саморегулирующиеся системы стали объектом исследования в науке сравнительно недавно. Их изучение опирается на особый тип научной рациональности – постнеклассический [1, с. 239], реализация которого в массовом сознании стала завершающей стадией длительных процессов формирования и последующего скачка от «классической» парадигмы к «неклассической» и далее – к современности.

Речь идет об экстраполяции в сферу научного дискурса принципов гармонии и симметрии, абстрагированного интеллекта, как это происходило в «классическую» эпоху древнегреческих полисных демократий (Сократ, Платон, Аристотель, Демокрит), а также – в лице «немецкой классики начала XIX века» (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Фейербах), тесно связанной с эстетикой «классицизма» примерно того же периода.

В научно-технической и экономической сфере на заключительном этапе этому соответствовала «классическая физика» (Ньютоновская механика) как теоретическая основа промышленного переворота Нового времени, помогавшая изобретать всё новые станки и машины для выпуска полезной продукции на заводах и фабриках.

«Неклассическая» парадигма начала формироваться на рубеже XIX – XX вв., когда обострились социальные противоречия индустриальной эпохи и начал постепенно ощущаться недостаток природных ресурсов; соответственно во многих странах наметились и произошли социальные революции,

а также были развязаны мировые войны (за «жизненное пространство», рынки сбыта промышленной продукции и сферы колониального влияния).

Философов и учёных стали интересовать уже не столько отношения с окружающей природой (как с помощью техники и критического интеллекта взять у неё побольше полезных ресурсов), а, скорее, проблемы элементарного выживания в ходе всё более масштабных социальных пертурбаций.

Это отразилось в фундаментальных категориях «неклассической» философии, таких, как «воля к жизни», «жизненный порыв», «благоговение перед жизнью» (витализм); «понимание Другого» (философская герменевтика); «бессознательное», «сублимация» (фрейдовский психоанализ); «моральный выбор» в «пограничных ситуациях» (экзистенциализм).

«Постнеклассическая» эпоха началась на рубеже третьего тысячелетия, в условиях всеобщей «информацизатизации» и «цифровизации», когда компьютерная техника проникла во все сферы экономики, «искусственный интеллект» охватывает самые разные стороны жизни. Завершилась научно-техническая «глобализация», сформировалось единое «информационное поле», начались массовые миграции населения со всё более острыми проявлениями «конфликта цивилизаций».

Мировое противостояние перешло на уровень «гибридных войн» (периодически переходящих в «горячую фазу»), когда основная борьба идёт за умы «продвинутых пользователей» с широким использованием разнообразных информационных «симулякров», «фэйковых» новостей, деструктивных слоганов «виртуальной реальности». Небольшим государствам становится всё труднее устоять под массивным «информационным» напором, сохранить политический суверенитет соответственно принципам справедливости.

Становится всё более очевидным, что в наши дни дальнейшие перспективы евразийских связей непосредственно пересекаются с синергетикой, предполагающей широкое использование информационных технологий. В подобном контексте в рамках экономической науки спонтанные, случайные изменения социальных систем можно, по аналогии с «постнеклассической» физикой

микромира, рассматривать как «флуктуации», приводящие к «точке бифуркации», за которой точно предсказать поведение системы невозможно, поскольку любая случайность может привести к неожиданным результатам.

Всё в немалой степени также зависит от разных вариантов «исходной пропозиции», что взять за «точку отсчёта» – товар или благо, объективную стоимость или ценообразование: «Здесь ключевой вопрос связан с мотивацией выбора такого начала. Что ученый или аналитик хочет... доказать?» [2, с. 95]. В зависимости от этого, разработка экономических теорий приобретает широкий спектр возможностей, допускает множественную вариативность практических выводов в контексте конкретных конъюнктурных потребностей.

Учитывать это необходимо, сталкиваясь с парадоксальным противоборством экспертных «мнений» на информационных просторах. Особое значение в «постнеклассической» рациональности приобретают ссылки на ценностно-целевые структуры, в частности, этико-культурологическая экспертиза, отражающая в быстро меняющихся геополитических условиях евразийские критерии справедливости.

Список использованных источников

1. Степин, В. С. Человек. Деятельность. Культура / В. С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2018. – 800 с.
2. Рязанов, В. Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике / В. Т. Рязанов. – СПб.: Издат. дом С. -Петербур. гос. ун-та, 2009. – 463 с.

Логика Абеляра как метод осмысления духовных оснований справедливости в средневековой католической схоластике

Мушинский Н.И.

Средневековая католическая схоластика сыграла важную роль в научно-рационалистическом осмыслении духовных оснований понятия справедливости. Впервые после длительного периода «тёмных веков», наступивших в результате распада Западной Римской империи и возникновения «варварских» королевств на территории её бывших провинций, где даже верхи общества были поголовно неграмотны, научный дискурс вновь обрёл актуальность.

В эпоху крестовых походов дикие и необразованные «франки» – европейцы столкнулись со значительно более развитой, на тот момент, культурой ислама, где аристотелевские труды по логике и этике уже несколько веков как были переведены с древнегреческого на арабский язык и на фарси (например, «Даниш-намэ» – «Книга знаний» Ибн Сины), широко комментировались (аль-Фараби и др.), применялись в полемике с мусульманским фундаментализмом («Тахафут ат-тахафут» – «Опровержение опровержения» Аверроэса, направленное против суфистского «Опровержения философии» аль-Газали) и для разработки прикладных научных дисциплин («Канон врачебной науки» того же Авиценны и т.п.).

В результате взаимного проникновения и обогащения культур, у западных христиан тоже появился интерес к рационалистическим методам научной аргументации периода античности. Аристотеля перевели на латынь и начали широко использовать его методы научной аргументации в догматических спорах (поскольку в эпоху средневековья в массовом сознании всё ещё полностью господствовали религиозные представления). Возникла мысль «через творение (материальный мир с его упорядоченностью и гармонией) постигать Творца (Бога) с помощью разума (чистого интеллекта)», а также – с помощью рациональной аргументации укреплять религиозную веру.

Так Фома Аквинский в книге «Сумма теологии» сформулировал пять доказательств «бытия Божьего» (космологические и телеологическое), а Ансельм Кентерберийский по тому же поводу предложил «онтологическое доказательство». Разумеется, подобные рассуждения носили абстрактно-теоретический характер без какого-либо практического приложения, однако начало в развитии научного метода было положено.

Если рассматривать средневековую католическую схоластику как исходный «тезис» (в рамках гегелевской триады), то «антитезис» – это естественнонаучные изыскания Ренессанса и Нового времени (приложившие науку к экспериментальному изучению окружающей природы, предпринявшие тем самым натуралистическое обоснование принципов справедливости), а «синтез» - немецкая классическая философия с её позицией «философской рефлексии», «априорным» выведением критериев справедливости в контексте кантовского «категорического императива».

Исходя из сказанного, заслуга средневековой католической схоластики в научно-рационалистическом осмыслении духовных основ справедливости вполне очевидна. Для наглядности целесообразно рассмотреть этико-философское и логико-теоретическое наследие такого яркого её представителя, как Пьер Абеляр (1079 – 1142).

Весьма показательным, что этот автор ставил «разумное» обоснование догматов веры значительно выше, чем даже столь привычные для раннего средневековья не критичные ссылки на авторитет Святого Писания и творений «отцов церкви» (трактовавшийся вполне в духе тертуллиановской сентенции «верую, потому что абсурдно»). Ничто, по мнению Абеляра, не мешает вдумчиво обсуждать положения вероучения посредством логической аргументации, и «возникшая в таком споре истина разумного доказательства сильнее, чем приведённый авторитет» [1, с. 354 – 355]. Подобный подход является весьма оригинальным для средневекового менталитета, чем, в немалой сте-

пени, было впоследствии обусловлено негативное отношение к теории Абе-ляра со стороны других видных деятелей католической церкви (таких, напри-мер, как известный мистик Бернард Клервоский).

Следует отметить, что Абеляр, при глубокой для своего времени фило-софской эрудиции, опирался в научно-методологических разработках не только на аристотелевское наследие, но и на логику греческого и римского стоицизма, на Цицерона, Боэция и других выдающихся представителей антич-ной эпохи. Именно туда (к объективному идеализму Платона и неоплатони-ков, «гилеморфизму» того же Аристотеля, атомистике Демокрита и Эпикура, подвергшихся средневековой интерпретации в контексте религиозной моно-теистической духовности) уходила корнями, как известно, пресловутая «про-блема универсалий». В своих логико-философских трудах Абеляр внёс значи-тельный вклад в обсуждение «общих понятий» с позиций т.н. «концептуа-лизма» (умеренного номинализма).

Он подробно анализирует точку зрения «реализма» (*universalia sunt realia*), как крайнего, считавшего, что универсалии существуют «до вещей» (*ante res*), так и умеренного, заключавшего общие понятия в конкретных вещах (*in rebus*), однако при этом добавляет: «Но об универсалиях говорят также как об именах» [1, с. 64]. Тем не менее, воззрения крайнего номинализма, видев-шего в универсалиях всего лишь звуки речи, «колебания воздуха» (*flactus vocis*) как материальные носители информации, его тоже не устраивают.

С некоторой категоричностью Абеляр возражает: «Но речь идёт не о виде в собственном смысле слова, потому что называние не субстанциально, но акцидентально» [1, с. 64]. Звуковое выражение не затрагивает суть вещей и является «акциденцией» (*accidentia*) потому, что одну и ту же мысль можно выразить разными словами, в том числе – на разных языках.

Трактовка Абеяра акцентирует ментальные процессы, происходящие в самом сознании познающего субъекта, который классифицирует наблюдае-мые объекты на отдельные виды по каким-либо произвольно выбранным при-знакам. Эти признаки имеют бесконечное количество вариантов, поэтому они

не могут присутствовать в самих вещах, а являются «концептами» человеческого мышления (отсюда «концептуализм» Абельяра, как умеренная форма номинализма). Исходя из подобной трактовки, Абельяр конкретизирует такие традиционные формы мысли, как понятие, суждение и умозаключение, которые далее наполняет конкретным содержанием применительно к проблемам морали: «Мы... обсудим – в соответствии с... сущностью этики – то, что есть высшее благо» [1, с. 355]. В контексте сложившегося религиозного мирозерцания, он отождествляет привнесённую из античной этики категорию высшего блага с монотеистическим понятием Божественного первоначала, наполняя её высоким духовным смыслом.

Отсюда последовательно выводятся более частные морально-этические категории, такие, например, как принцип справедливости. Действительно, именно в Боге воплощается истинная справедливость, когда каждому человеку после смерти воздаётся за его грехи: «Ведь даже сама кара, которую Бог налагает на его неблагость, свидетельствует о праведности Бога» [1, с. 388]. При этом все грешники равны перед высшей силой мироздания, без какой-либо избирательности, обусловленной их социальным положением или благородным происхождением.

Источником же любых форм существующей в обществе несправедливости является именно человек с его свободной волей, которой он обладает, поскольку создан по образу и подобию божьему. Человек постоянно стремится получить больше жизненных благ за чужой счёт, тем самым покушается на Богом установленный все благой мировой порядок, нести же кару за свои грехи его вовсе не устраивает. «Тем самым мы очевидно неправедны, потому что хотим совершить неправедное, но не хотим подвергнуться беспристрастному праведному наказанию» [1, с. 254].

Злоумышляя против других людей, несправедливый моральный субъект одновременно отпадает от Бога, впадает в грех, в этом состоит смысл христианской заповеди «возлюби ближнего». Логическое мышление с необходимостью

стью показывает, что в духовных основах божественной всеблагости и милосердия заключается сама суть справедливости: «Действительно, ... у Бога... одна только любовь заслуживает имя добродетели» [1, с. 365]. Почитание единого Бога в практической плоскости выражается в том, чтобы справедливо поступать со всеми людьми как его творениями, в этом состоит абеляровская диалектика всеобщего и единичного, общего и особенного.

Из универсальных принципов божественной справедливости следуют конкретные положения юридических норм в разнообразных общественных системах: «Известно, что [ещё] до... законодательных предписаний, большая часть их содержалась в естественном законе, который... состоит в любви к Богу, и... почиталась справедливость» [1, с. 322]. По большому счёту в этом сходятся все мыслители, не только христианские, – делает вывод Абельяр.

Различие состоит только в речевом обозначении: то, что для католика выступает как «царство Божие» - средоточие справедливости, у эпикурейцев называлось «принцип удовольствия», а Боэций считал блаженством - наградой за праведную жизнь. «Важно ли, каким именем это называется?» [1, с. 361 – 362], – задаёт вопрос Абельяр, описывая символический диалог Философа, Иудея и Христианина.

С теорией справедливости у Абельяра связана сложная для католической схоластики проблема теодицеи, состоящая в логическом противоречии между догматами божественного всемогущества и всеблагости. Почему Бог допускает существование зла в реальном мире, почему грешников больше, чем праведников. Либо Бог не хочет исправить ситуацию (тогда он не всеблагий), либо – не может (тогда он не всемогущий); за что в аду карают грешников, если существует доктрина божественного всезнания и изначального предопределения, т.е. Бог заранее видит, кто собирается совершить грех и допускает это, иными словами сам косвенно участвует в совершении греха.

Подобные логические парадоксы Абельяр решает с помощью той же рационалистической аргументации; он считает, что «не стоит обвинять Бога в

неправедности, ибо Он... пользуется даже злом во благо и наилучшим образом располагает то, что является наихудшим» [1, с. 293].

Религиозное учение о справедливости имеет прямой выход в наши дни в контексте принадлежащей Абеляру теории «двух истин», одна из которых относится к философам, способным мыслить абстрактными категориями, интеллектуальными «концептами», не зависящими от конкретного речевого выражения, а другая – к простым людям, которые нуждаются в иконах, культовых практиках, рассуждениях о Боге, потому что не способны понять, что такое единое для всех мировое духовное начало, способное «видеть без глаз», «слышать без ушей» и т.п. Можно наглядно убедиться, что логика Абеляра сохраняет актуальность в современных условиях как действенный метод осмысления духовных оснований справедливости.

Список используемых источников

1. Абеляр П. Теологические трактаты: Пер.с лат. / П.Абеляр. – М.: Прогресс, Гнозис, 1995. – 413 с.

Создание кадетских корпусов на территории Беларуси в первой половине XIX века

Ленеш О.В.

В 30-40-х гг. XIX в. на территории Беларуси было создано два кадетских корпуса – в Полоцке в 1835 г. и в Бресте в 1842 г. В кадетские корпуса принимались дети дворян по свидетельствам о дворянском происхождении [1, № 18578]. Нужно сказать, что император Николай I уделял большое внимание процессу преподавания в кадетских корпусах.

В Полоцкий кадетский корпус он повелел пригласить лучших учителей, причём жалование им выплачивалось большее, чем учителям гимназий. Например, если в 1836 г. учитель среднего класса Динабургской гимназии получал около 100 руб. асс. в месяц [2, л. 21 об.], то учитель Полоцкого кадетского корпуса такого же ранга – от 150 до 180 руб. асс. в месяц [3, л. 11 об.]. Причём офицерский состав Брестского и Полоцкого кадетских корпусов комплектовался выходцами из центральных российских, прибалтийских или украинских (левобережных) губерний, православных или лютеранского вероисповедания. Уроженцы белорусских губерний в преподаватели не допускались, за исключением католического священника [4, с. 68].

Постепенно предполагалось набрать в Полоцкий кадетский корпус 400 воспитанников (11 классов по 36 человек) и пригласить для преподавания 22 учителя [5, л. 12]. Полоцкий кадетский корпус первоначально учреждался для малолетних дворян Витебской, Могилёвской, Смоленской, Минской, Виленской, Гродненской губерний и Белостокской области. Но это совсем не значило, что претенденты, проживавшие в других губерниях, не могли поступать в такое учебное заведение закрытого типа.

Каждая губерния, пожертвовав капитал на содержание кадетского корпуса, имела право приписать столько кандидатов, сколько получалось с процентов с её капитала, рассчитывая на каждого воспитанника 644 руб. 56 коп.

Так, поскольку Виленская губерния и Белостокская область не внесла положенной суммы на счёт Полоцкого кадетского корпуса, они были исключены из расписания. Для дворян обучать стипендиатов в кадетском корпусе было дорогим удовольствием, поэтому с момента учреждения кадетского корпуса в Полоцке там обучалось от приписанных белорусских губерний всего 8 чел.: 7 чел. от Минской и 1 чел. от Гродненской губернии [6, с. 5].

Полоцкий кадетский корпус в первые годы своего существования не рассматривался в качестве учебного заведения, предназначенного для перевоспитания дворянства западных губерний, поскольку большая часть его воспитанников представляла внутренние губернии России.

После открытия Брестского кадетского корпуса и перераспределения вакансий в военно-учебных заведениях (1844 и 1849 гг.) число учащихся от белорусских губерний в Полоцком кадетском корпусе значительно возросло и составляло примерно половину, то есть 200 чел. Перед Александровским-Брестским кадетским корпусом, принимавшим в свои ряды в основном детей дворян из Виленской, Гродненской и Минской губерний, сразу стояла цель по формированию из его питомцев военных, покорных и преданных престолу. Поэтому Александровский-Брестский кадетский корпус на три четверти состоял из уроженцев западных белорусских губерний и Царства Польского, а с 1849 г. – на половину [7, с. 8-9].

Так, в 1842 г. от Виленской губернии в Брестский кадетский корпус было принято 111 чел., от Гродненской – 75 чел., от Минской – 105 чел. и от Белостокской области – 9 чел. [109, с. 50]. Итого из 400 воспитанников 300 приходилось на западные губернии.

Таким образом, в первой половине XIX в. на территории Беларуси было создано два кадетских корпуса – Полоцкий и Брестский, в которых обучались в основном дети из высшего сословия. Данные военные заведения были закрытыми, а их система обучения была направлена на формирование преданного государству и престолу офицера.

Список используемых источников

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: в 55 т. СПб.: Тип. II отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцел., 1830-1884 гг. Т. XX. Отд.
2. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 3157. Оп. 1. Д. 224.
3. НИАБ. Ф. 3157. Оп. 1. Д. 240.
4. Лукашевич А.М. Подготовка офицерских кадров в кадетских корпусах на территории Беларуси (1778—1863 гг.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Мн., 1999. – 132с.
5. НИАБ. Ф. 3157. Оп. 1. Д. 240.
6. Викентьев В.П. Полоцкий кадетский корпус. – Полоцк: Тип. Х.В. Клячко, 1910. – 396,43 с.
7. Лукашевич А.М. Подготовка офицерских кадров в кадетских корпусах на территории Беларуси (1778—1863 гг.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Мн., 1999. – 132с.
8. Куль-Сяльверстава С. Брэсцкі кадэцкі корпус // Беларускі гістарычны часопіс. – 1998. – №3. – С. 48-53.

Перспективы и риски современной цивилизации

Балук И.С., Лойко А.И.

Современная цивилизация развивается с такой скоростью, что социальные и культурные механизмы просто не успевают адаптироваться. Технологии становятся не внешней надстройкой, а повседневной средой, в которой формируются способы мышления, способы чувствовать и даже способы выбирать. В этих условиях философский взгляд приобретает особую значимость. Он позволяет задать более глубокие вопросы:

Как меняется человек в мире, где знание, память, внимание и коммуникация всё чаще передаются технологическим посредникам? Что происходит с человеческой природой, если цифровые среды становятся основным способом взаимодействия с реальностью?

Философия – это не абстракция, а инструмент анализа последствий, которые нельзя измерить только техническими параметрами. Именно антропологическая оптика помогает увидеть, что на кону – не просто удобство или скорость, а сохранение смысла человеческой жизни, её глубины, свободы и внутренней цельности.

Технологический прогресс предоставляет человеку уникальные перспективы. Впервые в истории знания стали столь доступны, что почти любой человек может быстро освоить сложные навыки, взаимодействовать с глобальными сообществами и развивать личные проекты. Искусственный интеллект, аналитические системы, когнитивные технологии создают режим расширенной рациональности, где индивидуальное мышление дополняется вычислительными мощностями.

На уровне социальной структуры техника формирует новые формы кооперации. Появляются распределённые коллективы, объединённые не территорией, а интересами, задачами и цифровыми платформами. Такие сообщества способны к самоорганизации и гибкой адаптации, что увеличивает общий интеллектуальный потенциал общества.

Эти тенденции могут стать основой для сбалансированного цивилизационного развития. Если использовать технологии осмысленно, они могут укреплять образование, снижать социальное неравенство, формировать пространства для диалога и культурного обмена. Переход к ноосферной перспективе становится возможным, если техника понимается не как средство эксплуатации мира, а как способ его гармонизации и осознанного преобразования.

Однако развитие технологий неразрывно связано с появлением новых рисков. Человек оказывается в ситуации, где его внимание постоянно управляется внешними стимулами. Цифровая среда формирует привычку к быстрым реакциям, но ослабляет способность к длительной концентрации. Это приводит к постепенному обеднению внутреннего опыта и снижению способности к смыслообразованию.

Ещё один риск – зависимость от цифровых структур. Платформы формируют алгоритмические профили пользователей, подстраивая под них информационные потоки. Однако такая адаптация действует и в обратную сторону: человек привыкает доверять алгоритмам, отказываясь от самостоятельной оценки. В результате формируется «алгоритмическая субъективность», где личный выбор становится результатом невидимых расчётов и фильтров.

Одновременно усиливается угроза социального контроля. Сбор данных, поведенческая аналитика и технологии прогнозирования превращают цифровые платформы в мощные инструменты влияния на общественные процессы. Если эти механизмы остаются непрозрачными, возникает риск снижения гражданской автономии и ослабления демократических институтов.

На антропологическом уровне особенно тревожным становится разрыв между внутренней и внешней идентичностью. Человек всё чаще воспринимает себя через цифровые метрики – просмотры, лайки, статистику. Но такая внешняя оценка не способна заменить внутренне выстроенную систему ценностей. В итоге возникает феномен поверхностного «я», зависимого от постоянного подтверждения и обратной связи.

Чтобы перспективы техногенной цивилизации не обернулись антропологическим кризисом, нужны теоретические и практические ориентиры.

1. Феноменологический подход. Он показывает, что техника меняет не только поведение, но и структуру опыта: восприятие времени, темп жизни, глубину мыслительных процессов. Исходя из этого, необходимо проектировать технологические среды, которые не разрушают человеческое внимание, а поддерживают его – через более этичный дизайн, отсутствие лишней стимуляции и создание пространств для «цифровых пауз».

2. Институциональная ответственность. Социология знания подчёркивает, что любая технологическая система – это результат конкретных решений, интересов и норм. Поэтому необходимо развивать механизмы контроля за алгоритмами: независимые экспертизы, прозрачность моделей принятия решений, участие общества в регулировании цифровых технологий.

3. Ноосферная логика развития. Важным ориентиром становится идея гармонизации отношений между человеком, технологией и природой. Техника должна служить поддержанию устойчивости – экологической, культурной, образовательной. Это предполагает развитие цифровой этики, гуманитарных компонентов образования и технологий, направленных на укрепление внутреннего мира человека.

Философия помогает не только критиковать, но и проектировать. Она показывает: технология должна стать продолжением человеческого стремления к смыслу, а не его заменой.

Современная цивилизация приближается к точке, где выбор между развитием и деградацией определяется не количеством технологий, а качеством их осмысления. Человек может сохранить свою аутентичность в техногенном мире, если будет осознавать, что техника – это не новая природа, а созданная нами среда, которую мы можем менять и направлять.

Если общество будет укреплять культуру критического мышления, рефлексии и ответственности, технологии станут инструментом эволюции человека. Но если цивилизация пойдёт по пути полного доверия алгоритмам и

платформам, есть риск постепенной утраты способности к самостоятельному смыслообразованию. Будущее остаётся открытым. Оно зависит от того, насколько сознательно мы сможем использовать техногенную мощь и насколько сможем удержать человеческую глубину в мире быстрых решений и поверхностных стимулов.

Список использованных источников

1. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера – М.: Наука, 1990.
2. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Письма и трактаты. – М.: Республика, 1994.
3. Мемфорд Л. Техника и цивилизация. – М.: Политиздат, 1987.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Прогресс, 1991.
5. Луман Н. Социальные системы. – М.: Академический проект, 2004.
6. Леви П. Коллективный интеллект. – М.: ИД «XXI век», 2010.
7. Норман Д. Психология повседневных вещей. – М.: Альпина Паблишер, 2013.

Теология

Якубчик А.В., Лойко А.И.

Термин «теология», прочно ассоциирующийся сегодня в первую очередь с христианским богословием, имеет глубокие и сложные античные корни. Его происхождение и эволюция значения демонстрируют, как понятие, изначально связанное с языческой мифологией и философией, было радикально переосмыслено и адаптировано новой религией.

Изначально в Древней Греции слово «θεολογία», буквально означающее «слово о боге» или «богословие», не имело того строгого доктринального смысла, который оно приобрело позднее. Первым и наиболее древним его значением была поэтическая мифология.

Теологами в этот период именовали прежде всего поэтов, таких как Орфей, Гомер и Гесиод, которые в своих произведениях – теогониях и космогониях – систематически излагали мифы о происхождении богов, героев и мира.

Их творчество носило не рационально-философский, а мистико-аллегорический характер, где истина была скрыта под покровом поэтических образов и символов.

Даже в поздней античности, у таких авторов, как Прокл, Орфей почитался как «Богослов» по преимуществу, а его традиция считалась ядром всего эллинского богословия. К этой же категории примыкала деятельность жрецов, которые исполняли роль рассказчиков местных мифов при языческих храмах, что можно считать локальным вариантом мифопоэтического богословия.

Однако с развитием греческой мысли термин «теология» начал приобретать философское звучание. С одной стороны, вся античная философия в целом могла рассматриваться как своеобразная теология, поскольку она в значительной степени была занята поиском первоначал и высших причин, то есть божественного в самом широком смысле.

Мудрость понималась как познание дел божественных и человеческих, а такие фигуры, как Сократ или Платон, в определенном контексте предстают

как богословы. С другой стороны, внутри философии постепенно выделилась специальная дисциплина – философское учение о богах.

Эта «философская теология» принципиально отличалась от мифопоэтической: она представляла собой не изложение мифов, а их рациональную интерпретацию и исследование. Такие мыслители, как Ферекид Сиросский или Эпименид, уже делали мифологию не формой, а предметом мысли, подвергая ее аллегорическому истолкованию.

Платон, критикуя безнравственные мифы поэтов, призывал создавать такие речи о богах, которые представляли бы божественное как причину лишь блага, а не зла. В стоицизме этот процесс рационализации мифологии достиг своего апогея, где боги часто интерпретировались как аллегории природных сил или философских категорий. При этом философская теология не была догматичной и могла приводить к скептическим или даже отрицательным выводам, как, например, у последователей Эвгемера, считавших богинь и богов обожествленными людьми.

Важнейший поворот в понимании теологии связан с философией Аристотеля. Именно он, по мнению ряда исследователей, впервые ввел этот термин в строгий философский оборот, придав ему метафизическое значение. Аристотель разделил теоретическую философию на физику, математику и «первую философию». Последняя, занимающаяся изучением неподвижных, сверхчувственных и вечных сущностей – первопричин всего сущего, – единожды была названа им «теологией». Поскольку наиболее ценный род сущего – это бог (понимаемый Аристотелем как перводвигатель, форма форм и целевая причина), то и наука о нем является наиболее ценной и божественной.

Таким образом, теология у Аристотеля отождествляется с метафизикой в ее высшем, аксиологическом аспекте. Это понимание оказало огромное влияние на последующую традицию. Ученики и комментаторы Аристотеля, а также представители среднего платонизма, такие как Алкиной, стали включать теологию в структуру философского знания как учение о неподвижных первых причинах и божестве.

Это деление было унаследовано и средневековой философией, например, Боэцием, который выделял в рамках умозрительного знания наряду с естествознанием и математикой «божественную философию».

Дальнейшее развитие и усложнение понятия теологии произошло в неоплатонизме. Здесь теология не просто является одним из разделов философии, но поглощает ее целиком, превращаясь в всеобъемлющую философско-мистическую систему. У Плотина рассуждение о Едином – запредельном первоначале – с необходимостью становится апофатической теологией.

Прокл, чьи труды «Первоосновы теологии» и «О теологии Платона» являются вершиной античного богословствования, разработал развернутую классификацию теологии. Он выделял четыре ее вида: мифологическую (символическую), иконическую (использующую математические образы, как у пифагорейцев), мистическую (теургическую, основанную на божественном вдохновении) и научную (философскую, диалектическую, которую он приписывал Платону). При этом Прокл считал, что сам Платон в своих диалогах мастерски использовал все четыре способа.

В неоплатонизме теология становится рассудочным осмыслением мифологии, где боги превращаются в структурные элементы логически постигаемой реальности – иерархии эманлирующих из Единого начал.

Римская культура восприняла и адаптировала греческие представления о теологии. Наиболее известной стала трехчастная классификация, воспроизведенная блаженным Августином со ссылкой на Варрона.

Согласно ей, существовало три рода теологии: мифическая, или «баснословная», представлявшая собой поэтическую мифологию с ее зачастую безнравственными историями о богах; гражданская, или «политическая», которая включала государственные культы и, что ключево, обожествление императора; и естественная, то есть философская теология, занимавшаяся поиском божественного начала в природе и космосе.

Эту же схему, отвергая все три типа как ложные, использовал и раннехристианский апологет Тертуллиан. Он указывал, что боги философов ненадежны

из-за разногласий между школами, боги поэтов – гнусны, а боги народов – произвольны. Таким образом, в Риме термин «теология» охватывал весь спектр религиозно-мифологических и философских представлений, от народных суеверий до метафизических умозрений.

Многообразие языческих коннотаций термина «теология» объясняет, почему он не сразу был принят христианской традицией. Для первых христиан это слово сохраняло слишком явный «языческий, мифологический привкус».

Оно ассоциировалось с поэтическими вымыслами, с философскими спекуляциями, основанными на человеческом разуме, и с политическим культом императора. Христианское учение о едином личном Боге-Творце, открывающем Себя в Священном Писании и в лице Иисуса Христа, принципиально отличалось от всех этих значений. Поэтому потребовалось время и радикальное переосмысление содержания термина, чтобы он мог быть интегрирован в христианский лексикон. Этот процесс в основном завершился к IV веку.

Христианская теология, в отличие от античной, строится не на мифе или чистом умозрении, а на основе Откровения – свидетельства Бога о Самом Себе, данном в вере и зафиксированном в сакральных текстах. Ее ядром является теизм – представление о Боге как бесконечной, вечной, трансцендентной миру и одновременно имманентно в нем действующей Личности.

Теология в собственном смысле понимается как рациональная рефлексия на данное Откровение, как попытка систематического и логически выстроенного осмысления догматов Церкви. Именно в христианстве теология обрела свою классическую форму, четко отделившись как от философии, так и от мистики, хотя и оставаясь с ними в тесной связи.

Происхождение и эволюция термина «теология» в античности отражают сложный путь развития западной мысли от мифа к логосу. Античная культура породила множество форм теологии – от поэтической мифологии до философской метафизики.

Однако все они, в отличие от христианской теологии, были продуктом человеческого поиска божественного, а не ответом на его само откровение.

Усвоение и преобразование этого термина христианством стало возможным лишь после тщательной критики и отбора, в результате чего было создано принципиально новое понимание богословия, которое, тем не менее, навсегда сохранило в своей истории следы своего дохристианского прошлого.

Список использованных источников

1. Августин. О Граде Божиим: в 4 т. – М.: Изд-во Валаамского монастыря, 1994. – Т. 1. – 396 с.
2. Аверинцев С. С. Теология // Философский энциклопедический словарь. – М. Советская энциклопедия, 1983. – С. 675-676.
3. Андреев И. Д. Богословие // Христианство: Энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 1993. – С. 275-286.

Методология экономических наук и проблема справедливости как евразийское взаимодействие

Беркова О.В., Мушинский Н.И.

Проблема справедливости тесно связана с товарно-денежными отношениями, адекватное изучение которых в контексте евразийского сотрудничества требует соответствующей конкретизации методологии экономических наук. Необходимо в полной мере овладеть инновационными методами прогнозирования, разработки элементарных экономико-математических моделей, шире использовать междисциплинарный подход на стыке экономической теории, политологии, нравственной философии (этики) и т.п.

В современных условиях для Беларуси восточный вектор внешней политики, в том числе в формах евразийского взаимодействия, приобретает особенно важное значение. Об этом наглядно свидетельствует, в частности, официальный визит белорусского руководства в Корею (Народно-Демократическую Республику (впервые состоявшийся на таком уровне 25 – 26 марта 2026 г., с подписанием договора о дружбе и сотрудничестве), а также – постоянно крепнущие экономические связи с Китаем, Казахстаном и другими дружественными странами «восточной дуги».

Впрочем, исходя из концепции «многополярного мира» и «многовекторной модели», Беларусь остаётся открытой и для взаимовыгодного сотрудничества с «западными партнёрами» (разумеется, с уважением геополитических интересов каждой из сторон, на основе универсальных критериев справедливости). Наглядный пример – состоявшиеся переговоры с представителями «трамповской» администрации, завершившиеся частичным снятием ранее наложенных несправедливых санкционных ограничений с белорусских авиаперевозок и экспорта калийных удобрений. Тем не менее, ситуация «на западе» всё ещё весьма далека от идеальной, поэтому «восточный вектор» евразийского взаимодействия остаётся как никогда актуальным, в наибольшей степени соответствует принципам справедливости.

В любом случае, чтобы составить объективную картину происходящего, понять движущие силы глобальных геополитических процессов, в том числе в контексте присущей им в последнее время общей турбулентности, целесообразно использовать критические научные методологические принципы.

Эксплицируя в конкретных условиях понятие «экономической науки», следует отметить, что это многоплановое явление, включающее в себя как абстрагированные информационно-аналитические формы, так и ряд прикладных аспектов. Первые касаются, главным образом, таких «эпистемологических» инструментов и объектов приложения, как статистика, математические методы, анализ хозяйственной деятельности. Во втором случае, затрагивается, в частности, ряд специализированных областей, таких, как финансы, кредит, экономика природопользования и т.п. Аналогично, осуществляется изучение более узких предметных структур (экономика отдельных отраслей, экономика промышленных предприятий).

Необходимо отдельно отметить, что все указанные объекты, на любых уровнях, берутся в непрерывном совершенствовании и в синергетическом саморазвитии. На этих принципах строятся, в частности, такие теоретико-познавательные дисциплины, как «история экономической мысли», «история народного хозяйства» и т.п.

Во всех перечисленных случаях важнейшее значение приобретают числовые показатели, поэтому особую эффективность проявляет теоретическая формализация, позволяющая перевести абстрагированные философско-экономические рассуждения о хозяйственных объектах в плоскость оперирования со знаками (формулами). В результате создается обобщенная знаковая модель, позволяющая раскрыть структуру экономических процессов при отвлечении от их качественных характеристик. Разумеется, в каждом данном случае должны особо оговариваться условия и ограничения, при которых та или иная формализация «работает» в достаточной мере эффективно.

Особое место занимает категория «справедливость» как этико-философская проблема, тесно связанная с изучением «хозяйственной подсистемы» общества как такового. В данном случае указанное экономическое понятие выступает как предмет отдельной теоретической дисциплины – науки «политэкономии». Вполне очевидно, что производственная подсистема, исходя из общепринятых критериев научности «дискурса», должна рассматриваться во взаимосвязи с другими факторами её саморазвития: социальной стратификацией, политикой, идеологией, моралью.

Сложные саморегулирующиеся системы стали объектом исследования в науке сравнительно недавно. Их изучение опирается на особый тип научной рациональности – постнеклассический [1, с. 239], реализация которого в массовом сознании стала завершающей стадией длительных процессов формирования и последующего скачка от «классической» парадигмы к «неклассической» и далее – к современности.

Речь идет об экстраполяции в сферу научного дискурса принципов гармонии и симметрии, абстрагированного интеллекта, как это происходило в «классическую» эпоху древнегреческих полисных демократий (Сократ, Платон, Аристотель, Демокрит), а также – в лице «немецкой классики начала XIX века» (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Фейербах), тесно связанной с эстетикой «классицизма» примерно того же периода.

В научно-технической и экономической сфере на заключительном этапе этому соответствовала «классическая физика» (Ньютоновская механика) как теоретическая основа промышленного переворота Нового времени, помогавшая изобретать всё новые станки и машины для выпуска полезной продукции на заводах и фабриках.

«Неклассическая» парадигма начала формироваться на рубеже XIX – XX вв., когда обострились социальные противоречия индустриальной эпохи и начал постепенно ощущаться недостаток природных ресурсов; соответственно во многих странах наметились и произошли социальные революции,

а также были развязаны мировые войны (за «жизненное пространство», рынки сбыта промышленной продукции и сферы колониального влияния).

Философов и учёных стали интересовать уже не столько отношения с окружающей природой (как с помощью техники и критического интеллекта взять у неё побольше полезных ресурсов), а, скорее, проблемы элементарного выживания в ходе всё более масштабных социальных пертурбаций.

Это отразилось в фундаментальных категориях «неклассической» философии, таких, как «воля к жизни», «жизненный порыв», «благоговение перед жизнью» (витализм); «понимание Другого» (философская герменевтика); «бессознательное», «сублимация» (фрейдовский психоанализ); «моральный выбор» в «пограничных ситуациях» (экзистенциализм).

«Постнеклассическая» эпоха началась на рубеже третьего тысячелетия, в условиях всеобщей «информацизатизации» и «цифровизации», когда компьютерная техника проникла во все сферы экономики, «искусственный интеллект» охватывает самые разные стороны жизни. Завершилась научно-техническая «глобализация», сформировалось единое «информационное поле», начались массовые миграции населения со всё более острыми проявлениями «конфликта цивилизаций».

Мировое противостояние перешло на уровень «гибридных войн» (периодически переходящих в «горячую фазу»), когда основная борьба идёт за умы «продвинутых пользователей» с широким использованием разнообразных информационных «симулякров», «фэйковых» новостей, деструктивных слоганов «виртуальной реальности». Небольшим государствам становится всё труднее устоять под массивным «информационным» напором, сохранить политический суверенитет соответственно принципам справедливости.

Становится всё более очевидным, что в наши дни дальнейшие перспективы евразийских связей непосредственно пересекаются с синергетикой, предполагающей широкое использование информационных технологий. В подобном контексте в рамках экономической науки спонтанные, случайные изменения социальных систем можно, по аналогии с «постнеклассической» физикой

микромира, рассматривать как «флуктуации», приводящие к «точке бифуркации», за которой точно предсказать поведение системы невозможно, поскольку любая случайность может привести к неожиданным результатам.

Всё в немалой степени также зависит от разных вариантов «исходной пропозиции», что взять за «точку отсчёта» – товар или благо, объективную стоимость или ценообразование: «Здесь ключевой вопрос связан с мотивацией выбора такого начала. Что ученый или аналитик хочет... доказать?» [2, с. 95]. В зависимости от этого, разработка экономических теорий приобретает широкий спектр возможностей, допускает множественную вариативность практических выводов в контексте конкретных конъюнктурных потребностей.

Учитывать это необходимо, сталкиваясь с парадоксальным противоборством экспертных «мнений» на информационных просторах. Особое значение в «постнеклассической» рациональности приобретают ссылки на ценностно-целевые структуры, в частности, этико-культурологическая экспертиза, отражающая в быстро меняющихся геополитических условиях евразийские критерии справедливости.

Список использованных источников

1. Степин, В. С. Человек. Деятельность. Культура / В. С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2018. – 800 с.
2. Рязанов, В. Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике / В. Т. Рязанов. – СПб.: Издат. дом С. -Петербур. гос. ун-та, 2009. – 463 с.

Философия Древнего и современного Китая

Бужан П. В., Лойко А.И.

Когда мы слышим словосочетание «китайская философия», многим из нас на ум сразу приходят Конфуций с его мудрыми изречениями или загадочный символ Инь и Ян. Но китайская мысль – это не просто музейный экспонат. Это живая и удивительно устойчивая традиция, которая прошла через тысячелетия, пережила революции и сегодня активно влияет на один из главных центров силы современного мира.

Мне захотелось разобраться, как древние идеи смогли не только сохраниться, но и трансформироваться, став частью глобальной дискуссии. В этом докладе я попробую сравнить, о чем думали мудрецы в эпоху «Сражающихся царств» и о чем размышляют философы в современном Китае.

«Золотой век» китайской мысли. Представьте себе эпоху постоянных войн и междоусобиц, V-III вв. до н.э., казалось бы, не до высоких материй. Но именно в это время, известное как период «Ста школ», в Китае случился невероятный интеллектуальный взрыв. Три главные школы, которые сформировали сознание нации, – это конфуцианство, даосизм и легизм. Они были очень разными, почти противоположными, но вместе создали тот уникальный «код» китайской культуры.

Конфуцианство: правила жизни благородного человека. Конфуций (Кун-цзы) был, по сути, первым великим учителем этики. Он не рассуждал о боге или космосе, его волновали простые и важные вещи: как жить правильно в этом мире среди других людей? Его ответ – в построении гармоничного общества через личную добродетель. Основные понятия, которые он ввел, просты и гениальны:

«Жэнь» – это человеческое сердце. Гуманность, сострадание, то, что отличает нас от животных. Проще говоря, «не делай другим того, чего не желаешь себе».

«Ли» – это ритуалы и правила приличия. Но не как что-то пустое и формальное, а как «смазка» для общества. Как мы здороваемся, как ведем себя за столом, как относимся к старшим – все это «Ли», которое предотвращает хаос.

«Сяо» – сыновняя почтительность. Для Конфуция семья – это модель всего государства. Если ты уважаешь родителей, ты будешь уважать и начальство, и правителя.

Идеал Конфуция – «Цзюнь-цзы», Благородный муж. Это не аристократ по рождению, а человек чести и долга, который поступает правильно не потому, что его накажут, а потому, что так велит его совесть.

Даосизм: плыть по течению Великого Пути. Если конфуцианцы пытались упорядочить мир, то даосы во главе с Лао-цзы и Чжуан-цзы предлагали отпустить контроль и довериться естественному ходу вещей. Их центральная идея – «Дао». Дао нельзя выразить словами, это Путь, закон, по которому живет вся Вселенная.

Главный принцип даосизма – «У-вэй» (не-деяние). Это часто понимают неправильно, как призыв к лени. На самом деле, «у-вэй» – это действие без борьбы, без насилия над природой. Как вода: она мягкая и податливая, но в итоге точит камни. Даосизм учил не цепляться за условности, ценить простоту и видеть единство в противоположностях (как в Инь и Ян). Эта философия стала основой для китайской медицины, живописи и боевых искусств.

Легизм: суровая правда жизни. А теперь представим себе полную противоположность. Легисты (Шан Ян, Хань Фэй-цзы) смотрели на человеческую природу без розовых очков. Они считали, что люди по своей натуре эгоистичны и их нельзя исправить моральными проповедями. Единственное, что работает – это четкий, суровый и обязательный для всех закон («фа»).

Их рецепт прост: Железная власть правителя. Система наград и, в основном, суровых наказаний за любую провинность. Государство – всё, личность – ничто. Это была философия тотального контроля, и именно она помогла цар-

ству Цинь объединить Китай. Жестко? Да. Эффективно? На тот момент – абсолютно. XX век стал для Китая временем суровых испытаний. Империя пала, страна пережила унижения, войны и культурную революцию.

Казалось, древней мудрости пришел конец. В начале века, особенно во время «Движения 4 мая» 1919 года, молодые китайские интеллигенты винили во всех бедах страны как раз конфуцианство. Его объявили опорой отсталости и деспотизма. Взоры обратились на Запад. В моду вошли прагматизм, марксизм, демократические идеи. Казалось, Китай безвозвратно прощается со своим прошлым.

С приходом к власти коммунистов официальной философией стал марксизм-ленинизм в его китайской версии – маоизм. Классовая борьба, материализм, революция – вот новые идеалы. Конфуция и других «пережитков феодализма» яростно критиковали и запрещали. Во время «культурной революции» традиционная культура целенаправленно уничтожалась.

Но случилось удивительное. С началом экономических реформ в конце 1970-х, когда Китай стал выходить на мировую арену, в обществе проснулся голод по своей собственной идентичности. Кто мы такие, без империи и без Мао? Ответом стало возрождение национальной культуры. Современные философы пытаются «перезапустить» конфуцианство, соединив его с демократией и наукой. Власти Китая увидели в конфуцианстве мощный инструмент. Идеи социальной гармонии, уважения к старшим и патриотизма отлично легли в основу новой официальной идеологии. Институты Конфуция.

В нашем перегруженном мире идеи даосизма о гармонии с природой и внутреннем равновесии снова становятся актуальными. Их используют в экологических движениях и как антидот от стресса цифровой эпохи.

Древняя и современная китайская философия – как два разных мира. Первая искала вечный порядок, вторая – ответы на вызовы модернизации. Однако, если присмотреться, сквозь марксистскую терминологию и небоскребы мегаполисов явно проступают древние черты.

Коллективизм, уважение к иерархии, прагматизм и стремление к гармонии – все это никуда не делось. Современный Китай – это гигантская лаборатория по синтезу: здесь сплавляют марксистский материализм, западные технологии и тысячелетнюю мудрость предков. Этот эксперимент далек от завершения, и именно это делает китайскую философию такой увлекательной для изучения сегодня. Она показывает, что традиция – это не застывший памятник, а живой ресурс, который можно и нужно переосмысливать.

Список использованных источников

1. Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х томах. – М.: Мысль, 1972.
2. Васильев Л.С. История религий Востока. – М.: Книжный дом «Университет», 2004.
3. Малявин В.В. Китай в XX веке: история, культура, философия. – М.: АСТ, 2020.
4. Фэн Юлань. Краткая история китайской философии. – СПб.: Евразия, 1998.

Философские традиции Китая

Занкович Е. С., Лойко А.И.

Китайская философия – одна из древнейших в мире, богатая многовековым наследием и оказавшая огромное влияние на развитие культуры, этики, политики и мировоззрения не только Китая, но и всего Востока в целом. Основные философские традиции Китая – конфуцианство, даосизм, легизм и буддизм - сформировались в разные исторические периоды и оказались взаимосвязанными, создавая уникальную культурную и интеллектуальную ткань страны. Конфуцианство берёт начало во времена древнейшего Китая в VI-V веках до н.э., создателем этой традиции стал великий китайский мыслитель – Конфуций (551-479 до н.э.).

Эта школа ориентирована на развитие моральных ценностей, этических принципов и социальной гармонии. Главная идея – важность правильных отношений между людьми, таких как порядок в семье, уважение к старшим и преданность обществу. Конфуций подчёркивал необходимость воспитания добродетелей, таких как человечность (жэнь), справедливость (и), ритуал (лй) и мудрость (сень).

Конфуцианство стало государственной идеологией в эпоху имперского Китая, оказывая влияние на законы, образование и административную систему. Его идеи сохранились и в современном обществе, проявляя важное значение в культуре и этике.

Даосизм, основоположником которого считается легендарный Лао-цзы, возник примерно в VI-V веках до н.э. и представляет собой философию, пропагандирующую гармонию с природой и недеяние (у-вэй). Основная концепция – дао (путь), который есть источник всего сущего и основа бытия. Даосизм учит тому, что человек должен следовать естественному течению жизни, избегая излишних усилий и амбиций. Можно провести аналогию с упавшим листочком в реку, если его не трогать, то он продолжит плыть, а если ему как-то помешать, то произойдёт деформация и это будет уже не тот листок. А также

даосизм обучает что «Ничего не делать – это не о безделье, а о следовании своему естественному пути».

Практики даосизма включают медитацию, целительство и алхимию, а сама философия оказала влияние на китайское искусство, медицину и подход к жизни. В отличие от конфуцианства, даосизм подчёркивает важность внутренней гармонии и личного поиска истины.

Легизм – это более строгая и прагматическая школа, развивавшаяся в эпоху Воюющих царств (V-III века до н.э.), с представителями, такими как Шан Ян и Лао-цзы. Проповедовавшая верховенство единого, строгого закона, равенство всех перед ним и необходимость сильного, централизованного государства с жёстким государственным регулированием и контролем, а также наградами и наказаниями за заслуги. Легисты выступали за установление порядка через силу, а не мораль. Они отрицали моральные ценности как основу управления и полагались на систему правил и централизованную власть. Легизм оказал влияние на формирование авторитарных методов управления в древнем Китае и сыграл важную роль в становлении имперской бюрократии.

Существует множество преданий и легенд о том, как буддизм попал в Китай. Самая распространённая – эта легенда о Белой лошади. Она повествует о том, как первые буддийские сутры были привезены в город Лоян на белой лошади, в честь которой был основан первый буддийский монастырь в Китае – Байма-сы или Храм Белой лошади.

Хотя буддизм пришёл в Китай из Индии в I-II века н.э., он быстро влился в китайскую культурную и философскую традицию. В отличие от предыдущих школ, буддизм сосредотачивается на духовном спасении, карме и перерождении. В процессе адаптации к китайской культуре возникли школы, такие как Чань (позже – дзен), которые соединяли буддийские идеи с даосскими и конфуцианскими концепциями.

Буддизм оказал глубокое влияние на искусство, литературу и мировоззрение Китая, являясь важной частью духовной традиции страны. Философ-

ские традиции Китая, несмотря на различия, формировали и продолжают формировать уникальный культурный ландшафт. Конфуцианство и даосизм создали основу для понимания человека и природы, легизм – методы управления, а буддизм – духовное направление. Их взаимодействие способствовало развитию богатого разнообразия идей и практик, что сохраняется и сегодня.

Список использованных источников

1. Чэнь, Ли. Китайская философия: История и современность. – Москва: Наука, 2010.
2. Григорьев, А. А. Философия Востока. – Москва: Издательство МГУ, 2005.
3. Козлов, В. В. Философия древнего Китая. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2008.
4. Фу-Кьям, М. Основы даосской мысли. – Москва: Восточная литература, 2012.
5. Иванов, В. И. Конфуций и его учение. – Москва: Наука, 2003.

Воплощение этических принципов в повседневной жизни

И. Канта

Кузнецов А. С., Дождикова Р. Н.

Немецкий философ И. Кант утверждал, что моральные обязанности не могут происходить из чести или порядочности, ибо они основаны на том, что мы находим в себе, а именно на понятии долга в нашем сердце и разуме. В рамках этической концепции мыслителя основа морального обязательства находится «не в природе человека или в тех обстоятельствах мира, в какие он поставлен, а а priori исключительно в понятиях чистого разума» [1]. Философ воплощал данную этику морального обязательства в своей собственной жизни, что проявлялось в различных сферах его жизни.

И. Кант оставил изложение своей системы здоровья. В одной из речей, в части «О способности духа побеждать болезни силой одного только намерения» работы «Спор факультетов», он раскрыл суть своего искусства жить: медицина «становится философской в том случае, если образ жизни человека определяется только разумом в силу принятого им самим решения властвовать над своими чувствами» [2, с. 170].

Так, у Канта есть пример воплощения этого принципа в действии: «В соответствии с собственным опытом я не могу согласиться с предписанием, что голову и ноги следует держать в тепле. Напротив, я считаю значительно более полезным держать то и другое в холоде <...> именно для того, чтобы не простужаться» [2, с. 234].

В докладе на Международном Кантовском конгрессе «Мировое понятие философии» А. К. Судаков отмечал: «Моральное учение Канта <...> в качестве конкретной этики достоинства включает в себе принцип философской диететики, позволяющий увидеть условно-технические предписания медицинской практики в их необходимой связи с безусловным законом долженствования» [3].

Кант разработал строгую программу гигиенических правил, которых неукоснительно придерживался всю жизнь, поэтому из человека, которому предвещали короткую болезненную жизнь, он превратился в того, кто прожил долгие, изобильные трудом и творчеством годы. «Силой разума и воли он прекращал целый ряд болезненных явлений, которые подчас у него начинались. Ему удавалось даже приостанавливать в себе простуду и насморк. <...> Психическую силу воли он считал верховным правителем тела» [4, с. 213].

Распорядок дня философа был столь точен, что стал частью городской жизни Кёнигсберга, по Канту жители сверяли свои часы. Г. Гейне писал: «Вставание, утренний кофе, писание, чтение лекций, обед, гуляние – все совершалось в определенный час» [5, с. 97].

Кант ровно в половине четвертого выходил из дома и направлялся к липовой аллее, которая в память о нем до сих пор называется Философской дорожкой. Он проходил ее восемь раз в любую погоду.

Кант считал, что разум строит характер, а не чувства или побуждения, поэтому характер человека должен основываться на максимах разума. Показательным примером является случай в октябре 1794 г., когда Кант получил выговор от короля. На случайно подвернувшемся клочке бумаги он сформулировал единственно возможную тактику: «Отречение от внутреннего убеждения низко, но молчание в случае, подобном настоящему, является долгом подданного; если все, что говоришь, должно быть истинным, то не обязательно гласно высказывать всю истину» [6, с. 231].

Это не было компромиссом с принципами, это тоже максима. Его внутреннее убеждение было сохранено. Таким образом, Кант построил систему максим и жил в согласии с ними. Он воплотил этику в жизни на всех её уровнях: в теле, характере, честности, построил свой характер и самого себя. Философ является примером того, что можно создать строгие правила и последовательно жить с ними. Разумеется, это требует воли, усилий и дисциплины.

Список использованных источников

1. Кюн, М. Кант: биография / М. Кюн; пер. с англ. А. Васильевой; под науч. ред. К. Чепурина. – М.: Дело, 2022. – 608 с. — URL: <https://yakniga.org/manfred-kyun/ebooks/kant-biografiya> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Кант, И. Спор факультетов / И. Кант; пер. с нем. Ц. Г. Арзаканяна, И. Д. Копцева, М. И. Левиной; отв. ред. Л. А. Калининкова. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – 286 с.
3. Судаков, А. К. Предписание врачу. Кантовская практическая философия и принцип медицинской этики [Видеозапись]: доклад / А. К. Судаков. – Калининград, 2024. – 24 апр. – URL: https://vk.com/video-76876119_456240132 (дата обращения: 21.03.2026).
4. Зощенко, М. М. Письма к писателю; Возвращенная молодость; Перед восходом солнца: повести / М. М. Зощенко; сост. и вступ. ст. Ю. В. Томашевского. – М.: Московский рабочий, 1989. – 543 с.
5. Гейне, Г. Собрание сочинений: в 10 т. / Г. Гейне; под общ. ред. Н. Я. Берковского, В. М. Жирмунского, Я. М. Металлова. – М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1958. – Т. 6: К различному пониманию истории: [и др.]. – 472 с.
6. Гулыга, А. В. Кант / А. В. Гулыга. – М.: Молодая гвардия, 1977. – 304 с.

Экономическая философия начала XXI века

Золотухин Н.Д., Лойко А.И.

Экономическая философия исследует общество со стороны его экономических способностей: распределению благ и разделению труда. Первым рамки экономики, как отдельной научной дисциплины, определил греческий писатель и историк Ксенофонт от лица своего соотечественника Сократа в книге “Домострой”. Он обозначил важность знаний в ведении хозяйства, определил факторы хорошего хозяина, и установил относительность стоимости.

Отцом современной классической экономики считается шотландский учёный Адам Смит. Его трактат «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) стал первым систематизированным описанием функционирования национальной экономики и заложил основы современной экономической науки. Однако цели экономики и экономической философии значительно отличаются. Экономика исследует хозяйствование человека, меняющееся со временем и местом, а также явление социального механизма рынка, как аппарат, создающий и распределяющий блага в структуре общества.

Экономическую философию в свою очередь интересует вопросы, опосредованные явлением экономической деятельности человека: разница между ценой и стоимостью, культурная ценность экономических факторов, этичность некоторых способов обогащения, справедливость неравномерности распределения благ как в глобальной, так и в местной структуре социума и т.д. Сейчас в XXI веке тенденции изменения экономики и её структуры хорошо прослеживаются во всем мире. Таким образом новые явления экономического и технического прогресса дают новые предметы для наблюдения со стороны экономической философии.

Основными тенденциями мировой экономики являются: всемирно-исторический процесс глобализации, виртуализация экономической и производственной деятельности, усиление значимости аналитической исследовательской изобретательской деятельности, культура становится важнейшим звеном

экономики (реклама, формирование массового сознания человечества), сохранение экономической эксплуатации стран третьего мира бывшими развитыми странами (хищническая экономика), вступление в мировой финансовый оборот отстранённой от государственности криптовалюта.

Современная экономическая философия тесно интегрирована с другими науками, являющимися “рубежными” для экономики: экономическая социология, экономическая психология, биоэкономика, эконометрика. Экономическая философия ищет нестандартные методы для решения проблем экономики настоящего, задаёт вопросы о моральной и этической стороне экономике, ведь за каждой цифрой в статистке всегда стоит человек. Экономическая философия помогает обрести смысл антропогенной деятельности, труд человека переходит из способа выживания в самоутверждение и самоактуализацию.

Определяются новые материальные ценности для молодого звена общества, которые все больше опираются на материальную часть бытия. Важной частью становится гуманизация экономики и политической экономики, экономическая философия приходит к выводу, что рынок не приводит к справедливому распределению благ, а лишь выполняет функцию насоса, выкачивающего выгоду для высших звеньев” экономической пищевой цепи”, хотя рыночная модель справедливейшая из уже существующих, назвать гуманной её сложно. Экономическая философия изучает и экологические последствия деятельности человека, и абсолютное большинство учёных призывают отказаться от “Экологического нигилизма”, потребительского отношения человека к данной ему природой окружающей среде, которое влечёт к уничтожению как этой среды, так и самого человека.

Проблема замены человеческого труда машинным не нова, однако сейчас не только физические, но и умственные качества человека прекрасно симитированы, что говорит о назревающем вопросе о сравнительных характеристиках человека и искусственного интеллекта, но так или иначе человек все ещё остаётся неподражаемым существом с неподражаемым интеллектом и

мышлением, а симуляция и имитация его когнитивной способности способны заменить его в некоторых средах, но никогда не превзойдут.

Важнейшей темой стала массовая культура как инструмент экономики, в современном мире конструирование образов в сознании человека становится полноценной наукой, встаёт вопрос о гуманности биoprogramмирования человека путём трансляции конкретной информации в мозг, который благодаря структуре информации будет ослаблен и сможет лишь быть на поводу у навязчивых идей, лозунгов, дизайнов и брендов.

Современные ценности создают из человека раба потребительской культуры, цель существования которого заканчивается на окружении себя новинками, однако само признание проблемы экономической философией, говорит о том, что у глобального общества есть другие пути развития.

Экономическая философия особенно незаменима для определения гуманности и этичности многих экономических процессов. Многие транснациональные компании публично выступают с поддержкой бедствующих народов и государств, но сами на “теневых” фабриках эксплуатируют дешёвый рабочий и даже детский труд; Корпорации, связанные с компьютерными технологиями, не стесняются торговать личной информацией.

Таким образом экономическая философия стремится ограничить человека от тёмной стороны деятельности его труда: бессмысленной и беспощадной к культуре и природе.

В свою очередь человек в XXI веке обладает огромным трудовым потенциалом, что говорит лишь о том, что только своими руками человек способен наделить смыслом продукты собственной экономической деятельности, Экономическая философия помогает оправдать человеку те способности, которыми наградила его природа, путём поднятия и осмысления вопросов современного хозяйствования.

Список использованных источников

1. Скибицкий М. М. Философия экономики: становление, структура и современные функции //Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. – 2012. – №. 4 (8). – С. 8-15.
2. Томашевская Л. И., Мусина Г. А. Философия экономики и общая теория стоимости //Вестник карагандинского университета. – 2012. – Т. 67. – №. 3. – С. 51-58.
3. Прохоров М. М. Философские основания экономики и экономизм //Философия и общество. – 2014. – №. 2 (74). – С. 5-18.
4. Лойко А.И. Экономическая философия: Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Философия», под ред. А.И. Лойко – Минск, 2021 – С.150-153

Биосфера и ноосфера

Лохвицкий М. Е., Лойко А.И.

Актуальность темы исследования обусловлена глобальным экологическим кризисом и возрастающей ролью человеческой деятельности как геологической силы. Осмысление взаимоотношений человечества и природы вышло за рамки чисто научного дискурса, требуя глубокого философского осмысления. Концепции биосферы и ноосферы представляют собой уникальный синтез естественнонаучного знания и философской рефлексии, предлагая целостный взгляд на планетарную эволюцию.

Объектом исследования выступает взаимодействие человечества и природы в планетарном масштабе. Предметом исследования являются философские аспекты и импликации концепций биосферы и ноосферы, разработанных в трудах В.И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена и их последователей.

Понятие «биосфера», введенное в науку Э. Зюссом, было радикально переосмыслено В.И. Вернадским. Он трансформировал его из статичного обозначения «области жизни» в динамическую концепцию планетарной геологической силы. С философской точки зрения, подход Вернадского означал переход от механистической картины мира к холистической, где жизнь выступает не как внешний придаток к литосфере, а как центральный фактор, преобразующий планету.

Биосфера, по Вернадскому, – это целостная, организованная оболочка Земли, развитие которой определяется постоянным биогенным потоком атомов, энергией солнечного излучения и геохимической активностью живого вещества. Здесь ключевым философским тезисом становится неразрывная связь и взаимовлияние живого и косного вещества. Жизнь перестает быть случайным эпизодом, а предстает как закономерный этап космической эволюции, обладающий мощной преобразующей силой. Это формирует научно-материалистическое основание для последующего введения антропогенного фактора как логического продолжения биосферных процессов.

Научно-оптимистическая трактовка В.И. Вернадского. Для Вернадского ноосфера – это закономерный этап эволюции биосферы, когда человеческий разум и организованная деятельность становятся главной геологической силой. Ключевые условия ее становления: полное заселение планеты, преобразование средств связи, глобализация экономики, открытие новых источников энергии, равноправие народов и, главное, подъем благосостояния трудящихся. Ноосфера у Вернадского – это не утопия, а научная необходимость, требующая от человечества осознания своей ответственности.

Философский пафос – в преодолении стихийности развития через научную мысль и коллективную деятельность. Эволюция проходит стадии литосферы, биосферы и, с появлением рефлексивного сознания, ноосферы, которая ведет к конечной точке – точке Омега, Божественному духовному центру, притягивающему к себе все сознание.

Здесь акцент смещен с материально-преобразующей деятельности на единение сознаний, духовную конвергенцию человечества. Современная ситуация делает философию ноосферы не абстрактной теорией, а источником практических императивов.

1. Императив коэволюции. Человечество и природа должны сосуществовать в режиме совместной эволюции (коэволюции), а не конфликта. Это требует перехода от парадигмы покорения природы к парадигме партнерства и управления, основанного на глубоком понимании биосферных закономерностей.

2. Императив планетарного мышления. Ноосфера предполагает преодоление национального, политического и экономического эгоизма в пользу глобального, общепланетарного подхода к решению проблем (экологических, ресурсных, социальных).

3. Императив ответственности. Обладая силой, сопоставимой с геологическими процессами, человечество несет беспрецедентную ответственность за последствия своих действий. Это формирует основу для новой, планетарной

этики, где высшей ценностью становится сохранение и устойчивое развитие системы «человек-биосфера».

4. Императив примата научного разума. В духе Вернадского, управление ноосферой должно основываться не на интуиции или рыночной конъюнктуре, а на данных науки, которая становится основой для принятия глобальных решений.

Концепция биосферы, разработанная В.И. Вернадским, вывела понимание жизни на планетарный, системный уровень, заложив материалистическую основу для рассмотрения человека как неотъемлемой и активной части этой системы. Концепция ноосферы, в своих двух основных версиях (научно-материалистической у Вернадского и телеологически-духовной у Тейяра де Шардена), представляет собой попытку осмыслить качественно новый этап планетарной эволюции, где ведущим фактором становится разумная деятельность (или духовное сознание) человечества. Несмотря на различия в подходах, оба мыслителя сходятся в признании неизбежности и необходимости этого перехода, а также в его кооперативной, объединительной логике.

В современном мире философия ноосферы трансформируется из прогностической теории в систему практических этико-управленческих императивов. Она предлагает не утопическую модель идеального будущего, а нормативную идею-цель, направляющую человечество к осознанию своей планетарной ответственности, необходимости коэволюции с биосферой и примата научного знания и гуманистических ценностей в управлении глобальными процессами.

Таким образом, учение о биосфере и ноосфере остается актуальным философским основанием для поиска путей преодоления глобального антропогенного кризиса и перехода к устойчивой модели цивилизационного развития.

Список использованных источников

1. Вернадский, В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 271 с.

2. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2012. – 576 с.
3. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
4. Моисеев, Н.Н. Универсум. Информация. Общество / Н.Н. Моисеев. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.
5. Лось, В.А. Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу: философский анализ // Вопросы философии. – 2012. – № 3. – С. 145-157.
6. Яншина, Ф.Т. Эволюция взглядов В.И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере / Ф.Т. Яншина. – М.: Ноосфера, 1996. – 120 с.
7. Капра, Ф. Паутина жизни: Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра. – К.: София; М.: ИД «София», 2003. – 336 с. (Для контекста системного подхода).

От успокоения к прозрению: эволюция философского взгляда на смерть (Эпикур и Хайдеггер)

Гольцова Е.К., Булыго Е.К.

Сложно найти тему, которая одновременно пугала бы и притягивала человека так же сильно, как смерть. Философское осмысление смерти всегда занимало особое, почти мистическое место в истории человеческой мысли. Мы боимся её, пытаемся забыть о её существовании или, напротив, посвящаем свою жизнь служению этой великой тайне. Как загадочно писал французский моралист Франсуа де Ларошфуко: «Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор» [1]. И действительно, эта тема, будучи самой близкой и одновременно самой далёкой каждому из нас, породила множество философских концепций, которые не только объясняли природу конца, но и учили человека, как с этим знанием жить дальше.

Сквозь призму истории мы видим, как менялась эта оптика: от светлого, почти радостного освобождения души из «темницы тела» в античности до глубокого экзистенциального ужаса перед небытием в двадцатом веке. Чтобы понять эту эволюцию, необходимо всмотреться в два мощнейших полюса философской танатологии — жизнеутверждающий рационализм Эпикура, который пытался «лечить» душу от страха смерти, и мрачный, но освобождающий экзистенциализм Мартина Хайдеггера, который, напротив, видел в смерти главное условие подлинного существования.

В античной культуре смерть не была проклятием или абсолютным концом. Для греческого сознания, особенно в его классический и эллинистический периоды, гибель физического тела была лишь этапом трансформации, переходом в иное состояние. Сократ в диалогах Платона утверждал, что истинный философ всю жизнь учится умирать, поскольку смерть отделяет бессмертную душу от бренного тела, позволяя ей приблизиться к миру вечных идей [2].

Но именно Эпикур, чьё имя обычно связывают с гедонизмом, предложил совсем иной взгляд: смерть не враг, а нечто безразличное для живого человека

[3]. Он жил в эпоху эллинизма, когда старые полисные ценности рухнули, и человек часто чувствовал себя потерянным во враждебном мире. Эпикур попытался дать своего рода духовную терапию.

Его известная формула звучит так: «Когда есть мы, смерти ещё нет, а когда приходит смерть, нас уже нет» [3, с. 125]. Как объясняет И.С. Шаповалов, все страхи человека связаны с ощущениями, но смерть – это полная потеря ощущений и распад души, состоящей из атомов [4, с. 343]. Получается, бояться небытия так же бессмысленно, как бояться времени до нашего рождения. Следовательно, Эпикур приходит к выводу, что бояться абсолютного небытия так же бессмысленно, как бояться того времени, когда нас ещё не было на свете.

Однако философия Эпикура – это не просто логический трюк. Это целая программа спасения души от мучительного ужаса.

В отличие от своих предшественников киренаиков, которые проповедовали вульгарный гедонизм и часто приходили к выводу о бессмысленности жизни, Эпикур учил различать удовольствия. Он утверждал, что истинное счастье заключается не в бурных страстях, а в атараксии – состоянии полного душевного покоя и безмятежности, когда человек свободен от страхов и боли.

Чтобы достичь этого, необходимо ограничить свои желания естественными потребностями и, самое главное, избавиться от трёх главных страхов: перед богами, перед судьбой и перед смертью [4, с. 346]. Эпикурейские боги, обитающие в межмировых пространствах (интермундиях), настолько самодостаточны и блаженны, что совершенно не вмешиваются в дела людей, а значит, бояться их глупо. Судьба, по Эпикуру, преодолевается через учение о самопроизвольном отклонении атомов – клинамене [4, с. 347].

Эта теория вносит в мир элемент случайности и свободы. Получается, что жизнь эпикурейца – это что-то вроде тихой гавани: дружба, созерцание, простые радости. Но критики тут же указывают на проблему: отрицание страха смерти может привести к равнодушию к реальным страданиям умирающего. Более того, есть риск скатиться в эгоистичное, потребительское отношение к миру – то самое, которое потом ярко проявилось в эпоху постмодерна.

Если античность в лице Эпикура пыталась «заговорить» смерть, сделать её незаметной, то Средневековье выносит её на всеобщее обозрение, наделяя высоким религиозным смыслом [7]. В христианской культуре смерть – это не пустота, а дверь в вечность. Всем известный сюжет «Пляски смерти» (*danse macabre*) как раз показывает: перед лицом кончины все равны – и король, и нищий, и рыцарь, и крестьянин.

Смерть здесь не биологическая катастрофа, а момент встречи с Богом, акт со-умирания со Христом ради будущего воскресения. Это придаёт жизни верующего огромную ценность – ведь земное существование считается лишь кратким испытанием, подготовкой к переходу в Царствие Небесное.

Но с наступлением Нового времени, с его наукой, рационализмом и индивидуализмом, эта стройная картина начинает трещать. Коперник лишил человека центрального места во Вселенной, Дарвин превратил его просто в один из биологических видов, а Ницше и Фрейд окончательно подорвали веру в антропоцентризм – первый заявил о «смерти Бога», второй указал на власть бессознательных разрушительных инстинктов [4, с. 342-343]. Человек вдруг оказался затерянным в холодной космической пустоте, и смерть, лишённая сакрального ореола, стала ужасающей, но естественной неизбежностью.

И вот в этой ситуации интеллектуальной паники и кризиса гуманизма появляется Мартин Хайдеггер со своей фундаментальной онтологией. В «Бытии и времени» он, по сути, переворачивает всю предшествующую традицию [5]. Он не спрашивает, что такое смерть сама по себе, и не ищет утешения. Вопрос ставится иначе: как смерть определяет способ бытия человека?

Человеческое существование, которое он называет *Dasein* (вот-бытие), по своей сути есть бытие-к-смерти (*Sein zum Tode*). Это не значит, что человек постоянно физически умирает, а то, что вся его жизнь пронизана осознанием конечности. Хайдеггер метафорично замечает: *Dasein* всегда уже «забегает вперёд» (*Vorlaufen*) к своей смерти – самой своей, неотчуждаемой и неизбежной возможности. Пока человек живёт в «неподлинном» модусе, он растворяется в толпе, в мире вещей и повседневных забот, пытаясь спрятаться от этого

ужаса. Он говорит «умирают люди», но только не «я», отодвигая собственную кончину в бесконечное «потом». И только «подлинное бытие-к-смерти» – это решимость принять свою конечность, перестать быть безликим «man» (людьми) и обрести уникальную самость [5].

Для Хайдеггера смерть – не враг, которого надо победить, и не друг, к которому стоит стремиться. Это экзистенциал, то есть структура, организующая всё наше существование. Именно страх (Angst) перед смертью, ощущение ничто, вырывает человека из повседневности и возвращает ему его собственную свободу. Только осознав, что жизнь конечна, что завтра может не наступить, человек начинает жить по-настоящему, брать на себя ответственность за свой выбор и ценить каждый момент.

Эта мысль перекликается с Камю, который в «Мифе о Сизифе» называет самоубийство единственным серьёзным философским вопросом и утверждает: даже в абсурдном мире, лишённом высшего смысла, человек способен обрести свободу и достоинство в бунте против этой абсурдности [8]. В отличие от плавного, успокаивающего рационализма Эпикура, философия Хайдеггера звучит как суровый, мужской голос, который говорит: «Прими свою боль, прими свой страх, и только тогда ты станешь свободным» [9, с. 85].

Интересно, что в современном мире эти две великие парадигмы – эпикурейская и хайдеггерианская – продолжают сталкиваться и дополнять друг друга. С одной стороны, постиндустриальное общество, поглощённое культом потребления, гедонизмом и стремлением к вечной жизни через трансгуманизм и крионику, во многом является утрированным воплощением эпикурейской мечты, превратившейся в кошмар.

Смерть стала табуированной темой, её прячут в больничных палатах и превращают в виртуальную картинку на экране, что порождает лишь апатию и депрессивный нарциссизм. С другой стороны, экзистенциальная психотерапия Ирвина Ялома, вдохновлённая Хайдеггером, возвращает человеку мужество смотреть в лицо собственной конечности, утверждая, что интеграция

идеи смерти «спасает нас», действуя как стимул к переходу в более аутентичный модус существования [9].

Однако даже Ялом признаёт, что холодная логика Эпикура бессильна перед лицом реальной агонии. Помочь может не философская формула «смерть – это ничто», а живое человеческое участие, дружба и контакт с Другим – то, что в своём саду так ценил сам Эпикур, который искал спасение от ужаса небытия в тепле общения с близкими по духу людьми [9].

Таким образом, путешествие философской мысли от садов Эпикура до кабинетов Хайдеггера – это путь человека, который пытается приручить свой самый древний страх. Эпикур предлагает нам мудрую улыбку: «Не бойся, смерти нет, пока ты есть». Хайдеггер же отвечает ему суровой правдой: «Бойся, но этот страх – единственное, что делает тебя живым» [10, с. 68]. Каждая эпоха выбирает свой способ диалога с Танатосом, и сегодня, в мире, где старые боги умерли, а новые технологии обещают цифровое бессмертие, мы, как никогда, нуждаемся в этой древней мудрости.

Быть может, секрет не в победе над смертью и не в бегстве от неё, а в том умении, о котором писали поэты и философы: прожить свою жизнь так ярко и полно, чтобы в конце пути, на пороге вечности, не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, а можно было с улыбкой вспомнить, что миг этот был прекрасен. И тогда, возможно, мы поймём, что жизнь – это не череда дней, ожидающих конца, а бесконечный свет, который горит тем ярче, чем глубже тень, отбрасываемая небытием.

Список использованных источников

1. Философия смерти [Электронный ресурс] // Журнал Интроверта. – URL: <https://artforintrovert.ru/magazine/tpost/pb00igry81-filosofiya-smerti> (дата обращения: 10.04.2026).

2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский; пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.

3. Эпикур. Главные мысли / Эпикур; сост., предисл., коммент. К. В. Бандуровского. – М.: АСТ, 2023. – 224 с.
4. Шаповалов И. С. Танатологические идеи Эпикура в контексте развития европейской культуры / И. С. Шаповалов // КАНТ. – 2024. – № 4 (53). – С. 341–358.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Библихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
6. Гуманитарные ведомости: сб. науч. ст. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2019. – Вып. 3 (31). – 142 с.
7. Коначева С. А. Онтология и софиология смерти: трансформации танатологического дискурса в философско-теологической мысли XX века / С. А. Коначева // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2021. – Вып. 98. – С. 50–67.
8. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю; пер. с фр. С. Великовского. – М.: АСТ, 2022. – 256 с.
9. Москаленко Д. Н. Философское осмысление смерти как встречи с «Другим» / Д. Н. Москаленко, М. Н. Кочетов, Е. А. Трохимчук, Е. В. Чапны // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 3 (67). – С. 77–87.
10. Филатов Т. В. Смерть как область экзистенциального пересечения философии и истории / Т. В. Филатов // Сфера культуры. – 2021. – Т. 3. – № 1. – С. 65–71.

**Философия как рационально-критическая основа
мировоззрения: историческая эволюция и современное
значение**

Навойчик А. Р., Лойко А.И.

Вопрос о природе философии и её месте в системе человеческого мировоззрения остаётся одним из центральных не только для профессиональных философов, но и для любого мыслящего индивида, стремящегося к осознанному построению собственной картины мира.

Философия, возникшая в эпоху античности как качественно новый способ осмысления действительности, представляет собой не просто одну из форм мировоззрения среди прочих, а его наиболее рефлексивную, критически оснащённую и методологически выверенную разновидность.

Если мировоззрение в самом широком антропологическом смысле можно определить, как сложный, многоуровневый комплекс обобщённых представлений о мире, месте и роли человека в нём, его ценностных ориентаций и поведенческих установок, то философское мировоззрение характеризуется прежде всего фундаментальной установкой на рациональную аргументацию, логическую последовательность, системность и, что особенно важно, постоянную перепроверку собственных оснований.

В условиях современного многополярного, насыщенного противоречивой информацией социокультурного пространства, где сталкиваются и конкурируют различные ценностные, идеологические и познавательные парадигмы, роль философии как своеобразного «интеллектуального фильтра», смыслообразующего механизма и инструмента навигации в сложности лишь закономерно усиливается, обретая новую актуальность.

Для глубокого понимания специфики философского мировоззрения необходимо начать с анализа самого феномена мировоззрения, его структуры и исторических типов. Мировоззрение является сложным, многокомпонентным

образованием, синтезирующим в себе когнитивный (познавательный), аксиологический (ценностный) и нормативно-практический (поведенческий) аспекты. На обыденном, стихийном уровне оно формируется под влиянием множества факторов: культурной среды, воспитания, образования, личного и коллективного опыта, средств массовой коммуникации.

На теоретическом, рефлексивном уровне мировоззрение кристаллизуется и обретает более строгую форму в виде религиозных доктрин, научных картин мира, политических идеологий или, собственно, философских систем. Исторически первым целостным типом мировоззрения, выполнявшим все его основные функции, выступила мифология.

Для мифологического сознания был характерен принципиальный синкретизм – нерасчленённость, слитность реального и символического, природного и социального, индивидуального и коллективного, прошлого, настоящего и будущего. Миф выполнял функцию объяснения мира через красочные и образные повествования о деяниях богов, героев и предков, устанавливая тем самым социальные нормы и сакральные практики, но при этом он не требовал и не предполагал логических доказательств или критической проверки, оставаясь в рамках веры и традиции.

Смена мифологического мировоззрения религиозным ознаменовала важнейший мировоззренческий переход к дуалистической картине, последовательно разделяющей мир на профанный (земной, материальный) и сакральный (божественный, духовный). Религия предложила более стройную и универсальную систему догматов, моральных заповедей и ритуалов, опирающихся прежде всего на веру, откровение и непререкаемый авторитет священных текстов и институтов. Это придало мировоззрению большую устойчивость, нормативную определённость и психологическую утешительность, но одновременно наложило существенные ограничения на возможности его внутреннего критического пересмотра и рационального развития.

Зарождение философии в Древней Греции в VII–VI веках до нашей эры стало результатом уникального культурного «переворота», «разложения»

мифа и становления принципиально нового, рационально-критического типа мышления. Если миф оперировал художественными образами и метафорами, а религия – символами веры и догматами, то философия избрала своим основным инструментом абстрактное понятие (кате́горию) и логос – разумное, аргументированное слово.

Как точно отмечал Аристотель, именно «удивление» (θαυμάζειν) перед миром, его загадками, противоречиями и красотой побудило первых философов (Фалеса, Анаксимандра, Гераклита, Парменида) искать не нарративные и антропоморфные, а естественные, причинно-следственные, умопостигаемые объяснения первоначала (архэ) и устройства космоса. Философия, таким образом, родилась из фундаментальной смены вопроса: не «кто создал мир?» (миф), а «из чего и по каким законам он состоит?».

Ключевыми, конституирующими характеристиками философского мировоззрения, выделяющими его на фоне других исторических типов, являются следующие. Во-первых, это рациональность – принципиальное требование обоснования любого значимого утверждения с помощью логики, доказательства и непротиворечивой аргументации, апелляция не к авторитету, а к разуму.

Во-вторых, рефлексия – уникальная способность философии обращать мысль на саму себя, анализируя и подвергая сомнению собственные предпосылки, методы и границы познания.

В-третьих, универсализм – ориентация на постижение всеобщих, фундаментальных принципов бытия (онтология), познания (гносеология), морали и справедливости (этика).

В-четвёртых, постановка проблем – рассмотрение действительности сквозь призму «предельных», не имеющих окончательных и общепринятых решений вопросов о сущности человека, природе сознания, критериях истины, свободе воли, смысле жизни.

И, наконец, в-пятых, критичность – установка на методическое сомнение в очевидностях, готовность к радикальному пересмотру устоявшихся представлений и социальных норм.

Именно эта критическая, «скептическая» функция является, пожалуй, главным отличием философии от других форм мировоззрения: она выступает не просто как мировоззрение, а как «мировоззрение», исследующее условия возможности, обоснованность, внутреннюю согласованность и границы любых познавательных, ценностных и идеологических систем, включая саму философию. В эпоху Нового времени и научной революции (XVI–XVII вв.) с бурным развитием экспериментального естествознания возникает и стремительно укрепляет свои позиции научное мировоззрение, основанное на эмпирической проверке гипотез, математическом моделировании теорий.

Философия в этих условиях не устраняется и не упраздняется, как предрекали некоторые позитивисты, но закономерно меняет свою роль и предметную область. Она концентрируется на анализе предпосылок и оснований научного знания (что такое научный метод? каковы критерии научной истины и прогресса? как соотносятся теория и эмпирия?), разрабатывая такие дисциплины, как философия науки, эпистемология, методология.

Кроме того, философия берёт на себя ответственность за осмысление этических, социальных, антропологических и экологических последствий научно-технического прогресса, который сам по себе не содержит ценностных ориентиров. Отношения философии и религии также носят сложный, многоплановый, диалогический характер.

Если религия предлагает человеку готовые, данные в откровении и закреплённые традицией ответы на вопросы о смысле, добре и зле, жизни и смерти, то философия, оставаясь на почве разума, ставит вопросы о логической и этической согласованности религиозных доктрин, о соотношении веры и знания (*ratio et fides*), о возможности рациональной теологии и теодицеи, о природе религиозного опыта. Это взаимодействие – от конфронтации (вольтерьянство, марксизм) до попыток синтеза (патристика, схоластика, неотомизм) – остаётся одним из плодотворных источников философской мысли.

В XX–XXI веках, в условиях глобализации, углубляющейся секуляризации, ценностного плюрализма, цифровизации всех сфер общественной жизни

и нарастания экзистенциальных рисков, философия берёт на себя новые, востребованные временем функции.

Интегративная функция философии проявляется в помощи современному человеку в построении целостной, внутренне непротиворечивой картины мира, синтезирующей данные различных наук, искусств, духовных практик и личного опыта в эпоху углубляющейся специализации и фрагментации знания. Аксиологическая функция заключается в выработке и защите критериев для различения подлинных и мнимых, навязанных ценностей, в философском обосновании прав человека, достоинства личности, принципов справедливости и солидарности.

Критико-идеологическая функция направлена на анализ языка, дискурсов и социальных институтов. Экзистенциально-терапевтическая функция связана с помощью индивиду в поиске личного смысла, в осознании своей свободы и ответственности, в противостоянии «абсурду» (А. Камю), отчуждению, конформизму и экзистенциальной тревоге в быстро меняющемся мире.

Таким образом, философия представляет собой не замкнутую систему догм или музейный экспонат, а живой, открытый, перманентный процесс критического, вопрошающего мышления, направленный на постоянное уточнение, углубление и, при необходимости, пересмотр наших фундаментальных представлений о мире, познании, ценностях и себе самих. Она является неотъемлемым, необходимым элементом зрелого, ответственного, автономного мировоззрения, поскольку систематически приучает к интеллектуальной дисциплине, честности перед собой, ответственности за свои убеждения и уважению к силе разумной аргументации в диалоге с Другим.

В эпоху информационного перенасыщения, клипового сознания и мировоззренческой раздроблённости философская культура критического мышления, рефлексии становится важнейшим личностным и социальным ресурсом, необходимым условием для сохранения как подлинной индивидуальной идентичности, так и возможности ведения содержательного, толерантного и конструктивного общественного диалога о будущем человечества.

Список использованных источников

1. Спиркин А.Г. Философия: учебник. – М.: Гардарики, 2006. – 736 с.
2. Канке В.А. Основы философии: учебник. – М.: Логос, 2013. – 288 с.
3. Хайдеггер М. Что это такое – философия? // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 113–123.
4. Ясперс К. Введение в философию. – Мн.: Попурри, 2000. – 192 с.
5. Лекции по философии науки / под ред. С.А. Лебедева. – М.: Академический проект, 2007. – 736 с.
6. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. А.А. Ивин. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
7. Губин В.Д. Философия: учебное пособие. – М.: Проспект, 2017. – 336 с.

Североевропейские концепции благополучия: хюгге, кус, лагом, сису

Калиниченко К.В., Булыго Е.К.

Современный мир поставил нас перед лицом нескончаемых изменений, катаклизмов и конфликтов. Тревожность, порожденная огромным количеством факторов, мешает любому из нас. В такой ситуации важным оказывается культурный опыт, позволяющий человеку обрести спокойствие и гармонию в своей жизни. Восточные медитативные традиции, западный дискурс, североевропейские практики выживания актуализируются в наши дни, переводя абстрактные императивы в принципы повседневной жизни.

Об этом свидетельствует и современная скандинавская философия, и ее интерес к традиционным ценностям и идеалам. В суровых климатических условиях элементы сформировавшихся концепций благополучия могут сыграть важную роль в поддержании спокойствия и силы духа человека. В их числе такие понятия, как хюгге, лагом, сису и кус, получившие широкое распространение в значительной части жизненных аспектов жителей европейских северных стран.

Целью данной работы является анализ указанных концепций как элементов современной культурно-философской традиции, а также их сопоставление с некоторыми понятиями традиционного философского дискурса.

Несмотря на культурную схожесть скандинавских стран, выработанные их населением понятия о благополучии все же во многом отличаются. В том числе это касается распространённых северных направлений практической философии. Как известно [1], понятие Хюгге (дат. *hygge*) пришло в датский язык из норвежского, и в настоящее время не имеет соответствующего перевода на русский язык. Однако этот термин можно объяснить, как уют и комфортная праздничность, вызывающие чувство удовлетворения или благополучия [2]. По своей сути, хюгге – это умение ценить маленькие моменты, которые приносят тепло и радость. Это буквально ощущение, когда можно уютно

устроиться с хорошей книгой в дождливый день или от души посмеяться с близкими друзьями у потрескивающего камина. Это умение находить красоту и комфорт в простоте [3].

Если брать понятие хюгге в более философском ключе, то его можно понять, как особое проживание текущего момента, когда человек полностью включён в «здесь и сейчас» и по-настоящему сконцентрирован на происходящем. Следовательно, такое состояние в некотором смысле близко к феноменологической позиции, где значима не столько сама ситуация, сколько то, как она субъективно переживается.

Хюгге ставит во главу угла подлинность личного опыта и душевный уют. В отличие от концепций, отождествляющих счастье с достижениями или материальными благами, хюгге акцентирует внутреннее чувство удовлетворённости и умение видеть радость в простых вещах и окружающем уюте.

В настоящее время в интернете можно даже найти так называемые "манифесты хюгге", в которых подробно отражение что нужно для его достижения. Впервые это было обозначено в книге Мейка Викинга, основателя и руководителя Института исследования счастья в Копенгагене, где он обозначил 10 основных принципов, в числе которых атмосфера, благодарность, комфорт, безмятежность и др [3].

Концепция хюгге также часто является допустимой к сравнению с норвежским понятием кус (нор. kos). Однако следует отметить, что последнее понятие является намного более широким в своём возможном употреблении, а значит и более универсально. Если для хюгге характеры чётко обозначенные элементы, то почувствовать кус можно фактически в любом месте и в любое время. Это также сказывается на то, что норвежцам свойственно разделять множество видов кус. В качестве примера можно отметить виды кус в соответствии с временами года. Так, зимний кус действительно можно назвать очень приближенным к идее хюгге, а под летним кус уже часто подразумевается комфорт через активный отдых на природе и прогулки с друзьями.

Иными словами, кус можно объяснить, как практику осмысленного, разделённого, эстетически насыщенного проживания настоящего момента, в пределах которого человек находит достаточное благо.

Следующая обозначения концепция родом из Швеции. Лагом (швед. lagom) – это философия гармонии, дословно означающая «в самый раз». Основной её принцип – «ровно столько, сколько нужно» [4]. Лагом ориентирован на идею меры, чёткого баланса между избытком и недостатком, и функциональной достаточности.

Данную концепцию также можно рассматривать в культурно-историческом контексте, где её возникновение в Швеции может быть связано с условиями ограниченности ресурсов, что в последствии повлияло на формирование ценностей, базируемых на умеренности.

В настоящее время лагом широко применяется в повседневной жизни. Во многом это коррелирует с тем, что этот принцип пронизывает все сферы жизни: пищу, одежду, трудовые будни, досуг, отношения и многое другое.

Так что, в современной реальности и условиях преобладающей культуры потребления лагом можно рассматривать как альтернативу и фокусировку на экологическое равновесие. Хотя стоит отметить, что лагом всё же не является запретом на удовольствия.

Можно также выделить основные ценности лагома, среди которых гармония, честность, минимализм и простота, польза и практичность, экологическая и социальная ответственность [4].

В некотором смысле лагом также способствует формированию устойчивого чувства удовлетворённости и контроля над собственной жизнью, за счёт отказа от постоянной ориентации на невозможные для достижения стандарты.

Если брать более философско-этическую точку зрения, лагом напоминает аристотелевскую идею «золотой середины», где добродетель понимается как баланс между крайностями.

Но если Аристотель делает упор на личный нравственный выбор, то лагом, в свою очередь, скорее более социально ориентирован и призван сохранять равновесие внутри группы или общества в целом.

Следующей важной концепцией североевропейского благополучия является финское понятие сису. Хотя в первую очередь важно отметить что она в значительной степени отличается от ранее упомянутых концепций благополучия. Термин сису (фин. *sisu*) также не имеет точного перевода на другие языки, однако его можно интерпретировать, как внутреннюю силу, упорство, стойкость и решимость преодолевать трудности, когда надежды почти нет.

В Финляндии о сису дети слышат с раннего детства, как о способе справляться с трудностями. Надо стиснуть зубы и делать то, что должен – тогда рано или поздно откроется второе дыхание. Это и есть квинтэссенция сису [5].

По своей сути, сису также сказывается и в формировании субъекта. Так, данная концепция может повысить автономию, решительность и выносливость личности, что также и отражает исторические условия жизни в Финляндии (в том числе холодный климат, необходимость в выживании).

Относительно достижения благополучия сису можно рассматривать как способность действовать, сохранять внутреннюю стабильность в непростых обстоятельствах. Благодаря приверженности таким принципам, человек лучше справляется со стрессом, реже ощущает безысходность, неуверенность в себе. Как следствие, в долгосрочной перспективе это укрепляет психологическое благополучие, формирует уверенность в собственных навыках, умениях, способностях.

Несмотря на то, что в финской культуре в настоящее время существует и набирает популярность концепция калсарикянни (фин. *kalsarikänni*), обозначающее своеобразную философию расслабления и снятия стресса в домашней обстановке, в рамках данного исследования больший интерес представляет концепция сису, что обусловлено тем, что именно сису является более укоренившейся, глубоко встроенной в финский менталитет и культуру концепцией.

В отличие от калсарикянни, сису отражает ценностную установку, обусловленную преодолением трудностей, внутренней силой и выносливостью. Тем не менее, по средствам умения долго сохранять выдержку и не терять самообладания в трудных обстоятельствах, сису напрямую ведёт к благополучию. Только оно здесь понимается не как жизнь без проблем, а как способность оставаться и устойчивой личностью с твёрдым «внутренним стержнем» перед любыми жизненными неприятностями.

С философской точки зрения сису можно сравнить как с некоторой формой экзистенциализма, если сравнить концепцию с тем, как человеку продолжает действовать и создавать смысл в условиях абсурдности бытия.

Говоря, например, о сопоставлении со стоицизмом, также можно выделить некоторые отличия. Например, сису не так направлено на спокойное принятие ситуации, нежели на проявление усилий по преодолению трудностей.

По результатам проведённого анализа можно сделать вывод, что северо-европейские концепции благополучия (хюгге, кус, лагом и сису) схожи, так как представляют собой формы стремления к хорошей жизни, но также различающиеся. Например, по своей направленности касательно модели осмысления благополучия.

Так, хюгге и кус делают акцент на субъективном переживании текущего момента, создавая ощущение уюта, эмоциональной близости и включенности в настоящий момент, однако кус отличается большей универсальностью и вариативностью проявлений.

Лагом, в свою очередь, предлагает модель гармоничного и осознанного существования, основанную на принципе меры и баланса, распространяясь на все сферы жизни. Сису же, в отличие от них, ориентирован не на состояние комфорта или равновесия, а на преодоление трудностей, выступая как внутренний ресурс, позволяющий сохранять устойчивость в кризисных ситуациях.

Таким образом, если первые две концепции описывают благополучие как переживание момента, лагом – как результат соблюдения меры, то сису

раскрывает его как способность к внутреннему сопротивлению и сохранению целостности личности в неблагоприятных условиях.

Список использованных источников

1. Правмир: [сайт]. – Москва, 2003–2026. – URL: <https://www.pravmir.ru> (дата обращения: 11.04.2026).
2. Denmark.dk: [сайт]. – Копенгаген, 2008–2026. – URL: <https://denmark.dk> (дата обращения: 11.04.2026).
3. Викинг, М. Хюгге. Секрет датского счастья / М. Викинг. – М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2016. — 288 с.
4. Visit Sweden [сайт]. – Стокгольм, 2005–2026. – URL: <https://visitsweden.com> (дата обращения: 12.04.2026).
5. Европульс: [сайт]. – Санкт-Петербург, 2013–2026. – URL: <https://europulse.ru> (дата обращения: 10.04.2026).

БЕЛОРУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Анна Тумаркина (Anna Tumarkin) в должности профессора

Лойко А.И.

Анна Павловна Тумаркина (1875-1951) родилась в городе Дубровно Могилевской губернии Российской империи. Её отец занимался торговым бизнесом. Женщинам в Российской империи путь к высшему образованию был ограничен, поэтому девушка отправилась в Берлин в местный университет. Её старший брат учился в Берне. Поэтому она решила продолжать обучение в этом городе и поступила в местный университет на факультет философии, германистики и истории.

В 1895 г. Анна окончила обучение со степенью доктора философии. Тема её диссертации звучала «Гердер и Кант». Научным руководителем Анны был Людвиг Штейн. Текст диссертации Анны был опубликован в первом сборнике «Бернского курса философии». В 1898 г. Анна подала документы в учёный совет университета на получение права на преподавание. Решение совета университета было положительным. В результате Анна стала первой в мире женщиной преподавателем философии с должностью приват-доцента.

Анна оказалась в регионе Швейцарии (Берн) компактного проживания этнических немцев. В философии также доминировало немецкое влияние в модификациях классической немецкой философии и философии Австро-Венгрии. Её научный руководитель Людвиг Штейн (Ludwig Stein) был из Венгрии. Он родился в 1859 г. В 1877-80 годах он учился в Берлине. На него значительное влияние оказал Эдуард Целлер, интересы которого были связаны с христианской теологией. Э. Целлер работал на кафедрах в университетах Тюбингена, Берна, Марбурга, Гейдельберга и Берлина.

Э. Целлер не принял гегельянство и в целях аргументации своей позиции обратился к изучению истории философии. Он написал такие сочинения как «Platonische Studien» (Тюбинг. 1839) и «Die Philosophie der Griechen (ib., 1844-52). Он написал сочинения по истории немецкой философии. В их числе книги

«Geschichte der deutschen Philosophie seit Leibniz» и «Friedrich der Grosse als Philosoph».

Л. Штейн также был привержен тематике истории философии. Он написал такие книги как «Leibnitz und Spinoza» (1890); «Friedrich Nietzsches Weltanschauung und ihre Gefahren» (1893). Но у этих работ был уже контекст неспора с Гегелем.

Анна Тумаркина в рамках исторической философской тематики сделала акцент на анализе исторической эпохи Просвещения. Персонажи Гердера и Канта для этой темы хорошо подходили.

Иоганн Готфрид Гердер (Johann Gottfried Herder) был выходцем из Восточной Пруссии. Он родился 25 августа 1744 г. в Морунгене. Он стал известным историком культуры, создателем исторического понимания искусства. Это понимание предписывало рассматривать культуру с точки зрения духа её времени. Он родился в протестантской семье учителя. Во время Семилетней войны 1756-1763 гг. территория Восточной Пруссии была занята войсками Российской империи. В 1762 г.

Гердер по совету российского военного врача отправился в университет Кёнигсберга с целью изучать медицину. Но по прибытии в Кёнигсберг цель поменял и поступил на теологический факультет местного университета. Он слушал лекции И. Канта по логике, метафизике, моральной философии и физической географии. Также он брал уроки языков у И. Г. Гамана. В период учёбы он увлёкся идеями Ж.Ж. Руссо. В 1764 г. он окончил университет.

В 1764 году он уехал в Ригу. На протяжении двух лет он путешествовал по Франции, Голландии, Германии. В Париже познакомился с Дидро и Даламбером. В Гамбурге на него оказал больше влияние Лессинг. В 1770 г. он познакомился в Страсбурге с Гёте. В 1776 г. он переселился в Веймар,

Основным достижением Гердера стала теория культуры. В теории он рассматривает культуру как уникальный исторический процесс развития человеческого духа, реализованный в языке, традициях и искусстве каждого

народа. Культура является совокупностью традиций, обычаев и языка. Фольклор и народное искусство являются носителями национального вкуса.

Культура не является статической системой. Она постоянно развивается. Все народы имеют право на развитие своей уникальной культуры, и нет смысла сравнивать их по европейским критериям. Язык является основой культуры. Он формирует мышление и мировоззрение людей.

Цель развития культуры является достижение гуманности через просвещение и воспитание. Человек является частью природы. Он создаёт культуру как вторую природу трудом, ремеслами, искусством и религией. В результате первая природа переходит в ценностную тематику культуры. Это явный переход в тематику романтизма.

Анна Гумаркина оказалась под влиянием философских идей, связанных с эстетикой. Она преподавала в университете Берна эстетику и историю философии. Она опубликовала более пятнадцати работ по философии. Анну Гумаркину интересовали темы истории философии, в частности, философия И. Канта. Это такие работы как «К описанию Юстина Кернера» (1898), «Игра способностей у Канта» (1905), «Критическая проблема в преkritических трудах Канта» (1908), «Кантово учение о вещи-в-себе» (1909), «Аполлонииво и Дионисиево в древнегреческой философии» (1927),

Особый интерес для неё представляла тематика эстетики. Это видно по таким работам как «Ассоциативный принцип в истории эстетики» (1899), «К трансцендентальному методу кантовой эстетики» (1906), «Эстетический идеал и этическая норма» (1907), «Поэзия и мировоззрение» (1919), «Романтическое мировоззрение» (1920), «Эстетик Иоганн Георг Зульцер» (1933),

Поскольку в Австро – Венгрии активно разрабатывалась тематика психологии, инициированная лекциями Ф. Brentano, то в Швейцарии эта тематика тоже стала предметом рассмотрения. Франц Brentano был профессором философии университета Вюрцбурга (1872 г.) и университета Вены (с 1874 г.), в котором преподавал философию в течение двадцати лет. Он был одним из лучших историков философии Аристотеля и Фомы Аквинского.

Это знание было обусловлено тем, что он занимался католической теологией. Но затем он покинул платформу католического томизма, и особое внимание он стал уделять исследованию проблем философской психологии и психологии. В 1874 г. он опубликовал книгу «Психология с эмпирической точки зрения», оказавшую влияние на формирование нового понимания возможностей психологии как науки.

В 1874-1875 годах университетский цикл его лекций по философии слушал З. Фрейд. Впоследствии он изучал философию у Ф. Brentano в приватном порядке. По рекомендации Brentano З. Фрейд доверили осуществить перевод с английского языка сочинения философа Дж. Стюарта Милля.

Ф. Brentano проводил четкую границу между физическими и психическими феноменами. Он считал, что родовым общим признаком психических феноменов, в отличие от физических феноменов, является интенция, поскольку сознание человека всегда есть отношение к чему-либо. Основной задачей психологии он считал исследование психических феноменов.

Он рассматривал психологию как дескриптивную, описывающую и классифицирующую последние элементы, из которых строится сознание. Он также рассматривал психологию как генетическую структуру, устанавливающую законы сознания. Он придавал большое значение внутреннему опыту человека. Его лекции слушал Эдмунд Гуссерль.

В Швейцарии тематику, связанную с философской психологией, развивал Карл Густав Юнг, Он изучал медицинскую тематику, связанную с психиатрией в университете Базеля. Затем он работал в психиатрической клинике Бургхельцли. В 1907 г. он познакомился с З. Фрейдом. Сначала он принял идеи З. Фрейда, но затем он стал отрицать чрезмерную роль либидо и сексуальности в психике человека. Он исходил из того, что психика человека содержит не только подавленные желания, но более глубокие, универсальные структуры. Их он назвал архетипами.

Юнг разработал аналитическую психологию. Он разработал концепцию коллективного бессознательного, а также создал типологию личности. Он изучал мифологию, философию, алхимию, считая, что древние символы несут важную информацию о психике человека.

Анна Тумаркина хотела, чтобы процесс формирования психологии вошёл в формат критериев научности. Именно эта необходимая трансформация описана ею в книгах «Каким образом возможна психология как наука» (1921), «Пролегомоны к научной психологии» (1923), «Методы психологического исследования» (1929),

Анна Тумаркина опубликовала в газете *Der Bund* статью под названием «Н.О. Лосский». Николай Лосский, как и она, является уроженцем Витебской губернии Российской империи. Этот яркий философ не мог не оказаться в центре внимания Анны, хотя в отличие от неё он придерживался интеллектуальной традиции русской религиозной философии. И в эмиграции он оставался на позициях этой философской платформы.

Анна же начала путь в философию с интеллектуальной платформы классической немецкой философии. Но затем она обнаружила, что у философии Швейцарии есть своя тематика. Эту тематику Анна Тумаркина описала в книгах «Проблема свободы в швейцарской философии» (1940), «Вклад Швейцарии в развитие философии» (1942), «Сущность и становление швейцарской философии» (1948).

Анна Тумаркина стала первой женщиной философом. И, конечно, её заинтересовало как философия рефлексировала над гендерной тематикой. Это видно по таким её книгам как «Право голосования женщин» (1928), «Взгляд на духовную жизнь швейцарских женщин раньше и теперь» (1928),

В 1906 г. Анне Тумаркиной было присвоено звание гонорарного профессора Бернского университета. В 1909 г. ей было присвоено звание экстраординарного профессора этого университета. Умерла Анна Тумаркина 7 августа 1951 г. в Берне. В Швейцарии её звали Anna Tumarkin. В феврале 2000 г. рядом

со старым зданием университета в Берне была открыта улица под названием «Tumarkinweg».

Список используемых источников

1. Людвиг Штейн. Социальный вопрос с философской точки зрения. Лекции об общественной философии и её истории. – М., 1899. – XX, 708 с.
2. Людвиг Штейн Начала человеческой культуры. – Санкт-Петербург, 1908. – 128 с.
3. Anna Tumarkin. Herder und Kant. A. Siebert: Bern 1896.
4. Anna Tumarkin. Zur Charakteristik Justinus Kerners. Stilke: Berlin, 1898.
5. Anna Tumarkin. Das Associationsprinzip in der Geschichte der Aesthetik. Berlin, 1899.
6. Anna Tumarkin. Kants Spiel der Kräfte. Henry Kündig: Genf, 1905.
7. Anna Tumarkin. Bericht über die deutsche ästhetische Literatur aus den Jahren 1900–1905. Georg Reimer: Berlin, 1905.
8. Anna Tumarkin. Zur transcendentalen Methode der Kantischen Ästhetik. Reuther & Reichard: Berlin, 1906.
9. Anna Tumarkin. Ästhetisches Ideal und ethische Norm. F. Enke: Stuttgart, 1907.
10. Anna Tumarkin. Baruch Spinoza: acht Vorlesungen gehalten an der Universität Bern. Quelle & Meyer: Leipzig, 1908.
11. Anna Tumarkin. Das kritische Problem in den vorkritischen Werken Kants. C. Winter: Heidelberg, 1908.
12. Anna Tumarkin. Erich Becher: Der Begriff des Attributes bei Spinoza in seiner Entwicklung und seinen Beziehungen zu den Begriffen der Substanz und des Modus. E. Anton: Bern, 1909.
13. Anna Tumarkin. Kants Lehre vom Ding an sich. Georg Reimer: Berlin, 1909.
14. Anna Tumarkin. Bericht über die deutsche ästhetische Literatur aus den Jahren 1905 – 1909. Georg Reimer: Berlin, 1910.

15. Anna Tumarkin. Wilhelm Dilthey. L. Simion Nf.: Berlin, 1912.
16. Anna Tumarkin. Zu Spinozas Attributenlehre. Georg Reimer: Berlin, 1916.
17. Anna Tumarkin. Dichtung und Weltanschauung. J. C. B. Mohr: Tübingen, 1919.
18. Anna Tumarkin. Die romantische Weltanschauung. P. Haupt: Bern, 1920.
19. Anna Tumarkin. Wie ist Psychologie als Wissenschaft möglich. Reuther & Reichard: Berlin, 1921.
20. Anna Tumarkin Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Psychologie. F. Meiner: Leipzig, 1923.
21. Anna Tumarkin. Die Idealität der ästhetischen Gefühle. R. Voigtländer: Leipzig, 1925.
22. Anna Tumarkin. Die Einheit des Platonischen «Phädrus». B. G. Teubner: Berlin, 1925.
23. Anna Tumarkin. Der Unsterblichkeitsgedanke in Platos «Phädon». J. D. Sauerländer: Frankfurt am Main, 1926.
24. Anna Tumarkin. Das Apollinische und das Dionysische in der griechischen Philosophie. B. G. Teubner: Leipzig, 1927.
25. Anna Tumarkin. Eindrücke der Hellasreise 1927. Orell Füssli: Leipzig, 1928.
26. Anna Tumarkin. Verzeichis der Publiktionen von Schweizerfrauen. Bern-Bümpliz, Buch- und Kunstdruckerei Benteli A.-G.: Bern, 1928.
27. Anna Tumarkin. Ein Blick in das Geistesleben der Schweizer Frauen einst und jetzt. F. Pochon-Jent: Bern, 1928.
28. Anna Tumarkin. Die Methoden der psychologischen Forschung (Методы психологического исследования). B.G. Teubner: Leipzig, 1929.
29. Anna Tumarkin. Die Überwindung der Mimesislehre in der Kunsttheorie des XVIII Jahrhunderts. Verlag von J.C.B. Mohr (P. Siebeck): Tübingen, 1930.
30. Anna Tumarkin. Der ästhetiker Johann Georg Sulzer (Эстетик Иоганн Георг Зульцер). Verlag Huber & Aktiengesellschaft: Frauenfeld, 1933.

31. Anna Tumarkin. Ein Versuch Diltheys Leben aus ihm selbst zu verstehen. Helbing & Lichtenhahn: Basel, 1934.

32. Anna Tumarkin. Wesen und Werden der schweizerischen Philosophie: Allgemeine Richtung der Philosophie der Schweiz, Philosophisches Denken in der Geschichte, Naturrecht, Erziehungslehre (Сущность и становление швейцарской философии). Verlag Huber & Aktiengesellschaft: Frauenfeld, 1948.

Философия математики в профессиональной деятельности Софьи Ковалевской и Софьи Яновской:

Год белорусской женщины

Лойко А.И., Лойко Л.Е.

Математика сформировалась задолго до того, как стала присутствовать в философских построениях. Первоначальной модификацией математики была арифметика. Для того, чтобы люди могли пользоваться арифметикой они научились разделять количественные и качественные характеристики предметов. Для обозначения количественных характеристик предметов был разработан специальный язык знаков. Сначала это были метки, которые располагались последовательно под счёт. Затем мышление людей оптимизировало счёт разработкой специальных арифметических операций исчисления в форме сложения, вычитания, умножения и деления. Цифры стали восприниматься людьми как конкретные величины. Они также стали наделяться конкретным смыслом в рамках духовных учений.

Ещё одним направлением развития математики стала геометрия пространства. Эта геометрия играла важную роль в строительстве. По одной из версий исходное основание своей теоремы Пифагор увидел в геометрии пространства, созданной прислонённой к стене дома балкой.

Он увидел в этой композиции прямоугольный треугольник. Умение видеть геометрические конфигурации путём абстрагирования их из материальной физической среды стало важным условием для доказательства теорем и решения геометрических задач.

Магия чисел оказала на Пифагора такое сильное воздействие, что он решил ввести этот компонент математики в философскую систему онтологии [1]. Согласно этой онтологии у чувственной реальности, есть базовое основание в виде численных пропорций и комбинаций. Язык математики (арифметики и геометрии) стал одним из основных языков античной философии. Он

позволил Клавдию Птолемею описать средствами этого языка систему мироздания. Земля в ней находилась в центре. А орбиты планет и Солнца описаны языком геометрии в виде малых и больших кругов.

Важную роль сыграл Евклид, который описал средствами геометрии свойства однородной пространственной среды. Он исходил в этом описании из критериев формальной логики.

В новое время обнаружилось, что математические описания физической реальности не могут ограничиваться только логическими критериями. Это показала ситуация с гелиоцентрической системой мироздания, рассчитанной Николаем Коперником. Эта система заняла место геоцентрической системы мира Клавдия Птолемея. Но вскоре оказалось, что математические расчёты Николая Коперника и использованная им геометрия пространства требовали корректировки под влиянием астрономических наблюдений. В результате Иоганн Кеплер трансформировал геометрию движения планет с основы круга на основу эллипса. Был также отменён небосвод неподвижных звёзд.

Поскольку Рене Декарт исходил из убеждения, что математика является основным способом дедуктивного построения теории, то он усилил её позиции в новоевропейской науке разработкой языка алгебры и переводом геометрии на язык алгебры. В таком виде математические описания опирались на критерии формальной логики. Но они уже не ограничивались только формальными задачами расчётов. Математика становилась частью естествознания (механики и связанных с ней прикладных инженерных наук). И. Ньютон ввёл математику в онтологию механистического материализма. Представление о механическом устройстве стало базовым для описания всех физических процессов и объектов, в том числе, под него попадали и люди [2].

Б. Паскаль нашёл применение математическим расчётам и в области индуктивной эмпирической логики. В этих расчётах нуждались статистические методы. В результате им была разработана теория вероятности.

Но при внешней связи математики с экспериментальной наукой оставалось очевидным, что математика оперирует уравнениями (абстрактными описаниями), которые могут верифицироваться только критериями формальной логики и интеллектуального мышления.

Именно математика как эталон интеллектуального мышления привлекла уроженку Беларуси Софью Васильевну Ковалевскую [3]. До замужества она имела фамилию Корсун-Красовская. Она происходила из семьи древнего рода Восточной Беларуси. Детские годы она провела в имении родителей в Полибино Витебской губернии Российской империи. В её детской комнате в качестве обоев. Была только заготовка под них в виде основания из лекций Михаила Остроградского о дифференциальном и интегральном исчислении.

Девочка постоянно смотрела на математические расчёты и освоила язык математики. В домашних условиях она прошла курс обучения сопоставимый с полным курсом гимназии. Но дальше получать образование было сложно для девушек, потому что в Российской империи девушек не принимали на обучение в университеты. В результате С. Ковалевская заключила фиктивный брак с местным парнем Владимиром Ковалевским и уехала в Германию.

Она училась в университетах Гейдельберга и Берлина. В 1874 г. она написала работу «К теории дифференциальных уравнений в частных производных». Летом 1874 г. Геттингенский университет присвоил Софье Ковалевской степень доктора философии по математике и магистра изящных искусств.

Несмотря на трудности в личной жизни (смерть мужа) С. Ковалевская решила заниматься математикой. Она уехала в Стокгольм, где ей предложили должность профессора кафедры математики в местном университете. Преподавание она совмещала с наукой. За введение в аппарат высшей математики четвертого алгебраического интеграла ей присудили премию Бордена.

После открытия Георгом Кантором теории множеств возник кризис оснований математики, который Г. Фреге пытался разрешить сведением математики к логике. Это дало шанс для дальнейшего развития математической ло-

гики. Эдмунд Гуссерль пытался преодолеть кризис в математике через обращение к картезианской очевидности и интуитивности. Давид Гильберт пытался избежать парадоксов теории множеств через создание непротиворечивых формальных систем.

Процедура обоснования, предложенная Гильбертом, состояла, во-первых, в формализации теории в символьном виде схемы аксиом и правил вывода, и во-вторых, в доказательстве её непротиворечивости исходя только из её формальной структуры. Однако и это течение оказалось несостоятельным. Две теоремы математической логики Курта Гёделя совершили переворот в обосновании математики. В частности, вторая теорема гласит, что доказательство непротиворечивости любой достаточно богатой формальной теории невозможно средствами самой этой теории, что делает невозможным процедуру обоснования Гильберта.

Любая формальная теория может быть обоснована только лишь другой теорией, что приводит к обязательному существованию необоснованной теории или замкнутого круга теорий, обосновывающих друг друга. Вследствие обнаружившейся недостаточности внутренних критериев у математических построений (моделей) они стали наделяться статусом гипотезы и использоваться во вспомогательных функциях как язык описания, как математический аппарат физической теории, например, уравнения Шредингера в структуре квантовой механики, как аппарат математической логики. А. Колмогоров определил математику как науку о количественных отношениях и пространственных формах физического мира.

А. Эйнштейн одним из первых показал, что математические описания пространства не являются абстрактными. Они соотносимы с конкретной метрикой физического пространства. Так, евклидова геометрия, описывает физическое трехмерное пространство с однородной метрикой. Неевклидовы геометрии, описывают физическое пространство с кривой метрикой. Эта кривая метрика формируется гравитацией. У геометрии фракталов и паттернов также есть физические аналоги.

Для обоснования собственного статуса математике был нужен технологический аргумент не только в форме инженерных расчётов, а в форме присутствия математики как технологической компоненты. Первый шаг в этом направлении сделал Дж. Буль (Булева алгебра).

Технологический запрос на прикладную реализацию математики сформировался в рамках реализации проблем, связанных с теорией связи. Это были вопросы кодирования информации в сигнал для передачи и декодирования информации из сигнала для получателя. Булева алгебра оперирует понятием двоичного кода. Этот цифровой формат совместим с любым релейным устройством. В технологиях связи использовали перфокарты. Но затем возникла идея перевести перфокарту в цифровой формат кода и интегрировать этот код в аппаратную часть средств связи с определенной операционной системой. Так появились электронные вычислительные машины. В разработке этих технологий важную роль сыграл фон Нейман и Алан Тьюринг.

В свете обозначившегося технологического направления развития информационных систем коммуникации математическая логика оказалась в приоритете разработки. Развитие информационных технологий происходило в первой половине XX века. В это время территория Беларуси находилась в составе Российской империи (до 1917 г) и с 1922 г. в составе Советского Союза.

Формальная логика подвергалась нападкам со стороны сторонников марксистско-ленинской гегелевской диалектики. В этих условиях произошло становление Софьи Александровны Яновской [4]. Она родилась 31 января 1896 г. в Пружанах Гродненской губернии (сейчас Брестской области). Вскоре её родители переехали в Одессу. Софья училась во второй женской гимназии города. В 1914 г. она её окончила с золотой медалью. В гимназии преподавали преподаватели Новороссийского университета С.О. Шатуновский и И.Ю. Тимченко. В 1914 г. Софья поступила на естественное отделение Одесских высших женских курсов при Новороссийском университете.

Она готовилась стать химиком, чтобы работать на заводе и помогать отцу. Но интерес к математике, возникший еще в гимназии, побуждает ее посещать лекции, которые читал на математическом отделении курсов профессор С.О. Шатуновский [5].

По настоянию С.О. Шатуновского Софья перевелась на математическое отделение курсов. Там математический анализ преподавал Е.Л. Буницкий, геометрию преподавал В.Ф. Каган, историю математики преподавал И.Ю. Тимченко. С.О. Шатуновский, преподавал логику и основания математики. Интересы С.А. Яновской определялись ею как история, методика и философия математики, математическая логика и основания математики [6].

В 1917 г. произошла революция и Софья Яновская вступила в партию большевиков и в Красную Армию. Её служба проходила в Одессе. В 1923 г. она добилась согласия на ее командирование в Москву на естественное отделение Института красной профессуры и в 1924 г., переехав в Москву. Дополнительно, она посещала математические семинары Д.Ф. Егорова и В.В. Степанова. В 1925 г. она организовала в Московском Государственном Университете семинар по истории и философии математики для студентов и аспирантов. Его посещали А.Н. Колмогоров, Л.А. Люстерник, А.О. Гельфонд, П.К. Ращевский, И.В. Арнольд, А.П. Юшкевич. В 1929 г. С.А. Яновская окончила Институт красной профессуры.

В 1931 г. С.А. Яновская была утверждена профессором в Московском государственном университете. Её профессиональный интерес был связан с математической логикой. Сказалось влияние специалиста по математической логике, алгебре и теории вероятностей профессора Валерия Ивановича Гливленко. С 1936 г., она впервые в Советском Союзе, начала читать его на механико-математическом факультете Московского государственного университета [7]. С 1930 г. С.А. Яновская с М.Я. Выгодским вместе читали в Московском государственном университете курс истории математики.

В этом курсе основной упор делался на историю обоснования математики, начиная от эпохи античности до современности. В частности, здесь рассматривались вопросы обоснования понятий числа, величины, предела, бесконечно малой величины, дифференциала и интеграла.

В 1933 г. С.А. Яновская вместе с М.Я. Выгодским организовала в университете семинар по истории математики [8]. Совместным руководителем этого семинара стал ее ученик А.П. Юшкевич. В 1935 г. С.А. Яновской была присуждена ученая степень доктора физико-математических наук и присвоено ученое звание профессора математики.

В 1938 г., совместно с В.И. Гливенко она подготовила для первого издания Большой советской энциклопедии статью «Логика математическая». Она была первой в Советском Союзе обзорной статьей по данной теме. С.А. Яновская занималась изданием логико-математической литературы. В 1947 г. вышел в свет русский перевод книги Д. Гильберта и В. Аккермана «Основы теоретической логики». Это была первая монография по математической логике, изданная в Советском Союзе. В 1948 г. в сборнике «Математика в СССР за тридцать лет» вышел первый большой обзор С.А. Яновской, содержащий анализ достижений отечественных логиков-математиков. Второй ее обзор на эту тему вышел в 1959 г. в сборнике «Математика в СССР за сорок лет».

Большое значение С.А. Яновская придавала прикладным вопросам математической логики и ее применениям в технике и кибернетике. Ее первое знакомство с применениями логики в технике относится еще к 1930-м гг., когда В.И. Шестаков, бывший тогда аспирантом ее коллеги профессора В.И. Гливенко, работал над кандидатской диссертацией по применению булевой алгебры логики для математического моделирования статичности релейно-контактных схем.

В 1948 г. С. А. Яновская выступила в защиту приоритета В.И. Шестакова в открытии логического моделирования релейно-контактных схем. В 1957 г. в докладе «О некоторых чертах математической логики и отношении ее к техническим приложениям» на Всесоюзном совещании по теории релейных

устройств С.А. Яновская дала анализ роли практики в развитии математической логики. Работа по теории релейных устройств внесла значительный вклад в развитие советской кибернетики.

В 1960 г. под редакцией С. А. Яновской и с ее предисловием вышел русский перевод книги Алана Тьюринга «Может ли машина мыслить?». В предисловии С.А. Яновская проанализировала с позиций философии проблему кибернетики о соотношении возможностей человека и машины.

Эти же вопросы ею рассмотрены в работах: «О философских вопросах математической логики» и «Преодолены ли в современной науке трудности, известные под названием «апорий Зенона»?», опубликованных в 1963 году в сборнике «Проблемы логики» [9].

С.А. Яновская организовала в издательстве «Физматгиз» книжную серию «Математическая логика и основания математики», в рамках которой были изданы многие основополагающие труды по тематике математической логики как зарубежных, так и отечественных ученых.

Усилия С.А. Яновской не были напрасными. Разработкой математической логики занялся А.А. Марков. Он оказался под влиянием теории вычислимости. Он её обогатил определением вычислительной модели нормальными алгорифмами («алгорифмы Маркова»), а также, результатами, как неразрешимость проблемы равенства слов в полугруппах.

Математические сущности для А.А. Маркова не являются ментальными конструкциями, как в интуиционизме, а конструктивные объекты и процессы, слова в некотором алфавите и алгоритмы. Понятие вычисления является философским понятием. Актуальная бесконечность отбрасывается Марковым. Потенциальная бесконечность принимается.

Это приводит его к пониманию того, что для высказываний, касающихся процессов, возможен следующий тезис: если предположение, что алгоритм никогда не остановится на каком-либо слове, может быть опровергнуто, то можно заключить, что алгоритм остановится.

Вычисления относятся к абстрактно-символическому (знаковому) типу мышления, при котором обработка информации происходит с помощью абстрактных кодов, чисел, формул и математических операций. Этот тип мышления позволяет оперировать структурами, которые нельзя потрогать, и характерен для математиков, программистов, аналитиков и экономистов.

Вычислительное мышление является методом решения сложных задач, заключающийся в их формулировке и представлении в форме, реализуемой через абстракцию (постановка проблемы), автоматизацию (алгоритмизация решения) и анализ (оценка результата). Этот подход развивает логику, способность к абстракции, структурное мышление и умение находить решения, применимые в программировании.

Таким образом, уроженки белорусской земли – С.В. Ковалевская и С.А. Яновская оказали значительное влияние на развитие философии математики, как в теоретическом плане, так и в прикладном плане.

Список используемых источников

1. Вечтомов, Е. М. Философия математики: монография / Е. М. Вечтомов. – Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – 316 с.

2. Габриэле Лолли. Философия математики: наследие двадцатого столетия / Пер. с итал. А.Л. Сочкова, С.М. Антакова, под ред. проф. Я.Д. Сергеева. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2012. – 299 с.

3. Лойко, Л. Е. Кросс-культурная атмосфера научного становления С. В. Ковалевской // Роль женщины в развитии современной науки и образования: сборник материалов Международной научнопрактической конференции, 17-18 мая 2016 г., Минск / БГУ; редкол.: И. В. Казакова, А. В. Бутина, И. В. Олюнина. Минск: БГУ, 2016. С. 769-773

4. Кушнер Б.А. Несколько воспоминаний о С.А. Яновской // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. №4. С.119-123.

5. Бирюков Б.В. Выдающийся исследователь логических основ научного знания // Женщины – революционеры и ученые / Ред. Минц И.И., Ненароков А.П. М.: Наука. 1982. С.87-96.
6. Левин В.И. Очерки истории прикладной логики. Пенза: Изд-во Пенз. гос. техн. Академии. 2007. – 284 с.
7. Бирюков Б.В. Трудные времена философии. Софья Александровна Яновская: Время. События. Идеи. Личности. М: Либроком. 2010. — 310 с.
8. Levin V.I. Sofia Alexandrovna Yanovskaya, the Person, Teacher and Scientist // Logic in Central and Eastern Europe: History, Science and Discourse. — University Press of America. 2013. Pp. 671-687.
9. Яновская С.А. Лекции по алгебре логики / под ред. Б.В. Бирюкова и З.А. Кузичевой. – М: Либроком. 2015. – 320 с.

Философия дизайна в прикладном исполнении известных белорусских женщин

Лойко А.И.

Понятие (design) в переводе с английского означает «замысел», «проект». Эта творческая деятельность реализует процесс и результат художественно-технического проектирования единичных предметов, промышленных изделий, так и их систем. Главной целью дизайна является достижение максимально полного соответствия создаваемых объектов и среды утилитарным и эстетическим потребностям человека. В результате должно происходить формирование гармоничной предметной среды, включающей вещи, созданные с высокими художественно-эстетическими и функциональными характеристиками, и разнообразные связи между ними.

С момента появления дизайн являлся особой частью производственного процесса «полезных» вещей, которые кроме утилитарных характеристик должны были отвечать и чисто эстетическим требованиям (т. е. изначально «функциональность» изделия предполагала и его «красоту»).

Возникнув благодаря возможностям и установкам индустриализма, дизайн реализуется как достаточно узкая сфера в самом фабричном производстве. В нем сфера прекрасного задана технической эстетикой, в которой созданная промышленным образом вещь обладает эстетическим содержанием.

В узкопрофессиональном понимании дизайн представляет собой сложную «проектно-художественную деятельность по разработке промышленных изделий с высокими потребительскими и эстетическими качествами, деятельность по организации комфортной для человека предметной среды – жилой, производственной, социально

Философия дизайна предполагает формирование гармоничного образа человека как носителя активности, включая его потребности. Это моделирование соразмерного человеку предметного мира, призванного обеспечить успешную самореализацию и адекватную самоидентификацию человека. Это

осмысление эстетических и утилитарных возможностей и запросов определенных групп потребителей, которые задаются их образом и ритмом жизни, целями деятельности, социальным статусом и ролью. Это определение основных социокультурных условий и особенностей дизайна как особой деятельности, выявление его возможностей и пределов.

Это сравнительный анализ уже актуализированных аналогов с целью определения моментов риска внедрения и использования, соответствия эргономике человека (эргономическим требованиям). Это анализ средового контекста и его характеристик. Это прогнозирование возможностей использования новых вещей и технологий, а также изменения предметного мира и способов интеграции в него человека. Это анализ функциональных свойств и особенностей создаваемых объектов, необходимых технологий изготовления и эксплуатации, материально-технических и технологических возможностей отрасли или предприятия.

Дизайн реализуется как синтез проектирования, методов научного исследования таких дисциплин, как физиология, социальная психология, эргономика. Он включает конструктивно-технологические инновации, и профессиональные художественно-эстетические средства выразительности: приемы и методы формальной композиции, проектной графики, цвета и колорита.

Дизайн в современном его понимании востребован индустриальным производством рыночной экономики, где предпринимательские качества сочетаются с развитым эстетическим вкусом. Одной из первых белорусских женщин, принявшей участие в формировании тематики дизайна стала Франциска Урсула Радзивилл. Она почувствовала в себе дар сценариста и открыла в Несвиже театр. Пространство театра требовало дизайнерских решений, которые осуществляла Франциска. Это была эпоха Просвещения, первой промышленной революции и мануфактур. На одной из мануфактур Радзивиллов производились Слуцкие пояса. Театр был открыт в 1740 г. В нём исполнялись авторские пьесы Франциски Урсулы, а также, пьесы в её переводе [1].

В окрестностях Пинска в поместье Колодное в 1827 г. родилась Хелена Скирмунт. Ее мать была родной сестрой Наполеона Орды, известного музыканта и художника. Несмотря на ограничения, создаваемые плохим зрением, Хелена нашла способ реализации дизайнерских решений. Она стала заниматься лепкой. Эта технология является одним из этапов в создании скульптуры. В результате Хелена стала скульптором. Её скульптурные композиции отличаются высокой проработкой деталей, строгим следованием композиции и соблюдением формы. Примером является сделанный ею шахматный набор. В 1876 г. искусствовед Бронислав Залесский опубликовал ее дневник под названием «З жыцця літвінкі». Книга была переиздана в 2020 г. [2].

В начале XX века в Витебске усилиями Марка Шагала на базе Витебского народного художественного училища стали апробироваться теоретические предпосылки философии дизайна. На преподавательскую деятельность в училище Марк Шагал пригласил Казимира Малевича. Именно в Витебске Казимир Малевич изложил созданную им философию супрематизма [3]. Казимир Малевич считал, что эту философию нужно трансформировать в дизайн городской среды. Для этого дизайна была выбрана городская среда Витебска. Пространством для художественного дизайна стали не только улицы и дома города, но и парходы и трамваи.

Казимир Малевич считал, что у философии дизайна должна быть организационная структура. Она была создана в январе 1920 г. под названием «Молпосновис» («Молодые последователи нового искусства»). Через несколько дней название откорректировали на «Посновис». С 14 февраля 1920 г. решили называться «Уновис» («Утвердители нового искусства») [4]. В структуре состояло около сорока человек. В последующем они стали известными в мире дизайнерами, архитекторами и скульпторами. В их числе были А.С.Векслер, М.С.Векслер, И.Т.Гаврис, Э.И.Гурович, В.М.Ермолаева, Н.О.Коган, Л.М.Лисицкий, Л.М.Хидекель, М.В.Цейтлин, Л.О.Циперсон, И.Г.Чашник,

В течение 1920–1922 годов по заказу местных властей Витебска члены творческой организации выполнили супрематические панно, декорирующие

фасады зданий, праздничные знамёна и трибуны ораторов. Также было выполнено праздничное оформление Витебского Большого театра для торжественного заседания делегатов и рабочих городского комитета по борьбе с безработицей, декорирование города к 1 Мая 1920 г. Изготавливались опытные образцы супрематических тканей. Для Малого потребительского общества были разработаны супрематические вывески. Выполнялись заказы на плакаты и обложки брошюр, выпускаемые местным издательством, что давало возможность экспериментировать в области полиграфии.

6 февраля 1920 г. творческая организация поставила спектакли «Победа над Солнцем» и «Супрематический балет». «Победа над Солнцем» была поставлена в декорациях и костюмах Ермолаевой; «Супрематический балет» был задуман и реализован Коган. Лисицкий разработал проект версии «Победы над Солнцем» как электромеханического представления. Но постановка не была осуществлена.

Уновис открыл отделения в Оренбурге, Самаре, Смоленске, Перми, Екатеринбурге, Саратове и Одессе. В одном из этих отделений начала свой путь в философию дизайна Надежда Ходасевич-Леже. Её путь в Смоленское отделение Уновис лежал из деревни Осетище Витебской губернии. Затем она направилась через Варшаву в Париж, где было много представителей художественного дизайна из Беларуси. В их числе были Лев Бакст, Хаим Сутин и Марк Шагал. Для развития промышленного дизайна на территории Беларуси не было условий, поскольку индустриализация только начиналась.

Мозаичные портреты Надежды Ходасевич-Леже выставляются во многих галереях мира [5]. За участие в развитии франко-советских отношений она удостоена ордена Почетного легиона Франции и ордена Трудового Красного Знамени. Революционные события в России и последовавшие боевые действия со стороны польской армии воспринимались в некоторых семьях как угроза мирной жизни. Так, Софья Федорович (Sophie Fedorovitch), считающаяся одной из основательниц балетной традиции в Великобритании в 1920 г. уехала с родителями из Минска в Лондон.

В британской столице Софья работала в рамках постановок Королевского театра оперы и балета в Ковент – Гардене с Майклом Соксом, Фредериком Аштоном и Питером Бруком. Она оформляла двадцать пять балетов, четыре оперы и две пьесы.

До стадии промышленного дизайна и успешного предпринимательского проекта дошла Ида Розенталь (Ida Rosenthal) из Ракова. Она родилась в этом небольшом городе 9 января 1886 г. В шестнадцать лет родители ее отправили на учебу в Варшаву. Там она параллельно подрабатывала швеей. Она познакомилась с молодым революционером Вилли Розенталем. В 1904 г., чтобы избежать призыва в армию и участия в русско-японской войне, Вилли решил эмигрировать в США.

В США ей понадобились навыки швеи. Она заработала репутацию швеи, которая может справиться с любыми заказами привередливых клиентов. Благодаря этому семья, в которой к тому времени родились сын и дочь, смогла перебраться в Нью-Йорк, на Манхэттен. Ида Розенталь стала известна в кругах дизайнеров одежды. Ее приняли на работу младшей компаньонкой в ателье «Enid Frocks». Иду привлёк профиль женской одежды и такой элемент гардероба как бюстгальтер. Муж Иды проявил интерес к её проекту. Оказалось, что у него есть профессиональные качества дизайнера разработчика.

Он подсказал Иде как сделать бюстгальтер максимально комфортным и подчеркивающим естественные женские формы. В результате появился бюстгальтер с двумя чашечками, соединенными сплошной вставкой. Модель назвали «Maiden Form». Муж Иды Уильям разработал систему размеров лифа, которая стала универсальной.

Разработка пользовалась такой популярностью у женщин, что ателье едва успевало справляться с заказами, хотя стоимость их платьев существенно возросла. Поэтому Ида решила ограничиться только пошивом бюстгальтеров. Супруги Розенталь стали полноправными партнерами в компании. Генератором идей был ее муж Уильям. Он запатентовал их изобретение в 1926 г. Ида успешно занималась продвижением товара на рынке.

Благодаря своему умению контактировать с клиентами, поставщиками, партнерами и распространителями во всем мире создателем бюстгальтера считалась именно она. Также Ида смогла убедить в необходимости этого элемента гардероба не только женщин, но и мужчин. Пик популярности бюстгальтеров пришелся на послевоенные годы. Ида Розенталь запустила рекламную кампанию, продлившуюся двадцать лет и признанную одной из самых запоминающихся и успешных. Эти плакаты вдоль трасс останавливали дорожное движение. Супруги Розенталь стали мультимиллионерами [6].

Таким образом, белорусские женщины внесли большой вклад в разработку философии дизайна и практическую реализацию этой философии в различных сферах деятельности и бизнеса.

Список используемых источников

1. Асветнікі зямлі Беларускай, X – пачатак XX ст.: энцыклапедычны даведнік. – 2-е выд. – Мінск, 2006. – С. 345-346.
2. Залескі Б. З жыцця літвінкі: з лістоу і нататак:1823-1874І. – Мінск, 2020. Выданне 2-е, дапоўненае. Пераклад з польскай мовы. – 338, [1] с., [5] л.
3. Малевич К. Чёрный квадрат. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.
4. Котович Т. Уновис. Утвердители нового искусства. – Минск РУП «Издательство «Беларусь». 2020 174 с.
5. Художница-авангардистка Надежда Петровна Ходасевич-Леже (1904 – 1982), ученица К.С. Малевича // liveinternet.ru: блог-платформа. – Опубликовано 13.08.2023. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/6318384/post500697693> / (дата обращения: 24.11.2023).
6. Patently Female by Ethlie Ann Vare and Greg Ptacek (John Wiley, 2002) p. 136-138.

Ментальность женщины как фактор коэволюционной онтологии и понятие справедливости

Глосикова Ольга (Словакия), Мушинский Н.И.

В современных условиях геополитической турбулентности, служащей побочным результатом обострения отношений человека с окружающей природной средой (ухудшение экологии, истощение невозобновляемых ресурсов, рост конфронтации в борьбе за оставшиеся природные богатства), особое значение в структуре философского дискурса приобретает коэволюционная онтология (от гр. «ὄντως» – «бытие» и «λόγος» – «слово», «наука», «теория»).

Приходится признать, что перспективы дальнейшего выживания для всего человечества в немалой степени связаны с изменением роли «женской ментальности» в общественной жизни, с её способностью к эмоциональному сопереживанию (женщина-мать, женщина-хранительница домашнего очага), согласно универсальным критериям справедливости.

Становится всё более очевидно, что деструктивная динамика коэволюционного развития природных и социокультурных систем, которую ряд философов позиционирует как «состояние постмодерна» [1, с. 9], в немалой степени служит закономерным завершением сложившегося на протяжении тысячелетий, особенно в условиях промышленного переворота последних веков, некритичного маскулинного (в духе «мужского шовинизма») дискурса власти.

Именно ему присущи тенденции сухого бесчувственного «интеллекта», когда человек способен только «подсчитывать прибыли», и ради этого готов грабить окружающую природу и другого человека: «Все вместе группируется... под рубрикой логоцентризма, ... одновременно с проектом деконструкции» [2, с. 91]. Указанные негативные тенденции «постмодернистской эпохи», и способы выхода из них, подробно анализирует современная коэволюционная онтология.

Если «классическая теория Бытия» первоначально замыкалась на обсуждении становления и развития природной системы как таковой, начиная от т.н.

«Большого взрыва», и далее - процессов превращения первичного «хаоса» в «космос», мировой порядок («*χαιος*» и «*κοσμος*» - эти термины использовались ещё в эпоху античности), то ситуация кардинально изменилась с появлением техногенного кризиса современной эпохи.

Выживание человечества со всё большей ясностью оказывается под угрозой, выход состоит в том, чтобы динамика коэволюционного взаимодействия природных и социокультурных систем приняла положительный характер. Тем самым, новейшая коэволюционная онтология вынуждена основное внимание перенести на процессы совершенствования общественной системы, в её неразрывной связи с окружающей природой в масштабах Вселенной, а также развития жизни в земном планетарном выражении.

Принцип «деконструкции логоцентризма» («фаллоцентризма» – в гендерном приложении) предлагает рассматривать «научные нарративы» как, всего лишь, один из типов «эпистемы», равноправный с другими способами «письма», лишить их привилегированного статуса в современной духовной культуре. На смену стремлению «надзирать и наказывать» должен утвердиться конструктивный диалог разных точек зрения, «полифония», «хаос дискурсивных практик».

В преломлении проблематики феминизма это означает дальнейшее положительное изменение роли женского пола в общественной жизни для блага всего человечества. Исходя из такого рода приоритетов, в частности, в Беларуси 2026 год объявлен «Годом женщины», согласно универсальным общечеловеческим понятиям справедливости.

Список используемых источников

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М., СПб.: Алетейя, 1998. – 160
2. Деррида Ж. Позиции. – К.: «Д.Л.», 1996. – 192 с.

Врачебная этика и медицинские технологии в исполнении известных белорусских женщин

Лойко А.И.

Базовые принципы врачебной этики были сформулированы Гиппократом и Авиценной. Они же эту этику увязывали с принципами врачебной практики. Долгое время женщины не имели возможности заниматься медицинскими науками. Они занимались лечением на свой страх и риск, поскольку это занятие ассоциировалось у жителей с институтом ведьм.

На уровне народной медицины женщины были повитухами. Они снимали наговор, знали лекарственные травы и настои. Фактически у них было даже больше знаний по медицине, чем у мужчин, но к официальной профессиональной деятельности их не допускали.

Исключением стала Саломея Регина Русецкая (1718-1763 гг.). Диплома врача у неё не было. Она не училась медицине у своего первого мужа Якуба Гальпира. Он был врачом окулистом. Она родилась на Новогрудчине в семье мещанина Ефима Русецкого. В 1731 г. в 14 лет родители отдали её замуж за врача, происходившего из этнических немцев. С мужем она поехала в Стамбул. Здесь её супруг начал врачебную деятельность. Она довольно быстро овладела методами лечения и начала практиковать самостоятельно.

Приезжая женщина смогла получить официальное разрешение на врачебную деятельность. Слуга мужа научил Русецкую основам латинского языка, и она смогла выписывать рецепты. Приобретенные книги по медицине и фармакологии помогали ей постоянно совершенствовать свои знания.

С. Русецкая кроме медицинской практики вела и научные изыскания, результаты которых записывала в дневники. В 1739 году Саломея Русецкая по фамилии второго мужа Пильштынова, возвратилась на родину.

Второй брак оказался катастрофическим для её материального положения. Муж растратил всё её имущество. Она вернулась в Стамбул и занималась

врачебной практикой. Она оставила после себя дневник в виде книги «Авантюры моей жизни» [1].

Профессора хирургии получила одна из первых женщин Вера Гедройц. Её отец Игнатий бежал в Самарскую, а потом в Орловскую губернию Российской империи. Причиной было участие семьи в восстании 1863 г. Игнатий женился на девушке из обрусевшей немецкой семьи. Вера Гедройц решила посвятить себя медицине из-за перенесённых болезней и гибели брата.

Она училась на медицинских курсах в Санкт-Петербурге [2]. Высшее медицинское образование получала в Швейцарии, во время войны Российской империи с Японией она делала операции, на которые не решались мужчины хирурги [3]. В 1907 г. Вера Гедройц официально вернула себе княжескую фамилию и титул. О ней узнал Николай II. Он пригласил её возглавить Царско-сельский госпиталь и стать домашним доктором его детей [4].

В 1860–1862 годах под давлением общественности Петербургский университет, а затем неофициально и в Медико-хирургическая академия ненадолго открыли двери для женщин. Но уже в 1863 году новый университетский указ вообще запрещал им доступ в высшие учебные заведения даже в качестве вольнослушателей. Но женщины не теряли надежды стать врачами. В их числе была Варвара Александровна Кашеварова-Руднева (девичья фамилия – Нафанова). Родилась она около 1844 г. в Чаусах. В раннем детстве она лишилась родителей. До двенадцати лет она воспитывалась в семье учителя. После чего она отправилась в Петербург.

Она поступила в Акушерский институт и, являясь стипендиаткой оренбургского казацкого войска, должна была после окончания учебы работать среди женщин-мусульманок, которым религиозными законами запрещалось обращаться за помощью к врачам-мужчинам. На экзаменах ее знания были признаны достаточными, но она сама отказалась от диплома, считая, что еще слабо подготовлена, и просила разрешения продолжить обучение.

В 1863 году ее зачислили в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. В 1868 г. она окончила академию и получила диплом «лекаря»

по специальности акушера-гинеколога. В то же время она вышла замуж за профессора военно-медицинской академии М. Руднева и приняла фамилию Каше-варова-Руднева. Это был её второй брак.

27 мая 1876 г. в Медико-хирургической академии в Петербурге она защитила диссертацию и получила ученое звание. Но будущего у доктора медицины не было из-за профессиональных ограничений в отношении женщин, имевших место в Российской империи.

Ограничения для женщин в России в области профессиональной деятельности исчезли в советский период истории. Этих ограничений нет и в Республике Беларусь. Так, Татьяна Васильевна Бирич родилась 28 декабря 1904 года в деревне Лошница Борисовского уезда. Ее отец, крестьянин по происхождению, стал учителем.

Татьяна Васильевна стала учительницей начальной школы. В 1921 г. по направлению Центрального Комитета комсомола она поступила на медицинский факультет Белорусского государственного университета. Ее учителем в офтальмологии стал профессор С.Д. Каминский. Защитив кандидатскую диссертацию в Москве в 1937 г., она начала работать доцентом кафедры глазных болезней Минского медицинского института. В клинике академика В.П. Филатова в Одессе она освоила методики трансплантации роговицы и лечения глазных заболеваний. Вернувшись в Минск, внедрила эти передовые методы в клиническую практику Беларуси.

Она стала первой женщиной профессором Беларуси. Она защитила докторскую диссертацию на тему оксигенотерапии в офтальмологии и внедрила в стране инновационные методы криохирургии и лечения глаукомы. Ее научные труды, посвященные глазным болезням, ранней диагностике и хирургии, насчитывают около 250 публикаций, включая монографии.

Татьяна Васильевна Бирич стала Героем Социалистического Труда, обладателем орденов Трудового Красного Знамени, многочисленных медалей и почетных званий [5].

Разработкой методологии врачебной этики занималась на кафедре философских учений Белорусского национального технического университета доцент Татьяна Викторовна Мишаткина. Этот интерес был обусловлен тем, что на приборостроительном факультете университета готовили инженеров по конструированию медицинских технологий. Часть занятий будущих разработчиков медицинских технологий проходила в медицинском университете города Минска.

Татьяной Викторовной был разработан курс. В нем рассматривалась предметная тематика экологической этики, биологической этики, медицинской этики и деонтологии, моральные ценности в медицине, медицинская деонтология и принципы взаимоотношений в системе врач-больной, воздействие принципов медицинской этики на экспериментальные исследования лечебного и не лечебного характера.

Исследовалась специфика проявления добра и зла в медицинской практике. В рамках понятий «здоровье» и «болезнь» выделялись акценты и приоритеты. Рассматривались понятия «страдание», «сострадание» и «милосердие» врача. Также предметом рассмотрения стала свобода и ответственность в профессиональной деятельности врача. Понятие свободы развивалось анализом моральной и юридической свободы врача, его права на риск. Во взаимосвязи рассматривалась моральная ответственность и врачебная ошибка. С точки зрения эмпатии врача рассматривались моральный выбор, проблема цели и средства в медицинской практике, а также, его профессиональный долг. В эпицентре рассмотрения были честь врача и достоинство пациента.

Предметом медицинской деонтологии стала этика взаимоотношений врача и пациента с учётом растущего присутствия в действиях врача технологических компонентов и лабораторных исследований. Инженерам важно понимать моральные действия врача в условиях зависимости от него жизни и здоровья пациента. В курсе этики описываются основные модели взаимоотношений врача и больного. Это патерналистская и автономная модели. Также

описывается модель ослабленного патернализма и принцип информированного согласия.

Особую тему этики составляет доверие и откровенность пациента, тактичность врача, отношение к врачебной тайне. Она проявляется в субординации во врачебной практике. Врачебная этика имеет институциональные модификации морального кодекса медицинского работника. В эти институциональные модификации входит клятва Гиппократова, факультетская клятва врача, клятва врача Республики Беларусь [6].

В университете, где идёт подготовка инженеров, важно учитывать формирование новых направлений инженерии. Одним из таких направлений стала генетическая инженерия. Предметом рассмотрения этики стали инженерные технологии и угрозы ценностному статусу человека как биологического и социального существа. Основной угрозой является манипулирование с генетическим кодом человека. Генная инженерия может использоваться как биологическое оружие, разновидностью которого являются синтетические вирусы.

Тема врачебной этики была в центре изучения доцента кафедры философских учений Белорусского национального технического университета, Эльвиры Андреевны Фоновой. Она написала ряд работ по истории формирования базового принципа врачебной этики «Не навреди» [7].

Список используемых источников

1. Пільштынова, С. Авантуры майго жыцця / С. Пільштынова; пер. з польск. мовы М. Хаўстовіча; прадм. А. Мальдзіса. / Саламея Пільштынова. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 381 с.
2. Хохлов, В. Г. Руки, возвращающие к жизни. Вера Игнатьевна Гедройц – хирург и поэт. – СПб.: Серебряный век, 2013. – 224 с.
3. Заверный, Л. Г., Войтенко А. А., Петенько С. И., Мельник В. М. Профессор Вера Игнатьевна Гедройц – первая в России женщина хирург // Клиническая хирургия. – Киев, 1988. – № 5. – С. 67–70.

4. Фомин, С.В. Жорж Санд Царского Села. Княжна Вера Игнатьевна Гедройц // Скорбный ангел. Царица-Мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях. – СПб.: Домострой, 2005 – 895 с

5. Доктор медицинских наук, профессор Т.В. Бирич (К 100-летию со дня рождения) [Текст]: биобиблиографический указатель / Бел. гос. мед. ун-т; авт.-сост. С. М. Марголина, Н. Ю. Вайцехович. – Минск: БГМУ, 2005. –38 с.

6. Биомедицинская этика и коммуникации в здравоохранении: учебно - методическое пособие / А.Т. Щастный [и др.]; под ред. А.Т. Щастного. – Витебск: ВГМУ, 2018. – 310 с.

7. Биоэтика: междисциплинарные стратегии и приоритеты: учебно-методическое пособие / под ред. Я.С. Яскевич. – Минск: БГЭУ, 2007. – 225 с.

**Белорусские женщины профессора философии: Минская
школа исследования методологических тенденций в развитии
науки**

Лойко А.И.

Минская школа исследования методологических тенденций в развитии науки была создана ставшим впоследствии академиком Российской академии наук Вячеславом Семёновичем Степиным. Он начинал профессиональную деятельность преподавателя в Белорусском политехническом институте на кафедре философии. Во время лекционных занятий он понял, что одним из главных прикладных назначений философии является её методологическая функция. Целью этой функции является изучение структуры исследовательской и конструкторской науки с целью выявления методологических тенденций в развитии науки.

Анализу методологических тенденций в развитии науки уделяли внимание представители марксизма, позитивизма и аналитической философии. Минская школа исследования методологических тенденций в развитии науки базировалась на философии марксизма. Одной из первых фундаментальных работ в рамках школы стала монография В.С. Степина, посвящённая строению и генезису теоретических знаний физики.

Интерес В.С. Степина к физике, сформированный его творческим сотрудничеством с Л.М. Томильчиком [1]. Этот проект оказался очень эффективным [2]. Он мотивировал, в том числе белорусских женщин философов к исследованию методологических тенденций в развитии науки, связанных с междисциплинарной тематикой [3]. В числе таких женщин была профессор Евгения Васильевна Петушкова.

Евгения Васильевна родилась 21 мая 1934 года на Алтае. В 1957 г. она окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова (1957). Она приехала в Минск и в 1962 г. окончила аспи-

рантуру Белорусского государственного университета. Её междисциплинарные интересы были связаны с биофизикой с таким феноменом как отражение. Она одной из первых стала изучать методологические тенденции сближения исследовательских тематик физики и биологии на примере отражения в живой природе [4].

Отражение стало предметом изучения физики благодаря развитию оптики и использованию законов оптики в конструировании оптических приборов в виде подзорных труб, биноклей, телескопов и микроскопов. Поэтому в структуре физики и появился теоретический раздел под названием «Оптика». Но вскоре философия марксизма придала отражению более широкий контекст его присутствия в физической природе, основанный на развитии биологической науки. Этой наукой были обнаружены модификации отражения у простейших живых организмов. Эти модификации отражения стали называться раздражительностью, возбудимостью и чувствительностью [5].

В последующем оказалось, что живые организмы пользуются различными способами отражения внешних воздействий в различных диапазонах волн. Эти способы отражения отсутствуют у людей. Но как показали инженерные разработки в области бионики, модификации отражения, используемые живыми организмами, могут эффективно использоваться для местонахождения объектов в разных средах и на разной глубине.

Для военных стала актуальной задача сделать невидимым присутствие наземных, воздушных и подводных судов. Таким образом, исследования профессора, доктора философских наук Е.В. Петушковой стали важной основой для эффективного развития междисциплинарных направлений деятельности учёных и инженеров.

Профессор, доктор философских наук Лидия Фёдоровна Кузнецова во время работы на кафедре философии гуманитарных факультетов Белорусского государственного университета увлеклась тематикой методологии, заданной В.С. Степиным. Интересы Л.Ф. Кузнецовой сосредоточились на тематике, которую сейчас обозначают как инженерия знаний или онтологическая

инженерия. В задачу этой инженерии входит создание общей научной картины мира, которая затем конкретизируется уровнями различных онтологий для решения технологиями искусственного интеллекта задач аналитики, связанных с пользовательскими запросами, принятием решений и обработкой больших данных.

Общая научная картина мира содержит принципы её построения [6]. Предметом изучения Л.Ф. Кузнецовой стал принцип глобального эволюционизма [7]. Когда перед Л.Ф. Кузнецовой возник вопрос о роли научной картины мира в познании, то ответом стала написанная ею монография, которая стала докторской диссертацией. Затем возник вопрос о роли научной картины мира в техногенной цивилизации. На него Л.Ф. Кузнецова дала ответ в написанной совместно с В.С. Степиным, книге «Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации» [8].

Ядвига Станиславовна Яскевич во время работы на кафедре философии гуманитарных факультетов Белорусского государственного университета увлеклась тематикой методологии, заданной В.С. Степиным. Но её интересы подкорректировали работы Владимира Федотовича Беркова [9]. Это известный специалист в области логики научных исследований.

Он много лет читал лекции по логике и методологии в Белорусском государственном университете. Он был заведующим кафедрой философских учений в Белорусском национальном техническом университете, где вместе с Ириной Ивановной Терлюкевич, защитившей кандидатскую диссертацию под его научным руководством, развивал прикладные применения логики в инженерных задачах.

Я.С. Яскевич выбрала ключевой для своих исследований тему аргументации в науке [10]. Тема актуальная по той причине, что учёные не всегда придают значение роли научного текста (аргументации) в обосновании полученных учёным результатов. Это пренебрежение создаёт конфликты в области авторских прав на открытие. С логической структурой научного текста важно уметь работать.

Я.С. Яскевич уделяет внимание тому, как аргументы используются для обоснования научных истин, теорий и гипотез [11]. Это предполагает исследование альтернативных подходов, необходимость учета контекста и социальной практики при построении аргументации. Актуален анализ роли диалога и ответственности в процессе аргументации.

Лариса Егоровна Лойко во время работы на кафедре философии гуманитарных факультетов Белорусского государственного университета увлеклась тематикой методологии, заданной В.С. Степиным. В предметном поле её исследований оказались тенденции в исторических науках. Изучение этих тенденций оказалось важным на фоне распада Советского Союза и пересмотра статуса исторических наук. Особую актуальность приобрела тематика функционирования коллективной исторической памяти.

Л.Е. Лойко обратилась к изучению тенденций развития теории исторической науки. Её интерес сосредоточился на исторической школе Анналов [12]. Философы и историки этой школы считали, что теория должна быть не столько описанием событием, сколько методологическим алгоритмом обработки исторических данных и фактов. Поэтому для этой теории важно определить ключевые слова. В числе этих слов должны быть историческое время, историческое пространство, историческое сознание, историческое мышление, историческая память.

Прикладной уровень методологической теории конкретизируют понятия города, торговой логистики, центра и периферии, материальной цивилизации. В результате история Европы предстаёт как тенденция перехода лидерских позиций от одного города к другому в результате изменения морской и наземной логистики и приоритетов в сторону рыночных материальных интересов. Но эти материальные интересы могут включать и военное насилие, что сделало Европу эпицентром военных конфликтов.

Как показал Жак Ле Гофф, цивилизация Средневекового Запада стремилась к территориальной экспансии, невзирая на то, что объектом этой экспансии становились христианские народы.

Объектом подобной экспансии была и территория Беларуси, начиная с исторического периода, когда Тевтонский и Ливонский Ордены обосновались на восточном побережье Балтийского моря. Эта экспансия продолжалась до подписания в 1945 г. фашистской Германией капитуляции. Экспансия цивилизации Средневекового Запада сопровождалась гибелью миллионов мирных жителей Беларуси. Поэтому в Беларуси категорически не приемлют внешнее вмешательство и ценят суверенитет.

В должности профессора Л.Е. Лойко на лекциях объясняет будущим юристам и следователям как важно сочетать в профессиональной деятельности знания из области истории со следственными практиками, поскольку Генеральная Прокуратура Республики Беларусь продолжает расследование преступлений, совершённых фашистами и их пособниками против мирного населения на территории Беларуси в 1941-1944 годах. Таким образом, Минская школа исследований методологических тенденций в развитии науки активно представлена белорусскими женщинами, которые сделали значительный вклад в обеспечение научных исследований теоретическими и логическими средствами изучения природы и социальной реальности.

Список используемых источников

1. Стёпин, В. С., Томильчик, Л. М. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск: Наука и техника, 1970. – 94 с.

2. Стёпин, В. С. Становление научной теории. Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики. Минск: БГУ им. В. И. Ленина, 1976. – 320 с.

3. Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Минск: Беларуская навука, 2021. – 539 с.

4. Петушкова, Е.В. Отражение в живой природе. Динамика теоретических моделей. – Мн.: Изд-во БГУ, 1983;

5. Петушкова, Е.В. Роль концепции детерминизма и отражения в категориальном строе современной науки / Петушкова Е.В. Автореферат на соискание ученой степени доктора философских наук – Минск, ротاپронт БГУ имени В.И. Ленина, 1986.

6. Кузнецова, Л.Ф. Картина мира и ее функции в научном познании. – Минск, 1984.

7. Кузнецова, Л. Ф. Принцип глобального эволюционизма в современной научной картине мира *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Эканоміка. Права.* – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – № 1. – С. 28-30.

8. Стёпин, В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М., 1994.

9. Берков, В.Ф. Структура и генезис научной проблемы. – Минск: Изд-во БГУ, 1983;

10. Яскевич, Я.С. В поисках идеала строгого мышления. – Минск: Университетское изд-во, 1989.

11. Яскевич, Я.С. Аргументация в науке. Мн.: Университетское, 1992.

12. Лойко Л.Е. Философия И. Канта и Анналы / Мировоззренческая парадигма в философии: взаимоотношение онтологии и гносеологии как философская проблема (к 300-летию юбилею И. Канта): Сборник статей по материалам XIX Международной научной конференции, Нижний Новгород, 20 января 2024 года. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2024 – С. 121-125.

Идея человеческого достоинства и свободы в философии Пико делла Мирандолы и её отражение в образе белорусской женщины XXI века

Богданова Е. В., Булыго Е. К.

Наше время – это эпоха постоянных перемен, когда технологии и социальные нормы меняются быстрее, чем когда-либо. Эти перемены пугают людей, они сталкиваются с чувством неопределенности и задаются вопросами: каково мое место в мире, в чем смысл всех моих усилий и кем я являюсь на самом деле? Актуальные исследования, посвященные проблеме человека, демонстрируют определенные тенденции, включающие интерес к личности, ее самоопределению и ответственности за собственную жизнь и все поступки [1].

В нашей стране эта проблематика приобретает особую актуальность, так как 2026 год объявлен Годом белорусской женщины. Это решение подчеркивает значимость роли женщины в современном обществе и необходимость глубокого осмысления её социального и духовного статуса [2].

История философии как история самопознания культуры (Гегель) хранит разнообразные и глубокие идею, посвященные человеку и поискам смысла жизни. И прежде всего, ценными и актуальными являются идеи значимого философа-гуманиста Джованни Пико делла Мирандолы, изложенные в его знаменитой «Речи о достоинстве человека [3, с 249].

«Речь о достоинстве человека» по праву считается одним из ключевых произведений эпохи Возрождения. Её часто называют манифестом гуманизма, в котором человек ставится в центр мироздания и признается носителем свободы воли [4]. В отличие от средневековой традиции, где положение и судьба человека считались predetermined, Пико предложил новый взгляд: у человека нет заранее заданной «природы», он формирует себя самостоятельно.

Эта мысль ярко выражается в самой «Речи», особенно в отрывке где Бог обращается к Адаму: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни

собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению... Я ставлю тебя в центре мира... чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь» [3, с. 249]. В этом месте автор четко выражает, что каждый человек является творцом собственной сущности и несет ответственность за свой жизненный путь.

Современные ученые сходятся во мнении, что учение Пико о свободе является вершиной гуманистической мысли [5]. Свобода здесь понимается не как вседозволенность, а как способность к осознанному саморазвитию и самосовершенствованию. Согласно Пико, человек может как возвыситься, реализуя свои способности, так и деградировать, утратить свое достоинство – всё зависит от его выбора [6].

И на удивление эти идеи проявляются и в нашей повседневной жизни. Мы больше не заперты в рамках одной социальной роли: современный человек волен менять интересы, пробовать себя в разных профессиях и пересматривать свои ценности. Сегодня личный успех – это результат работы того самого «свободного мастера», который сам формирует свою жизнь.

Здесь прослеживается четкая аналогия с образом современной белорусской женщины. К 2026 году её роль в обществе стала гораздо шире привычных стереотипов о домохозяйке: теперь это активная участница социальной жизни, талантливый профессионал, мудрая мать и хранительница культурных традиций [7]. Современная белоруска сегодня не выбирает между семьей и карьерой, а гармонично сочетает в себе множество ролей, самостоятельно определяя приоритеты.

В этом стремлении к многогранности и заключается прямая связь с философией Пико делла Мирандолы.

Современная белоруска словно воплощает его мечту о человеке, не стесненном внешними рамками. Она выступает как личность, которая не ждет подсказок извне, а сама создает свою идентичность, опираясь на внутренние цели.

Это живое подтверждение ренессансной идеи о том, что человек – это не застывшая форма, а свободное существо, способное бесконечно определять и переоткрывать собственную сущность.

Развитие этих идей можно встретить и в более поздней философии. Так, Ж.П. Сартр подчеркивал, что человек не обладает изначально заданной сущностью, а формирует её в процессе своей жизни через поступки и выборы [8]. Такое понимание личности усиливает мысль Пико о свободе как ответственности и позволяет глубже осмыслить положение современного человека, в том числе и женщины.

Подводя итог, можно сказать, что идеи Пико делла Мирандолы спустя столетия не только не утратили своей силы, но и стали еще актуальнее. Его философия напоминает нам о самом главном, что подлинное достоинство человека - это результат нашего ежедневного выбора и личной ответственности.

В контексте Года белорусской женщины эти мысли звучат по-особому. Мы видим, как современная женщина в Беларуси перестает быть заложницей одной социальной роли, становясь активным «архитектором» собственного пути. Умение успешно реализовывать себя в профессии, творчестве и семье, оставаясь при этом верной своим внутренним ценностям – это и есть живое воплощение той свободы, которую прославлял великий гуманист Возрождения. В конечном счете, идеи Пико живут там, где человек находит в себе смелость выйти за рамки привычных шаблонов и берет на себя ответственность быть творцом собственной жизни. Современный образ белорусской женщины доказывает: человек по-прежнему остается центром своего мира, способным бесконечно развиваться и наполнять свою жизнь уникальным смыслом.

Список использованных источников

1. О свободе и достоинстве человека // CyberLeninka [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-svobode-i-dostoinstve-cheloveka/viewer> – Дата доступа: 17.04.2026.

2. 2026 год объявлен Годом белорусской женщины // Средняя школа № 6 г. Жодино [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://m.zhodino-school6.guo.by/e/2169-2026-god-ob-yavlen-godom-beloruskoj-zhenschinyi> – Дата доступа: 17.04.2026.

3. Пико делла Мирандола, Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: Антология: в 2 т. – М.: Искусство, 1981. – Т. 1. – 249 с.

4. Гуманизм как основа мировоззрения Пико делла Мирандолы // CyberLeninka [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizm-kak-osnova-mirovozzreniya-piko-della-mirandoly/viewer> – Дата доступа: 17.04.2026.

5. Материал из электронной библиотеки ТГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000670154/SOURCE1> – Дата доступа: 17.04.2026.

6. Пико делла Мирандола. Речь о достоинстве человека // // Scepsis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scepsis.net/library/id_545.html – Дата доступа: 17.04.2026.

7. Указ №1 от 1 января 2026 г. // Официальный интернет портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-1-ot-1-anvara-2026-g> – Дата доступа: 17.04.2026.

8. Учебный материал // Studfile [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/4175681/page:25/> – Дата доступа: 17.04.2026.

Философия на границе модернизма и традиции: Елена Гурко

Лойко А.И.

Одной из представительниц белорусских женщин в философии стала Елена Николаевна Гурко. Она работала в Белорусском государственном университете доцентом на одной из кафедр философии. Она увлеклась творчеством Жака Дерриды и стала заниматься тематиками деконструкции, божественной ономотологии и модальной методологии.

Она стала доктором философии, старшим научным сотрудником Center for Philosophy and History of Science в Бостоне (Boston), преподавателем Brandeis University, доктором богословия (Бостонский университет, 2005), профессором. Её знают, как преподавателя философии и религии в университете Бостона, Эмерсон-колледже и Мерримак-колледже в Бостоне.

В 90-е годы XX века философы в Беларуси оказались в ситуации, когда можно было придерживаться прежней философской платформы марксизма, и когда можно было без ссылок на буржуазность осваивать тематику современной европейской континентальной философии.

Елена Гурко оказалась в числе философов близких по стилистике к интеллектуалам, писавшим книги со своеобразным интеллектуальным вызовом. В числе этих философов были Александр Алексеевич Грицанов и Виктор Иванович Овчаренко, Марина Александровна Можейко. Их внимание привлекли представители французской философии, которые поставили себе в заслугу очередную деконструкцию философии.

Одним из первых деконструкцию философии в интеллектуальной традиции Франции инициировал Рене Декарт. Результатом деконструкции стала интегрированная в науку платформа рационализма. Для неё Рене Декарт разработал математический аппарат алгебры, аналитической геометрии и механики. Спустя столетие деконструкцию философии осуществили представители французского Просвещения. Но они сохранили рациональную основу с явным акцентом на механицизм.

Спустя столетие Огюст Конт отказался от рационализма в пользу эмпиризма. Философии предстояло практически заново выстроить свою научность. Для этого понадобились усилия многих философских школ Европы, которые сформировали новую модификацию рациональности.

Спустя столетие деконструкцией занялись Жак Деррида и Жак Бодрийяр. Особо выделялся Жак Деррида. Объектом деконструкции стали литературные и философские тексты, которые требуют выявления влияния автора на семантику текста через используемую им стилистику и слова, а также, через лингвистические, лого центрические и фоно центрические структуры, Деконструкция является реконструкцией того, как была сконструирована целостность текста. Одновременно это выяснение возможности выявления скрытого содержания текста, которое не проявляется из-за организационных структур текста. Явная демонстрация смысла через упорядоченный текст не всегда является настоящим смыслом текста.

Обычно настоящий смысл люди искали не через упорядоченный текст, а через стремление замолчать, чтобы его узнать (шаманы), или через посредство шута, который был рядом с королём. Птицы и звери от истинного смысла отвлекают шумом, криками.

Отличие людей в том, что они абсолютизируют письменную речь. Эта абсолютизация усилилась наделением ими особым духовным статусом письменных текстов. Поэтому объектом деконструкции Жака Дерриды являются знак, письмо, речь, текст. А также объектом деконструкции являются контекст, чтение, метафора, бессознательное.

Деконструкция лого центризма начинается с деконструкции знака. Деррида исходит из того, что знак не замещает вещь, но предшествует ей. Он произволен и не мотивирован. Означаемого как материального объекта не существует. Знак не связывает материальный мир вещей и идеальный мир слов. Получается идеализм и право на свободные речевые построения, которые можно аргументировать ссылкой на глубокие смыслы.

В США теория деконструкции легла в основу литературно-критической методологии Йельской школы П. де Ман определяет деконструкцию как негативное, де мистифицирующее знание о механизме знания, Оппонентом континентального нигилизма является классический оксфордский рационализм.

В США с самокритикой деконструкции выступил Х. Блум, один из наиболее последовательных оппонентов постмодерна с позиций классического художественного канона. Он призвал вернуться к самому искусству, к художественному объекту, к тексту, возратить автору права, узурпированные у него художественной критикой.

Смысл информации начинает конструироваться субъектом в ходе чтения, а общая картина представленного материала чаще всего тривиальна или является навязанной автором при помощи использования репрессивных инстанций. Именно это вызвало потребность в провокации и инициации высвобождения мыслей, которые скрыты в глубине метафорического текста. Вклад подобной информации очень-очень часто не контролируется самим автором.

Лого центризм представляет собой тип структурирования мысли, который окружает центральный компонент и тем самым приводит к вытеснению познаваемости элементов определенной сферы изучения. В соответствии с лого центризмом, каждая смысловая единица обладает самодостаточностью. Однако Деррида был с этим не согласен. Он считал, что любое смысловое содержание отсылает к ряду других символов, которые могут существовать только во взаимосвязи друг с другом.

Лого центризм приводит к возникновению формально логической, мифологической и диалектической оппозиций. Они образуют единую систему европейских мыслительных процессов и придают им иерархическую форму, что наблюдается при чередовании переменных явлений добра и зла, рационализма и эмпиризма. Основное предназначение деконструкции заключается в анализе оппозиций и уравнивании прав для обоих противоположных компонентов. Далее оценивается вероятность их существований.

К основным заблуждениям положений логоцентризма относится присутствие преобладания настоящего над прошлым. Деконструкция осуществляет выявление возможных противоречивых утверждений между логическим и риторическим содержанием текста. Она позволяет определять степень взаимосвязи языка и смыслового наполнения. Деррида исходил из того, что важен ход выполнения работы, а не конечная картина. Методом деконструкции служит инверсия, которая представляет собой замену основного понятия на его противоположный вариант.

Методы деконструкции Деррида оказали значительное влияние на развитие архитектуры и обусловили возникновение деконструктивизма. Характерными его чертами являются отступничество по отношению к классическим формам, усложнение визуального восприятия и внесение асимметричности. А также значимыми свойствами является изломанность и нарочитость, подчеркивание агрессивности вторжения в городской облик [1].

Елена Гурко стала переводчиком работ Ж. Дерриды с целью ознакомления с ними более широкой аудитории [2]. Она вскоре определила собственную тематику философских исследований в книге «Божественная оноματοлогия». Это первая целостная попытка проанализировать именование Бога как фундаментальную основу для понимания языка, человека и культуры. Книга рассматривает Имя Бога не просто как лингвистический знак, а как онтологическую сущность, связывающую божественное и человеческое [3].

Именование Бога рассматривается как парадигма, определяющая структуру языка и возможность осмысленной речи. Елена Гурко изучает, как происходит именование Бога в рамках литургической традиции и философского дискурса. Имя Бога понимается как место встречи творца и твари, где слово обретает свою предельную смысловую полноту.

Именование Бога рассматривается в качестве фундаментальной предпосылки понимания языка и существования человека. Исследование осуществляется в рамках исихастских споров об Имени Божиим (имяславцы) и через призму современной философии языка.

Елена Гурко оказалась погружённой через деконструкцию текста в разные культурные традиции. Проблема разнообразия культурных традиций интересовала также Давида Вениаминовича Зильбермана по причине того, что из-за этого разнообразия разность стала чертой философии. Поэтому Елена Гурко обратилась к анализу трех основополагающих философских теорий наряду с теориями аналогии и культурной традиции, разработанных философом Давидом Вениаминовичем Зильберманом [4].

Модальная методология основывается Зильберманом на радикально новой для западной философии идее дополнительности различных типов философствования, результатом которой становится *Philosophia Universalis*. Это подход в философии, исследующий не сами объекты или сущности, а способы (модусы) их смыслового конструирования и функционирования в культуре. Она денатурирует философские системы, рассматривая их как искусственные конструкции (смыслы), а не описания реальности.

Она рассматривает философские системы как искусственные объекты, анализируя то, как они создаются, а не то, что они описывают. Внимание сосредоточено на модусах и способах организации мысли, а не на содержании. Используется идея дополнения различных типов философствования, что позволяет преодолеть ограниченность одной философской системы.

Модальная методология используется для анализа философских текстов. В отличие от традиционной философии, пытающейся описать истину или реальность, модальная методология изучает, как эта истина формируется в различных философских системах.

Таким образом, Елена Гурко оказалась в эпицентре тематики современной философии и продемонстрировала высокий уровень профессиональной подготовки философов в Беларуси.

Список используемых источников

1. Гурко, Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. – Минск: Экономпресс, 2001. – 320 с.

2. Гурко, Е. Н. Тексты деконструкции // Елена Гурко. *Différance* / Жак Деррида; Пер. Е. Гурко. – Томск: Водолей, 1999. – 158, [1] с.

3. Гурко, Е. Н. Божественная оноματοлогия: Именование Бога в имяславии, символизме и деконструкцию – Минск: Экономпресс, 2006. – 448 с.

4. Гурко, Е. Модальная методология Давида Зильбермана. – Минск: Экономпресс, 2007 – 456 с.

Философия любви

Альховик Е.С. Лойко А.И.

Когда мы слышим слово «философия», часто представляем себе что-то очень сложное и оторванное от жизни. Но на самом деле философы всегда размышляли о самых важных для человека вещах. И одна из центральных тем здесь – любовь. Это не просто чувство, которое описывают поэты.

Философы видят в любви мощную силу, которая может быть источником величайшего счастья и глубоких страданий, двигателем творчества и основой нравственности. Разные эпохи и мыслители понимали любовь по-разному, и проследить эту эволюцию – всё равно что посмотреть, как менялось само человеческое сердце на протяжении веков.

В Древней Греции любовь не была чем-то одним. Её делили на виды, и это очень практично и мудро. Например, была «эрос» – сильное, влекущее чувство, восхищение, похожее на творческое вдохновение. Оно могло быть прекрасным, но и захватывающим разум. Философ Платон в своих диалогах, особенно в «Пире», предложил гениальную идею. Он сказал, что настоящая любовь – это не просто восхищение другим человеком.

Это лестница, по которой душа поднимается от восхищения внешней красотой к красоте души, а затем к красоте идей и, в итоге, к самой Истине и Добру. Так родилось понятие платонической любви – духовного восхождения через влечение к прекрасному во всех его проявлениях. Аристотель же, всегда практичный, говорил о любви-дружбе («филия»), которая основана на уважении, общих ценностях и душевной близости.

Это была любовь равных, фундамент для настоящего общества. И была ещё «агапэ» – безусловная, всепрощающая и самоотверженная любовь, которую позже взяло на вооружение христианство. Для античности любовь – это космическая сила, которая движет миром и заставляет человека стремиться к чему-то большему, будь то другой человек, истина или добродетель.

Христианская революция: любовь как милость и жертва

С приходом христианства всё изменилось кардинально. Центром стала уже не страсть или дружба, а «агапэ» – божественная, самоотверженная любовь. Самый известный тезис из Библии: «Бог есть любовь». Любить, по-христиански, – это прежде всего жертвовать собой, прощать без условий и видеть в каждом ближнем образ Божий. Даже глубокое чувство между мужчиной и женщиной теперь осмысливалось через призму таинства брака, который стал символом союза Христа и Церкви.

Сильное земное влечение часто рассматривалось как испытание, которое должно быть подчинено высшей, духовной цели. Любовь стала долгом, заповедью и путём к спасению. Аврелий Августин в «Исповеди» мучительно описывал свою внутреннюю борьбу между сильными мирскими привязанностями и стремлением к чистой любви к Богу. В итоге, он пришёл к выводу, что, только обратившись к Богу, сердце человека находит настоящий покой, потому что создано для Него. Здесь любовь – это уже не лестница вверх, а путь внутрь, к смирению, милости и полной самоотдаче.

Эпоха Романтизма: любовь как судьба и встреча душ

После сурового средневековья и рационального Просвещения наступила эпоха Романтизма, которая вернула любви её силу и страсть, но уже на новом уровне. Для романтиков любовь – это не долг и не рассудок, а глубочайшая тайна и встреча родственных душ.

Она стала высшей ценностью, ради которой можно и нужно бороться с условностями общества, с судьбой, с самими устоями мира. Любовь романтиков – это часто трагедия, как в истории Тристана и Изольды или Ромео и Джульетты. Она соединяет в себе восторг и боль, становясь главным источником вдохновения для поэзии, музыки и искусства. Философ Артур Шопенгауэр видел в сильном чувстве слепую волю самой жизни, могущественную силу природы, которая ведёт людей.

Позже Фридрих Ницше, критикуя христианское смирение, призывал к сильной, утверждающей жизнь любви, которая не жалеет, а возвышает и преодолевает. В романтизме любовь окончательно становится глубоко личным,

интимным переживанием, в котором человек познаёт и творит самого себя, находя в Другом родственную вселенную.

В XX веке философия любви стала ещё более психологической и сложной. Она переместилась из области космических сил и божественных заповедей в область человеческих отношений и личной ответственности. Например, философ-гуманист Эрих Фромм в книге «Искусство любить» писал, что любовь – это не просто чувство, которое накатывает волной, а решительный поступок, активная установка и искусство, которому нужно сознательно учиться.

По его мнению, зрелая любовь основана на четырёх «китах»: заботе, ответственности, уважении и знании. Другой мыслитель, Мартин Бубер, говорил, что настоящие, глубокие отношения возможны только в диалоге «Я – Ты», где мы видим в другом уникальную, целостную личность, а не просто объект для использования («Я – Оно»).

В наше время любовь всё чаще понимают, как совместный духовный проект, требующий ежедневных усилий, честного диалога, взаимного роста и постоянного осознанного выбора в пользу друг друга. Это уже не данность от Бога или природы, а ответственность и труд души, который несут двое.

Философия показывает, что любовь – это не одно простое чувство, а целый мир смыслов. Она менялась вместе с человечеством: от космической силы и лестницы к истине у древних греков до божественной заповеди жертвы в Средневековье, от романтической встречи душ как высшего бунта до современного диалога и совместного труда духа.

Размышляя о любви, философы на самом деле размышляют о том, что значит быть человеком: как мы связаны с другими, с миром и с самими собой. Любовь оказывается не просто эмоцией, а способом существования, который может придавать жизни глубину, смысл и подлинность. И, возможно, самое главное, чему учит философия любви – это тому, что любить по-настоящему значит не просто что-то чувствовать, а постоянно совершать усилие понимания, заботы, уважения и духовной поддержки Другого. Это труд души и великое искусство, которое и делает нас людьми.

Список использованных источников

1. Августин Аврелий. Исповедь / Августин Аврелий; пер. с лат. М. Е. Сергеевко. – Москва: Азбука, 2018. – 384 с.
2. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / Аристотель; пер. с древнегреч. Н. В. Брагинской. – Москва: Мысль, 1983. – С. 53–293.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Москва: Российское Библейское общество, 2015. – 1376 с.
4. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер; пер. с нем., послесл. и коммент. Ю. С. Терёхиной. – Москва: Высшая школа, 1993. – 175 с.
5. Льюис, К. С. Любовь. Страдание. Надежда: [сборник] / К. С. Льюис; пер. с англ. Н. Л. Трауберг. – Москва: Республика, 1992. – С. 7–112.
6. Платон. Пир // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / Платон; пер. с древнегреч. С. К. Апта. – Москва: Мысль, 1993. – С. 81–134.
7. Соловьёв, В. С. Смысл любви // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / В. С. Соловьёв; сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. – Москва: Мысль, 1990. – С. 493–547.
8. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм; пер. с англ. Л. А. Чернышёвой. – Санкт-Петербург: Азбука, 2021. – 224 с.
9. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1 / А. Шопенгауэр; пер. с нем., ред. и вступ. ст. Ю. И. Айхенвальда. – Москва: Терра, 1999. – С. 37 – 412.

**Женщина в научно-техническом прогрессе: вклад
Красниковой Е. Л. в развитие ветеринарной науки**
Мисинкевич Е. А., Старжинский В.П.

Многие современные ученые и исследователи остаются без должного внимания к своим трудам, а ведь они каждый день стараются сделать наш мир лучше. В год белорусской женщины, считаю важным отметить труды и старания женщин-учёных, их вклад в современную науку гораздо больше, чем может показаться. Особенное значение имеют исследования в науках, которые напрямую влияют на нашу жизнь. Одна из таких наук – ветеринария, исследования в этой отрасли влияют на безопасность продовольствия, поддержку здоровья животных и укрепление аграрной системы страны.

Научная деятельность Красниковой Елены Леонидовны показывает, что современное понимание ветеринарной науки подразумевает перед собой не просто прикладную дисциплину по лечению животных, а сложную систему этических, онтологических и аксиологических проблем.

Стоит заметить, что её научные работы выходят за рамки обыкновенного лечения, они направлены на глубокий научный анализ инфекционных заболеваний у животных (понимание причин возникновения и распространения). В частности, Елена Леонидовна исследует современные методы диагностики инфекционных заболеваний животных.

1. Молекулярно-генетический анализ патогенов (исследование генома возбудителей инфекционных заболеваний, позволяет выявить патогены с высокой точностью, даже если их количества в образце ничтожно мало) [1].

2. Методы выделения нуклеиновых кислот (ДНК/РНК) – это способы очистки генетического материала из биологических образцов, включающие этапы лизиса клеток, отделения белков и солей, осаждение НК [2].

3. Полимеразная цепная реакция (ПЦР) – высокоточный метод молекулярно-биологической диагностики, позволяющей обнаружить возбудителей

инфекций или генетические аномалии путем многократного копирования специфических участков ДНК/РНК [3].

4. Клеточные (культуральные) методы диагностики – это лабораторные исследования, основанные на выращивании микроорганизмов или эукариотических клеток из клинического материала на искусственных питательных средах [4].

5. Комплексная лабораторная диагностика (сочетание нескольких методов исследования для выявления наиболее достоверного результата) [5].

Елена Леонидовна проводит исследования на темы: эпизоотологии инфекционных заболеваний, латентных форм анализа, генетических форм возбудителей инфекционных заболеваний, патогенеза инфекционных заболеваний, взаимодействия «возбудитель – хозяин организма», промышленной безопасности международных патогенов в продуктах животного происхождения, биологической безопасности, микробиологических свойств патогенов и др.

Это позволяет рассматривать её научную деятельность как целостную систему, в которой объединяются фундаментальные и прикладные аспекты. По исследованиям видно, что анализ механизмов инфекционных процессов животных не ограничивается описанием, речь идёт о глубоком познании. При этом фокус сосредоточен не только на уже существующих проблемах, но и на оценке возможных рисков и поиске путей их снижения.

Результаты этих научных исследований не просто остаются теоретическими разработками, а используются на практике, они применимы в системе ветеринарного контроля в агропромышленном комплексе и в обеспечении биологической безопасности.

Деятельность Елены Леонидовны показывает, что ветеринария не просто узкая наука, она выходит в пространство междисциплинарного познания, где соединяются биология, этика, экология, технология и глобальная безопасность. В ходе ее исследований инфекционных заболеваний животных выражается более широкий взгляд на взаимосвязь человека, животных и окружающей

среды. С гносеологической точки зрения использование молекулярно-генетических методов, ПЦР и др. отражает развитие науки к познанию микромира, где истина проявляется через анализ структур, не видимых на макроуровне.

С антологической точки зрения вклад в науку Красниковой Елены Леонидовны связан с утверждениями о ценности биологической безопасности и здоровья как общественного блага. Её исследования направлены не только на диагностику и лечение заболеваний, но и на предотвращение различных рисков – это отражает переход от реактивной модели науки к превентивной.

В социально-философском контексте она играет роль женщины-учёного (субъекта науки и общественного развития), которая привносит вклад не только в классическую науку, но и в практическое развитие агропромышленной отрасли. Её труды также влияют на жизнь и здоровье сельскохозяйственных животных и на население в целом (поскольку, благодаря им может быть обеспечена безопасность продуктов питания животного происхождения).

Список используемых источников

1. Латентная туберкулёзная инфекция у крупного рогатого скота / Е. Л. Красникова // Эпизоотология. Иммунобиология. Фармакология. Санитария. – 2022. – № 1. – С. 60-66.

2. Красникова, Е. Л. Эффективность трех систем выделения нуклеиновых кислот для диагностики возбудителей PRDC-комплекса / Е. Л. Красникова, М. М. Мистейко, О. В. Мальчик, А. П. Лысенко // Эпизоотология. Иммунобиология. Фармакология. Санитария. – 2022. – № 1. – С. 45-52.

3. Молекулярно-генетическая детекция *Actinobacillus pleuropneumoniae* и *Haemophilus parasuis* / Е. Л. Красникова, М. М. Мистейко // Эпизоотология. Иммунобиология. Фармакология. Санитария. – 2022. – № 1. – С. 53-59.

4. Уникальные свойства микобактерий, выделенных из ультрапастеризованного молока / Е. Л. Красникова // Эпизоотология. Иммунобиология. Фармакология. Санитария. – 2022. – № 1. – С. 67-72.

5. Особенности генома репродуктивно-респираторного синдрома свиней на территории Республики Беларусь / Е. Л. Красникова, М. М. Мистейко // Эпизоотология. Иммунобиология. Фармакология. Санитария. – 2020. – № 1. – С. 34 – 40.

Гендерные аспекты постмодернистской деконструкции как проблема справедливости

Дроздович О.М., Мушинский Н.И.

В современных условиях особое значение приобретают гендерные аспекты общественных отношений, поэтому 2026 г. в нашей стране официально объявлен «Годом белорусской женщины». На протяжении новейшей истории, когда научно-технический переворот, за счёт механизации, автоматизации, роботизации, «цифровизации» производственных процессов, приводит к тому, что тяжёлый физический труд уходит в прошлое, важную роль в развитии социальной системы играет феминистское движение. Положение женщин радикально меняется в ключевых отраслях согласно принципам справедливости.

На это обращают внимание ведущие направления современной этико-философской мысли, в частности - постмодернизм, с его фундаментальным концептом «деконструкции логоцентризма», охватывающим и подвергающим критике деструктивные тенденции техногенеза во всей совокупности: «Все вместе группируется... под рубрикой логоцентризма, ... одновременно с проектом деконструкции» [2, с. 91].

Логоцентристский дискурс отражает ряд побочных результатов прогресса науки и техники, когда абстрагированная деятельность формализованного интеллекта (его чистая «логика») занимает привилегированное положение «в центре» общественной жизни (как и его порождение, военно-промышленная «элита», «теневое правительство» мировой системы, власть «капитала»), а любая другая эпистема (авангардное искусство, неорелигиозные концепции и т.п.) объявляется маргинальной, вытесняется на периферию массового сознания. В результате, ничем не сдерживаемый «логоцентризм» побуждает человечество бездумно транжирить природные ресурсы (в погоне за «системой моды» и сверхприбылями корпораций, производящих товары и услуги для «общества потребления»).

В борьбе за «глобальное лидерство» он провоцирует «цветные революции», развязывает мировые войны и ракетно-ядерное противостояние, с началом «цифровой эры» ведёт «гибридные войны» (периодически переходящие в «горячую фазу», например, на Украине и в Иране в 2026 г.), всеми способами деструктурирует гуманистические критерии справедливости.

В современных условиях антиномии «логоцентризма» с особой репрезентативностью проявляются в гендерно-аксиологических аспектах [4]. На протяжении последних столетий в технократическом обществе получил преобладание агрессивно-маскулиный тип дискурса. В этом отношении «логоцентризм» выступает как «фаллоцентризм» (ещё один постмодернистский термин, связанный с «линейной нарративностью»): «Фаллос... подобно плугу, вспахивающему плодородный слой земли, прочерчивает линию на поверхности» [1, с. 264].

Именно поэтому понятие «деконструкции», выступающей как «смерть Автора», стремящегося «надзирать и наказывать», в немалой степени связано с реализацией феминистического гендерного проекта, основанного на принципах справедливости. «Политика, в которой будут равно уважаться стремление к справедливости... обретает свои очертания» [3, с. 159], – делают вывод представители постмодернизма.

Список используемых источников

1. Делёз Ж. Логика смысла. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – 480 с.
2. Деррида Ж. Позиции. – К: «Д.Л.», 1996. – 192 с.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М., СПб.: Алетейя, 1998. – 160
4. Violence and body: race, gender, and the state / edited by Arturo J. Aldama; foreword by Alfred Arteaga. Bloomington, 2003 Description: 452 p.

Женская социальная политика в Беларуси и принцип справедливости

Вайнилович Э.Г., Мушинский Н.И.

Социальная политика государства является важным элементом процессов, обеспечивающих его устойчивое развитие. В «Год белорусской женщины-2026» в этой области осуществляется ряд мероприятий, направленных на реализацию в гендерной сфере общезначимых принципов справедливости.

Основной целью государственной социальной политики становятся: усиление роли женщин в совершенствовании общественной системы, выработка у них активной жизненной позиции, недопущение какой-либо дискриминации по половому признаку при приёме на работу или занятии руководящих должностей, укрепление традиционных ценностей семьи и брака, повышение рождаемости, исправление негативной демографической ситуации.

В современном технологически развитом обществе, к которому, в частности, относится Беларусь, женщины широко задействованы на производстве, в образовании, медицине, культуре, сфере обслуживания и т.п. Соответственно, для работающих женщин с особой остротой встаёт вопрос о создании семьи и материнстве, воспитании детей.

Министерство труда и социальной защиты в 2026 г. планирует дальнейшее развитие инфраструктуры, облегчающей положение работающих женщин, совершенствование дополнительных мер, таких как оплачиваемый декретный отпуск, больничный лист по уходу за ребёнком, пособия для многодетных матерей. В целях популяризации образа жены и матери планируется ряд конкурсов: «Семья года», «Краса Беларуси», «Супер-бабушка» и т.п., торжественные празднования юбилеев супружеской жизни и чествования семейных династий в профессии.

Особое внимание государство уделяет женскому здоровью, в том числе в регионах, пострадавших в результате чернобыльской катастрофы. Для укрепления здоровья и профилактики недугов проводится ряд целевых акций,

направленных, в частности, на раннюю диагностику и эффективное специализированное лечение онкологии молочной и щитовидной железы, диабета, сердечно-сосудистых заболеваний: на медицинское сопровождение будущей матери и ребёнка в период беременности и родов. Особое место занимают мероприятия, ориентированные на формирование ценностей здорового образа жизни, на совершенствование женского спорта и на массовое физкультурное движение («Спорт для всех»). Для старшего возраста предназначена оздоровительная программа «Активное долголетие».

С точки зрения реализации принципов справедливости, большое значение имеет поддержка женского лидерства в общественно-политической и международной сфере, в экономике (частная инициатива, бизнес и предпринимательство). Сюда входят конкурсы творческих проектов, таких, как «Бизнес-мама», «Дзявочы вянок міру»; Белорусско-узбекский женский бизнес-форум, а также – на уровне Союзного государства.

Предполагается также юридическая помощь в трудоустройстве женщин с инвалидностью, оказавшихся в трудной ситуации, отбывших наказание (проекты «Точка опоры», «Рука помощи»). Ряд мероприятий направлены на овладение безработными женщинами новыми более востребованными профессиями, на повышение их компьютерной грамотности.

В целом, ставится цель активного формирования положительного образа активной, социально адаптированной женщины в средствах массовой информации и на медиа-пространстве: создание «Женского радио», рассказ в интернете о наиболее выдающихся достижениях белорусских женщин в искусстве, спорте, политике и других видах общественно-полезной деятельности.

Можно сделать обоснованный вывод о том, что гендерная проблематика занимает важное место в социальной политике республики Беларусь в 2026 году, государственные органы уделяют большое внимание повышению роли женщин в жизни общества соответственно принципам справедливости.

Женщина как моральный субъект в контексте аристотелевской теории справедливости

Мушинский Н.И.

В настоящее время, когда Указ №1 от 1 января 2026 г. в нашей стране провозглашает «Год белорусской женщины», следует отметить, что в современном обществе роль женского пола в самых разных сферах социальной жизни непрерывно возрастает. С этим многие философы связывают надежды на будущее и перспективы положительной динамики в преодолении техногенного кризиса мировой системы.

Гендерной эмансипации на протяжении последних столетий в немалой степени способствовали экономические процессы, при которых, по мере автоматизации, роботизации и «цифровизации» производства, тяжёлый и монотонный физический труд постепенно уходил в прошлое, более востребованным становился высокий уровень образования, офисная организационная работа на предприятиях, в торговле и сфере обслуживания.

Аналогичное влияние оказала политическая ситуация, когда на протяжении двух мировых войн мужская часть населения была призвана в армию и понесла невосполнимые потери, а в тылу их место заняли женщины (соответственно, сохранили его и в послевоенный период, позднее по справедливости потребовали для себя социальных гарантий, избирательного права и т.п.).

Тем не менее, при внимательном рассмотрении приходится признать, что подобные гендерные тенденции не являются достоянием только новейшей эпохи, уходят корнями в далёкое прошлое.

Весьма поучительно, в этом смысле, вспомнить «Никомахову этику» Аристотеля, рассмотреть женский вопрос в контексте принадлежащей античному философу теории справедливости.

Следует напомнить, что в истории человечества уже существовали промежуточные периоды, когда женщины играли главную роль в общественной жизни (гос-

подставал матриархат), причём по продолжительности это занимало примерно девять десятых исторического процесса. Имеется в виду стадия первобытнообщинных отношений, когда, занимаясь собирательством, женская усидчивость была более востребована для выживания рода, чем мужская грубая сила и, во многом случайная, удача на охоте.

Кроме того, в условиях архаичного промискуитета и полигамной семьи, только по женской линии, в силу чисто физиологических причин, можно было с достоверностью отсчитывать свою родословную (этот обычай сохранился во многих древнейших культурах, например, – в ветхозаветном иудаизме). Подобное положение отразилось и в древнегреческой политеистической мифологии, причём в её самых глубинных пластах.

Многие божества, символизирующие природные и социальные стихии, относятся там к женскому полу: Гея (мать-земля, прародительница всего сущего), Афродита (культ плодородия, отразивший, среди прочего, первобытную полигамию), Гера (хранительница домашнего очага), Афина (олицетворение житейской мудрости), Артемида – охотница, Дика – справедливость и т.д.

Только с переходом к земледелию в обществе утвердилась власть мужского патерналистского начала, вместе с моногамией, упадком родовых отношений и правом собственности (пахарь-труженик владеет земельным участком и собранным урожаем, хочет всё это передать по наследству от отца к сыну). В мифологии на первый план выходят божества Олимпа во главе с Зевсом (бог грома и молнии, персонификация небесной водной стихии, от которой зависит урожай земледельца-«геомора» и благополучие воинских предводителей – «басилевсов» и «эвпатридов»).

Женское же начало отодвигается на периферию мифологического дискурса, «попытке установить мужскую фаллическую власть... угрожает не менее решительная власть другого, угнетённого... пола. Этот другой пол, женский, становится синонимом радикального зла» [3, с. 107].

Он выступает в качестве безликой стихии, сил хаоса, ужасающих чудовищ (лернейская гидра; Медуза-Горгона; сирены, с их обманчивым пением;

менады, растерзавшие Орфея; амазонки, с которыми сражались Геракл и другие эпические «герои» античности).

Тем не менее, в «классическую» эпоху при жизни Аристотеля, с появлением городов как центров ремёсел и торговли (истоки научно-технического прогресса), с их «полисной» демократией, положение постепенно меняется, появляются первые ростки феминизма.

Для Стагирита и перипатетиков проблема переходит в проекцию «гражданского самосознания», «свободы» и «моральной ответственности»: полноправным свободным гражданином дрнегреческого полиса может быть только полноценный моральный субъект, способный с помощью критического разума осмыслить универсальные критерии справедливости и реализовать их в конкретных поступках: «Таковы знания и добродетели; ... например справедливость» [1, с. 72].

В этом смысле ограничивается свобода детей (рациональное самосознание которых ещё не сформировалось, поэтому отвечают за них родители, а дети должны их уважать и слушаться, в том числе даже принудительно); рабов (в эпоху греко-персидских войн это, как правило, пленники, ранее жившие в условиях восточной тоталитарной деспотии, далёкие от греческого языка и культуры; поэтому их лишают свободы и заставляют бесплатно работать, как и в наши дни – преступников и военнопленных, отвечает же за них хозяин-собственник); в какой-то мере, женщин (как лишённых критического мужского интеллекта, руководимых чувствами и эмоциями; за них отвечают муж или отец). И всё же, как указывает Аристотель, «женщина и раб по природе своей два различных существа» [3, с. 377] – в моральном отношении, когда женщина предстаёт как потенциальная носительница идей «справедливости».

Собственно, усвоив принцип справедливости и став, тем самым, полноценным моральным субъектом, ребёнок по мере взросления превращается в полноправного гражданина античного полиса; раб имеет шанс перейти в категорию вольноотпущенников (как это часто происходило в эпоху позднего императорского Рима, Эпиктет и др.). Женщина в этом смысле, по Аристотелю,

имеет гораздо более благоприятные перспективы, поскольку она обладает нравственным сознанием изначально, в полной мере несёт в себе универсальный критерий справедливости.

Задача состоит только в том, чтобы его правильно осмыслить, связав как некую «середицу» («месон») с понятиями «добродетели» («аретология») и «счастья» (античный «эвдемонизм»).

С точки зрения Аристотеля, как и других его современников (Сократа, Платона, Демокрита и т.п.), целью жизни всякого гражданина античного полиса является «счастье», при этом моральный субъект обладает широким набором средств для его достижения как высшего блага. Основное из них скрыто в определении: деятельность души сообразно добродетели.

Однако объясняя сущность последней, Стагирит проявляет оригинальность: «Добродетель... есть некое обладание серединой... между двумя [видами] порочности, один из которых – от избытка, другой – от недостатка» [2, с. 86 – 87]. Так, например, мужество есть «середица» между трусостью и безрассудной отвагой, щедрость – между скупостью и расточительностью и т.д. Соответственно, и справедливость трактуется Аристотелем как середина между «претерпеванием несправедливости (to adikein) для самого себя, и причинением её другим людям» [2, с. 157].

При этом, как «пропорциональное равенство» (to ison) указанная категория непосредственно имеет экономическое и правовое приложение: справедливость есть некая середина между излишеством и нехваткой, между многим и малым, поскольку «несправедливый, совершая несправедливость, имеет больше, а терпящий несправедливость... имеет меньше.

Середина между ними – справедливое» [2, с. 325]. После подобной констатации, Стагирит логически переходит от универсальных абстрагированных дефиниций к конкретным вещам и поступкам: «Итак, ... вещи называют производными от них именами... ; так, ... от справедливости – справедливым» [1, с. 76]; тем самым, любой человек, обладающий развитым моральным со-

знанием, независимо от пола, может выступать как носитель этого положительного качества. Уже сами размышления по поводу, в частности, сущности и истоков справедливости способствуют развитию критического интеллекта.

Таким образом, Аристотель делает обоснованный вывод: «Дружба мужа с женой... сообразна добродетели» [2, с. 236]. Поскольку для всякой женщины вполне доступно рациональное осмысление разных видов добродетели, в том числе универсальных критериев справедливости, – тем самым она становится полноценным моральным субъектом, органично вводится в круг гражданских отношений. В признании этого факта, предопределившего современное состояние женского вопроса, в том числе в белорусском обществе 2026 года, заключается немаловажная заслуга аристотелевской теории справедливости.

Список используемых источников

1. Аристотель. Категории // Аристототель. Сочинения: В 4-х т. Т. 2 / Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1978 - 687 с.
2. Аристотель. Никомахова этика // Аристототель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1983 - 830 с.
3. Аристотель. Политика // Аристототель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1983 - 830 с.
4. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. – СПб.: Алетейя, 2003 – 256 с.

Тело как граница: стандартизация внешности и социальный контроль

Пушило И.А., Яковец А.С., Булыго Е.К.

Проблема человеческой телесности всегда находилась в центре философских дискуссий, однако в современном мире она обретает совершенно новое звучание. В классической философии долгое время господствовала традиция противопоставлять возвышенный разум низменному телу. Однако современная философская мысль, в частности феноменология, доказала, что мы познаем этот мир именно через нашу физическую оболочку; и раз так тело - это наш способ «быть-в-мире» [1].

Культура не просто воздействует на физическую оболочку человека посредством средневековых практик усмирения плоти или современных модификаций. За каждым актом воздействия на тело скрывается сложный социальный механизм. В данной работе мы предлагаем взглянуть на человеческое тело как на границу между индивидуальным «Я» и социумом.

Исторически общество, стремясь к самосохранению и порядку, неизбежно вырабатывает строгие механизмы контроля. И самым первым объектом, попадающим под этот тотальный надзор, становится наша внешность, поскольку именно через тело власть осуществляет дисциплинирование индивида [2]. Мы рассмотрим тело как один из важных инструментов социальной навигации и попытаемся ответить на фундаментальный вопрос: где именно заканчивается личная свобода самовыражения и начинается негласная, но предельно жесткая диктатура социальных стандартов?

Если использовать метафору, органично вытекающую из специфики таможенного дела, то человеческое тело в современном социуме функционирует как строгий пропускной пункт. При этом важно понимать, что каждый акт социальной коммуникации начинается задолго до первого произнесенного слова, а именно он берет свое начало с момента визуального сканирования.

Когда индивид попадает в общественное пространство, его физическая оболочка подвергается мгновенному «досмотру», но что может представлять собой своеобразная визуальная декларация? Это одежда, осанка, соответствие параметров фигуры текущим стандартам [3].

На основе этой информации социум за доли секунды принимает решение: выдать нам «визу» и пропустить дальше (принять в свой круг, отнестись с уважением) или же подвергнуть дополнительной проверке. Например, если человек приходит на официальное собеседование в рваных джинсах, его внешность не дает ему автоматического «пропуска». К нему будут относиться с предвзятостью, поскольку он нарушил визуальный контракт с обществом.

Стандартизация внешности в этом контексте выступает как негласный свод правил пересечения этой невидимой границы. Инструментами, упрощающими социальный контроль, являются: дресс-коды, униформа, требования к внешнему виду. Стандартизированный индивид визуально понятен и предсказуем, а значит он абсолютно безопасен для системы [1].

Любое яркое отклонение от нормы воспринимается обществом как вызов устоявшемуся порядку, требующий реакции – от молчаливого осуждения до открытого социального ostracism (когда группа людей демонстративно изолирует нарушителя конвенций).

Стремление общества к жесткой стандартизации неизбежно и весьма болезненно вступает в конфликт с человеческой природой. Наше естественное, биологическое тело глубоко динамично, а именно, оно подвержено возрастным изменениям, усталости, болезням, естественным гормональным колебаниям и изменениям веса. Это живой, постоянно меняющийся организм.

Однако современный социальный стандарт, который сегодня тотально транслируется через медиа-пространство и цифровые платформы, диктует совершенно иные, и так получается зачастую невозможные условия. От современного индивида требуется поддерживать иллюзию абсолютной физической неизменности: быть вечно молодым, неизменно энергичным и визуально безупречным в режиме 24/7 [4].

Философия постмодернизма, в частности работы Жана Бодрийяра, прекрасно описывает этот феномен через понятие «симулякра» – то есть точной копии того, чего на самом деле никогда не существовало в реальности [5]. Сегодня мы окружены изображениями идеальных тел, которые созданы не природой, а алгоритмами, ретушью и пластической хирургией. Современный человек отчаянно пытается подогнать свое живое, уязвимое тело под эту отфотошопленную, несуществующую картинку-симулякр.

В результате мы оказываемся в состоянии перманентной, изнуряющей борьбы с собственной физиологией. Поддержание этого «правильного фасада» требует от человека огромных ресурсов – временных, финансовых, а главное, эмоциональных. Более того, с развитием социальных сетей этот социальный контроль приобрел черты того, что Мишель Фуко называл «паноптикумом» – идеальной тюрьмой, где надзиратель невидим, но заключенный всегда чувствует его взгляд и начинает контролировать себя сам [2].

В цифровую эпоху мы сами добровольно поместили себя в этот паноптикум. Мы постоянно выставляем свое тело напоказ в социальных сетях, ожидая оценки, лайков и одобрения. Граница контроля теперь проходит прямо через экраны наших смартфонов.

Этот вечный страх не пройти социальный контроль порождает массовое психологическое отчуждение от собственного тела. Индивид начинает воспринимать свою физическую оболочку не как неотъемлемую, гармоничную часть своего истинного «Я», а как чужеродный, непослушный объект. Тело становится врагом, которого нужно постоянно «редактировать», наказывать диетами, исправлять в кабинете косметолога, чтобы получить заветное одобрение социума [6]. Мы панически боимся того, что наше истинное лицо или тело не пройдет этот строгий, невидимый досмотр на социальной таможне.

Для осмысления нашей темы важно рассмотреть еще один аспект: в современном обществе развитого потребления тело окончательно утратило свою изначальную сакральность или просто биологическую функцию, превратившись в полноправную форму капитала. Выдающийся французский социолог

Пьер Бурдьё ввел в научный оборот теорию различных форм капитала, убедительно доказав, что не только финансовые средства определяют статус и успех человека в обществе [7]. Опираясь на его труды, сегодня мы можем смело и обоснованно говорить о понятии «физического капитала».

В современном мире инвестиции в собственную внешность – это уже не вопрос простой гигиены или эстетики. Дорогостоящие косметологические процедуры, абонементы в престижные фитнес-клубы, строгое соответствие актуальным модным трендам, идеальная улыбка – все это рассматривается как прямые экономические и социальные вложения, которые в будущем должны принести реальные дивиденды.

Человек с «ухоженным», стандартизированным по высшему разряду телом подсознательно воспринимается окружающими как более дисциплинированный, успешный и надежный партнер. Индустрия красоты и «wellness» (здорового образа жизни) диктует нам, что красивое тело – это признак высокой морали и трудолюбия, а тело, не вписывающееся в стандарты – признак лени и маргинальности [8].

Соответственно, индивид, обладающий высоким «физическим капиталом», получает в социуме гораздо больше негласных привилегий. Существует такое понятие как «лукизм» (дискриминация по внешности). Людям, чья внешность соответствует строгим пропускным стандартам, объективно легче пройти собеседование на престижную работу, завести полезные деловые связи, добиться расположения в новом коллективе и даже получить снисхождение в случае ошибок [9].

И так получается, что жесточайший контроль над своим телом в XXI веке - это не просто дань мимолетной, капризной моде. Это жесткая социальная и экономическая необходимость, вопрос выживания в конкурентной среде. Общество превратило человеческую физическую оболочку в своеобразную универсальную валюту и главный инструмент социальной мобильности.

Тело стало бесконечным, изнурительным проектом, над которым мы обязаны упорно трудиться всю свою жизнь, чтобы не потерять свой статус, не

оказаться на социальной обочине и успешно проходить ту самую «таможню» каждый день [4].

Подводя итог нашему исследованию, можно констатировать, что в современном мире человеческое тело окончательно утратило статус исключительно биологического объекта. И как показывают современные социокультурные исследования, через навязывание строгих эстетических стандартов, дресс-кодов и норм внешности социум осуществляет тотальный контроль над личностью, стремясь к максимальной унификации и предсказуемости [10]. Мы выяснили, что в эпоху потребления тело превратилось в форму капитала: ухаживая за собой и вкладывая ресурсы в свой внешний вид, человек по сути покупает себе социальные привилегии, статус и карьерные перспективы.

Однако, интегрируясь в эту систему и играя по ее правилам, важно осознавать эти механизмы. Настоящая свобода личности заключается не в слепом бунте против внешнего вида, а в умении соблюдать баланс, использовать «физический капитал», но при этом не позволять навязанным стандартам-симулякрам разрушать наше подлинное, живое «Я».

Список использованных источников

1. Быховская И.М. Телесность как социокультурный феномен. – М.: Наука, 2018. – С. 45-48.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 170-175.
3. Горелов А.А. Философия: учебник для студентов вузов. – М.: Юрайт, 2021. – С. 210-212.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция, 2006. – С. 175-180.
5. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. – С. 112-115.
6. Соколова Е.Т. Психология тела: норма и патология. – М.: АСТ, 2015. – С. 89-94.

7. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60-74.
8. Вольф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – С. 15-22.
9. Ильин В.И. Поведение потребителей. – СПб.: Питер, 2000. – С. 140-145.
10. Смирнова А.В. Конструирование телесности в современном обществе // Научная электронная библиотека CyberLeninka [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 08.04.2026)

**Женское лицо белорусской государственности: от онтологии
«дома» к этике миротворчества,
социально-философский анализ**

Морозова А.А., Булыго Е.К.

Государство в наше время рассматривается как экзистенциальное пространство «дома», где женщина выступает гарантом онтологической безопасности, субъектом сохранения ценностного суверенитета и проводником «этики заботы» в политическую реальность.

Стабильность нашего общества основывается не только на экономике и на мягкой, непоколебимой энергии женщины, направленной на сохранение жизни, мира и духовных основ нации.

Сегодня социально-философское осмысление роли женщины в белорусской модели государственности в контексте 2026 года, объявленного Годом белорусской женщины как никогда значимо.

Социально-философский анализ природы государства традиционно колебался между двумя полюсами: пониманием государства как «Левиафана» и как результата «общественного договора» рациональных индивидов [1].

Однако белорусская социальная модель предлагает иную оптику – экзистенциальную. Здесь государство тяготеет к образу «дома», а не «корпорации» или «машины». Эта метафора глубоко укоренена в истории философской мысли: еще Конфуций упоминал, что государство должно напоминать большую семью, где власть держится на нравственности и уважении, а не на страхе наказания.

В парадигме «государства-дома» роль женщины становится центральной, системообразующей. Женщина привносит в политическое бытие ценности обустройства, внутренней гармонии и безопасности уязвимости [1]. «Женское лицо» государственности в этом контексте означает не просто представительство, а приоритет тех сфер, где правит «этика заботы»: социальной защиты, здравоохранения и образования.

В эпоху глобальных кризисов и вооруженных конфликтов женское начало в государстве выступает как мощный стабилизатор, удерживающий общество от радикализации и саморазрушения. С точки зрения онтологии, женщина по своей природе ориентирована на дарование и поддержание жизни. Феминистская этика заботы, концептуально оформленная в работах Кэрол Гиллиган, утверждает, что женский моральный опыт неразрывно связан с ответственностью за конкретного другого, с вниманием к нюансам человеческих отношений и стремлением избежать разрыва социальной ткани.

В отличие от "мужской" морали, построенной на фундаменте автономии и справедливости, "женский" взгляд на мир подчеркивает важность взаимосвязей и сохранения единства. Поэтому миротворчество для женщин – это не временная уступка, а высшее проявление политической мудрости. Белорусская женщина, будь то лидер, общественный деятель или мать, выступает как искусный дипломат и целитель, стремящийся не к разрушению противника, а к исцелению всего общества.

Государство же – это не просто территория и учреждения, а сплетение смыслов и культурных нитей. В век глобального размывания традиционных основ именно женщина становится главным хранителем и проводником национальных ценностей, языка и обычаев. Этот процесс, начинающийся на уровне семьи, имеет макросоциальные последствия для всего государства.

Женщина здесь предстает как консервативная сила в созидательном, охранительном смысле этого слова – как сила, берегающая идентичность нации. Через материнство и воспитание она обеспечивает передачу исторической памяти от предков к потомкам, формируя тем самым фундамент духовной безопасности страны. Без этой «вертикальной» связи поколений государственность теряет историческую опору и экзистенциальный смысл.

Свобода и прогресс невозможны без корней. Социально-философский смысл материнства в рамках государства выходит далеко за пределы биологической репродукции – это акт долгосрочного планирования будущего и инве-

стиция в самую возможность исторического «завтра». Современные исследования психофизиологии материнства показывают, что качество материнско-детских отношений и чувствительность матери к потребностям ребенка влияют на формирование здоровой личности, способной к эмпатии и социальному взаимодействию.

Материнство включает в себя не только биологический, но и психологический, культурный и социальный аспекты: от мотивации рождения ребенка до формирования гендерной идентичности и социализации нового гражданина [8]. Защищая материнство на институциональном уровне, государство защищает свой завтрашний день, обеспечивая непрерывность «связи времен».

Важно подчеркнуть: «женское лицо» государственности не означает вытеснение мужчин из сферы управления или отрицание маскулинных добродетелей. Это философская концепция, где мужская решительность и стратегическое планирование гармонично переплетается с женской интуицией, эмпатией и заботой ради общей цели – благополучия народа.

В этом контексте белорусская женщина в структурах власти предстает как архетип "матери" в широком социальном понимании. Она видит в гражданах не просто избирателей или экономический ресурс, а членов большой семьи, нуждающихся в защите, поддержке и справедливом обустройстве их общего дома. Такой подход гуманизирует политику, возвращая ей в публичное поле человеческий фактор.

Социально-философский анализ показывает, что объявление 2026 года Годом белорусской женщины – это не просто формальность или дань уважения демографической роли. Это признание глубоких перемен в понимании сути власти и государства. Женское лицо белорусской государственности означает переход от жесткой иерархии к этике заботы, от разрушительной борьбы к созидательному диалогу, от размывания смыслов к сохранению ценностного суверенитета нашей страны. Женщина в Беларуси – это не только и не столько демографический ресурс, но, прежде всего, и духовный компас, указывающий в будущее страны.

Список используемых источников

1. Гофман А.Б. О господстве идеи господства: «воля к власти» в современной социальной теории Часть I. Социологические исследования. 2023. № 4. С. 3-14.
2. Спиридонова В. И. Кризис государства-нации: выбор между государством-корпорацией и государством-цивилизацией. Философские науки. 2025. Т. 68. № 4. С. 66–87 – URL: <https://www.phisci.info/jour/article/view/4010> Дата обращения: 20.04.2026.
3. Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба / Л.С. Переломов; ред. В.Б. Меньшиков. – М.: Наука; Восточная литература, 1993, с. 210-225.
4. Болотникова Е.Н. Политика заботы. Аспирантский вестник Поволжья. 2019. Т. 19. № 3-4. С. 19-27.
5. Артемьева О.В. Этика заботы: феминистская альтернатива классической философии. Институт философии РАН. – URL: https://iphras.ru/elib/EM1_12.html Дата обращения: 19.04.2026.
6. Орлов А.Д., Сафонов А.Л. Кризис власти как социокультурный феномен. Социодинамика. 2016. № 6. С. 29-46
7. Гройс Б. Философия заботы. М.: Новое литературное обозрение, 2024. (Введение: внешняя забота и забота-о-себе).
8. Мордас Е.С. Онтологические основания материнства. Философия и культура. – 2024. – № 5. – С. 23–50. – URL: https://ru.aurora-journals.com/author_other_publications.php?id=74429&id_user=56 Дата обращения: 19.04.2026.
9. Соловьева С.В. Власть по модели господства и признания: антропологический аспект. Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2. С. 125-131.
10. Рожок Е.П. Женщины в общественно-политической жизни Беларуси в XXI веке. Вес. БДПУ. Сер. 2. 2024. № 1. С. 13–18 – URL:

<https://elib.bspu.by/items/43c61f2d-ad53-4258-aa29-fd181d208315> Дата обращения: 21.04.2026.

11. Правительство утвердило республиканский план мероприятий по проведению Года белорусской женщины. Всебелорусское народное собрание. 09.02.2026. – URL: <https://vns.gov.by/ru/events-ru/view/pravitelstvo-utverdilo-respublikanskij-plan-meroprijatij-po-provedeniju-goda-belorusskoj-zhenschiny-553-2026> Дата обращения: 19.04.2026.

**Этические границы научно-технического прогресса:
философский анализ экологического кризиса как следствия
пере потребления**

Иванчикова Д.И., Булыго Е.К.

Научно-технический прогресс (НТП) достиг невиданных высот, но впервые в истории поставил человечество перед угрозой глобальной экологической катастрофы, которая наконец привела к пониманию что проблема не только в технологиях, но прежде всего в ценностях, которые направляют их развитие. Обратной стороной научного прогресса стало нарастание глобальных проблем, среди которых экологический кризис занимает центральное место. Человечество столкнулось с парадоксальной ситуацией: технологии, призванные облегчить жизнь, создают угрозу самой среде обитания.

Особую остроту этой проблеме придает феномен пере потребления, который активно культивируется экономической системой, ориентированной на бесконечный рост.

В XX веке философия техники начала рассматривать технику как не просто инструмент, а как фактор, преобразующий общество и самого человека. Вопрос о нравственной цене технического развития стал весьма актуальным, когда дальнейшее научно-техническое развитие поставило под угрозу дальнейшее существование человечества [1].

История философии демонстрирует разные варианты осмысления и интерпретации нового проблемного поля. Так, Н. Бердяев обратил внимание, что технические достижения, используемые для удовлетворения различных незначимых для человеческого существования прихотей, ведут к истощению природных ресурсов, усиливают разнь между людьми и противоречие между культурным и техническим прогрессом [2]. Техника сформировала новую реальность, в которой нет природы, эта реальность создана человеком, техникой, цивилизацией.

Другим, не менее известным мыслителем был известный русский космист Н.Ф. Федоров, который последовательно опровергает распространенное представление, что техника в том виде, в каком она развивается в современную для него эпоху (вторая половина XIX – начало XX века), позволяет человеку господствовать над природой. Он призывал к регуляции природы вместо её эксплуатации и расхищения, полагая, что нравственно оправданным может быть только то развитие техники, которое служит «общему делу» выживанию и объединению человечества. Федоров выдвигает идею регуляции природы, которая, в противоположность расхищению, ведет к восстановлению [3].

Подобную мысль о необходимости разумного, а не хищнического отношения к природе развивает В.И. Вернадский в концепции ноосферы – сферы разума. Он показывает, что научно-техническая деятельность человека стала мощной геологической силой, способной как разрушить биосферу, так и, при условии ответственного ее применения, обеспечить гармоничное развитие человечества и природы [4].

В условиях развития постиндустриального общества, информационных технологий, техника начала выступать неотъемлемой частью человеческого бытия. Ожидания, которые были связаны с развитием научно-технического прогресса в начале промышленной революции не оправдались.

Прогресс в науке и технике не всегда влечет за собой качественные изменения в социальной и культурной жизни. Актуальность этического анализа техники обусловлена, прежде всего, тем, что изменилось само качество деятельности, масштабность действий и небывалость последствий [5]. Вопросы, связанные с влиянием техники на моральное состояние человека, непросты, поскольку нет прямого очевидного воздействия изобретений на человека, но это лишь на первый взгляд. При более глубоком и детальном анализе выясняется, что все явления технического, вопрос о технике – о самом человеке.

Ни «великий бунт» против технологий, о котором писал Герберт Маркузе, призывая к тотальному отрицанию существующей техногенной реально-

сти во имя освобождения человека, ни тем более «этика отказа от власти техники», сформулированная Жаком Эллюлем, не могут сегодня рассматриваться в качестве конструктивных и реалистичных стратегий преодоления кризиса [6]. Концепция Маркузе предлагает скорее утопический жест разрыва, нежели программу действий. «Бунт» в его понимании – это попытка выпрыгнуть из исторического контекста, отринуть всю технологическую парадигму целиком. Однако человечество не может вернуться в доиндустриальное состояние, не уничтожив при этом основу своего существования. Техника стала не просто инструментом, а средой нашего обитания, и призыв к тотальному бунту против неё равносителен призыву к самоуничтожению цивилизации.

С другой стороны, «этика отказа» Эллюля, который глубже всех исследовал автономию техники, предлагает скорее стратегию личного спасения – уход от технологической эффективности в частную сферу. Но проблема экологического кризиса носит системный, глобальный характер. Катастрофа разворачивается не в частной жизни отдельного человека, отказавшегося от смартфона, а в масштабах биосферы. Индивидуальный отказ от техники, будучи этически безупречным жестом, не способен остановить промышленное загрязнение океанов или выбросы парниковых газов.

Таким образом, и бунт, и отказ оказываются формами бегства от реальности, а не диалога с ней. Проблема заключается не в том, чтобы уничтожить технику или морально дистанцироваться от неё, а в том, чтобы вернуть её в подчинение человеческим и природным смыслам.

Техника не является самостоятельным субъектом истории; она – лишь инструмент в руках человека, обостривший до предела старый этический вопрос: ради чего мы применяем нашу мощь? Следовательно, решение кроется не в отказе от прогресса, а в кардинальной смене целей этого прогресса: перехода от безудержного потребления и роста к коэволюции – гармоничного сосуществования человека, техники и биосферы [7].

Развитие техники привело к небывалому комфорту, но обратной стороной стала технологизация человека, его зависимость от технических средств и

утрата контроля над последствиями их применения. Таким образом, философская традиция подводит нас к выводу: техника не нейтральна, она может быть носителем как добра, так и зла, в зависимости от тех целей, которые перед ней ставит общество.

Как отмечает В.С. Стёпин, современная техногенная цивилизация сформировала особый тип развития, где научно-технический прогресс становится самоценным, а критерии эффективности и инноваций начинают доминировать над этическими и экологическими ограничениями [8].

В.М. Розин дополняет этот тезис, показывая, что техника превратилась в самостоятельную реальность, формирующую новые формы коммуникации, потребления и самоидентификации человека, часто в ущерб его глубинным экзистенциальным связям с природой [9]. В.В. Биbihин, в свою очередь, обращает внимание на то, что современное общество, подчинившись логике бесконечного «приращения» вещей и технологий, утрачивает способность к удержанию смыслов и границ, что напрямую ведет к экологической катастрофе как закономерному итогу утраты меры [10]. Современный экологический кризис является прямым следствием научно-технического прогресса, поставленного на службу безудержному потреблению. Во-первых, техносфера развивается в ограниченной биосфере, ресурсы планеты конечны, так же, как и ее способность к самовосстановлению [11].

Во-вторых, правило нравственности требует от нас относиться к другим так, как мы хотели бы, чтобы относились к нам. В экологии «другие» – это наши потомки. Н.Ф. Федоров в свое время говорил о «нравственном противоречии живущих сынов и отцов умерших» [12], подразумевая долг перед предками. Сегодня не менее остро стоит долг перед потомками: перекладывая на них бремя расчистки наших свалок и жизни в деградировавшей среде, мы нарушаем фундаментальный принцип справедливости.

В-третьих, технологии, созданные для освобождения человека, превратились в инструмент его порабощения через культ потребления. Человек от-

чужден от процесса производства, не понимает ценности вещи, легко расстанется с ней, теряя связь с реальностью. Переход к циркулярной (циклической) экономике, где вещи ремонтируются, перепродаются – это не только технологический, но и этический вызов. Это возвращение человеку статуса творца и хозяина, а не пассивного потребителя.

Таким образом, этические границы НТП необходимы, чтобы переориентировать его вектор с максимизации потребления на оптимизацию качества жизни человека в гармонии с природой. Экологический кризис – закономерный результат развития техногенной цивилизации, в которой научно-технический прогресс оказался подчинен логике экономического роста и идеологии гедонистического потребления [13].

Философская традиция (от Н.Ф. Федорова до В.С. Стёпина) задолго до наступления острой фазы кризиса предупреждала об опасности такого пути. Маркетинговые технологии, создающие искусственный спрос, культ «быстрой моды» – все это примеры того, как НТП, лишенный нравственных ориентиров, работает на самоуничтожение человеческой среды обитания [14].

Установление этических границ научно-технического прогресса означает не остановку развития, а его перезагрузку. Это переход к «зеленой» экономике, циркулярным моделям производства, развитию институтов совместного потребления и, что самое важное, – к изменению системы ценностей самого человека. Осознанное потребление, ответственность за экологический след своей жизни и солидарность с будущими поколениями должны стать такими же обязательными категориями в экономической науке, как эффективность и рентабельность. Только так можно преодолеть противоречие между технологическим могуществом и нравственным долгом.

Список использованных источников

1. Философия [Электронный ресурс]: учебно-методический комплекс по дисциплине для студентов технических и экономических специальностей / В. А. Семенюк [и др.]; под общ. ред. А. И. Лойко; Белорусский национальный

технический университет, Кафедра "Философские учения". – Минск: БНТУ, 2011. – С. 151-153.

2. Философия техники в творчестве Н.А.Бердяева и современность // [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-tehniki-v-tvorchestve-n-a-berdyayeva-i-sovremennost> - Дата обращения: 01.03.2026

3. Философия [Электронный ресурс]: электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Философия» для студентов, слушателей, осваивающих содержание образовательной программы высшего образования для всех специальностей дневной и заочной форм получения образования / Белорусский национальный технический университет, Кафедра «Философские учения»; сост.: А. И. Лойко [и др]; под общ. Ред. А.И.Лойко. – Минск: БНТУ, 2023. – С. 210-213.

4. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М., 2002. – 98 с.

5. Прогресс в философии, науке и в искусстве // [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/progress-v-filosofii-nauke-i-v-iskusstve> – Дата обращения: 02.03.2026

6. Осмысление техники в теологии Жака Эллюля: эсхатология и экология // [Электронный ресурс] : <https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-tehniki-v-teologii-zhaka-ellyulya-eshatologiya-i-ekologiya/viewer> – Дата обращения: 02.03.2026

7. Дорцева, Е. В. Концепция пропаганды Жака Эллюля: критический анализ / Е. В. Дорцева // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. [Электронный ресурс] – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 140–167. – DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-140-167 – Дата обращения: [03.03.2026]

8. Нравственные основания науки в исторической перспективе // [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennyye-osnovaniya-nauki-v-istoricheskoy-perspektive> – Дата обращения: 03.03.2026

9. Розин В.М. Техника и социальность // Вопр. философии. – М., 2005. – N 5. – С. 95-107.

10. Владимир Биbihин как философ техники// [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladimir-bibihin-kak-filosof-tehniki/viewer> – Дата обращения: 03.03.2026

11. Емельянова, Л. К. Экологический кризис – актуальная проблема современности / Л. К. Емельянова // *Собрание науки и образование*. – 2019. – № 7. – С. 259–264.

12. Социальная и философская среда формирования мировоззрения Н. Ф. Федорова // [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-i-filosofskaya-sreda-formirovaniya-mirovozzreniya-n-f-fedороva> – Дата обращения: 03.03.2026

13. Гусейнов О.М. Глобальный экологический кризис как философская проблема: теоретический дискурс / О. М. Гусейнов, Ж. О. Гусейнова // *Социально-гуманитарные знания*. – 2015. – № 1. – С. 106-119.

14. Философия экологии и экологическая философия // [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-ekologi> – Дата обращения: 03.03.2026

Вечный диалог: красота в зеркале эпох

Ченур М. И., Бритова А. С., Булыго Е. К.

Представьте себе флейту. Пустая и молчащая, она – лишь кусок дерева. Но коснётся её губами музыкант - и рождается звук, тонкий и трепещущий. Он не живёт в дереве и не рождается в лёгких. Он возникает в пространстве между ними – в этом таинственном союзе материала и духа, формы и дыхания.

Такова и красота: она не скрыта в мраморе статуи и не дремлет в глубинах нашей души. Она вспыхивает в зазоре встречи – встречи взгляда с картиной, слуха с симфонией, сердца с закатом. Она – не свойство, но отношение, не вещь, но событие.

И это событие требует трёх участников: того, кто видит, того, что видимо, и контекста – культурного, исторического, личного – в котором эта встреча становится возможной. Исчезни один элемент – и всё волшебство рассеется. Картина Ван Гога в темноте – лишь холст и краска. Взгляд, лишённый чувствительности и знаний, скользит по поверхности. Культура, забывшая свой символический язык, превращает икону в археологическую находку.

Красота – это своеобразный мост, возведённый мгновенно и существующий лишь пока идёт по нему диалог. Веками философы пытаются нанести на карту ландшафты красоты, и их корабли идут разными курсами, порой пересекаясь, порой теряя друг друга из виду.

Материалисты и объективисты верят, что красота – это остров, реальный и осязаемый, существующий независимо от нашего взгляда. Она - в математически выверенных пропорциях золотого сечения, в кристаллической симметрии снежинки, в силе и равновесии горного хребта. Для них искусство – это компас, который должен точно показывать на этот остров.

Идеалом становится точность воспроизведения или выявление этих объективных закономерностей. Правдивые, психологически глубокие портреты Рембрандта, раскрывающие душу человека, или мощные, архитектурно совершенные симфонии Бетховена, следующие внутренней логике музыкальной

материи, – вот маяки этого пути. Красота здесь познаваема, измерима и подчинена законам, подобно точным законам физики [1; 3].

Субъективные идеалисты и психологи́сты смотрят иначе. Для них остров – всего лишь мираж, проекция нашего внутреннего состояния. Красота не в предметах, а в нашей реакции на них. «Красота в глазах смотрящего», – говорят они. Одна и та же роза для влюблённого, учёного-ботаника и художника будет разным объектом, вызывающим разные чувства: страсть, любопытство, интерес к форме и цвету. Но чьи глаза правы? Все. Красота – это цветное стекло восприятия, которое окрашивает мир в тона нашего жизненного опыта, настроения и воспитания. Дэвид Юм утверждал, что красота не является качеством самих вещей, а существует лишь в чувстве, в духе, созерцающем их, и каждый дух воспринимает свою красоту [2].

Диалектический синтез и современная мысль предлагает не выбирать между островом и иллюзией, а понять саму динамику моря, на котором происходит плавание – сам процесс восприятия. Она говорит: красота – это чувство-ценность, достигшее зрелости, признанное культурой как совершенное.

Это не просто мимолётная эмоция, а эмоция, которая нашла своё идеальное, завершённое воплощение в материале и была узаконена как значимая коллективным опытом. Когда гончар одним точным, выверенным движением создаёт из бесформенной глины идеальную по форме вазу, мы восклицаем: «Искусство!». Мы становимся свидетелями момента победы формы над хаосом, порядка над материей, что и есть суть эстетического переживания. Эта красота рождается в диалоге между объектом (с его свойствами) и субъектом (с его восприимчивостью), но освящается и передаётся через язык, традицию, культурные коды [2; 4].

Таким образом, красота живёт в сфере чувств, но чувств, организованных в ценностную иерархию. Мы называем мысли истинными, а поступки – правильными или добрыми. Но мы можем сказать «красивая теорема» или «красивое решение», только если эти интеллектуальные конструкции вызы-

вают в нас особое, возвышенное чувство интеллектуальной гармонии, изящества и полноты, подобное тому, что мы испытываем, глядя на звёздное небо. Это и есть эстетическое измерение бытия, пронизывающее все сферы человеческой деятельности.

История понимания красоты – это не линейный прогресс, а смена парадигм, каждая из которых напрямую зависит от главных философских, религиозных и научных идей своей эпохи. Каждое время говорит о прекрасном на своём уникальном языке, диктуя свои правила диалога.

Античность: Космос как эталон. Для древних греков мир был Космосом – упорядоченным, гармоничным и прекрасным целым, противоположностью хаоса. Красота была объективным отражением этой вселенской гармонии, выраженной в числе, мере и пропорции [1; 3]. Статуя или храм стремились уловить идеальные, божественные пропорции мироздания. Но внутри этого общего взгляда были важные расхождения.

Платон считал, что высшая, истинная красота существует в мире вечных и неизменных идей. Всё земное – лишь её бледная, искажённая копия, а искусство, копирующее копии, уводит от истины на три ступени. Художник, по Платону, – создатель призраков, опасный для идеального государства. Аристотель, его ученик, видел в искусстве большую пользу и истину. Подражание природе – не пустое копирование, а творческий акт выявления общего и существенного. Трагедия, по его мнению, вызывая у зрителя страх и сострадание, проводит его через катарсис – духовное очищение и просветление души, достигая тем самым этической и эстетической цели.

Средневековье: Красота как символ и аллегория. С утверждением христианства земная, телесная красота перестала быть самодостаточной и, более того, могла считаться соблазном и грехом. Всё видимое считалось знаком, символом или аллегорией невидимой, трансцендентной божественной красоты и истины.

Свет, льющийся через витражи готического собора (Сен-Дени, Шартрский собор), символизировал свет Божий, одухотворяющий материю. Икона

была не просто изображением, а окном в духовный мир, её красота – в чистоте линий, золотом фоне, обратной перспективе, уводящей взгляд от мира дальнего к миру горнему. Красота стала сакральным языком, на котором мир говорит о Боге, а искусство – своеобразной «Библией для неграмотных» [2].

Возрождение: Антропоцентрический поворот. Эпоха Возрождения поставила в центр мироздания не Бога, а Человека – меру всех вещей. Идеалом красоты вновь стало совершенное человеческое тело (как у Давида Микеланджело), мощь человеческого разума и его творческая сила. Художник теперь не ремесленник, а творец и создатель. Отсюда выросли два больших, во многом противоположных направления, определивших европейскую культуру на столетия. Классицизм XVII – XVIII вв. – искусство порядка, разума, ясных правил и гражданского долга.

Оно требовало гармонии, симметрии, следования вечным образцам античности и строгой иерархии жанров. Его красота – в безупречной логике трагедий Расина, в геометрически выверенных парках и фасадах Версаля, в рациональной ясности философии Декарта. Романтизм конца XVIII – XIX вв. – быстрая реакция на сухость рассудка. Романтиков влекли сила индивидуального чувства, буря страстей, грозная и величественная природа, тайна, бесконечное и национальное своеобразие. Красота стала не всеобщей, а уникальной, часто меланхоличной и трагической [4].

Прошлый век радикально разбил старые, казавшиеся незыблемыми, представления о красоте на множество осколков, каждый из которых претендовал на свою истину. Авангард и модернизм начали с сознательного разрушения канона. Кубизм (Пикассо, Брак) разлагал форму, показывая объект с разных точек одновременно. Абстракционизм (Кандинский, Малевич) отказался от изображения видимой реальности вовсе, утверждая красоту чистых форм, линий и цветов. Дадаизм и сюрреализм (Дюшан, Эрнст) ввели в искусство абсурд, иронию, бессознательное, поставив под сомнение само понятие «произведения искусства». Красота в её традиционном понимании часто объявлялась буржуазным предрассудком.

Философские течения дали этому процессу теоретическое обоснование. Феноменология заявила, что смысл и красота произведения искусства не заложены в нём раз и навсегда, а рождаются в акте его восприятия, в интенциональном отношении сознания к объекту. Картина говорит с каждым зрителем по-своему, и её смысл бесконечно открыт. Аналитическая философия занялась скрупулёзным анализом языка эстетики, изучая, как и что мы на самом деле имеем в виду, говоря «это прекрасно», и пришла к выводу о принципиальной открытости и вариативности эстетических понятий.

Постмодернизм второй половины века вовсе отказался от поиска одного правильного смысла, центра, иерархии и конечной цели. Для него мир и искусство – это бесконечная игра образов, симулякров, цитат и плавающих смыслов. Искусство становится цитатным, ироничным, эклектичным (архитектура Ч. Мура, живопись Д. Саффра). Красота, если о ней вообще идёт речь, становится непостоянной, многоликой, контекстуальной и зачастую сознательно «некрасивой», шокирующей, чтобы пробиться сквозь слои клише.

Особый путём в искусстве стал социалистический реализм. В России и СССР XX века на долгие десятилетия утвердился социалистический реализм как официальный и единственно допустимый метод. Это была не просто художественная манера, а целая государственная эстетико-идеологическая система. Искусство должно было не пассивно отражать жизнь «как она есть», а показывать её «в революционном развитии», воспитывать нового человека-строителя коммунизма, служить задачам пропаганды.

Красота отождествлялась с идеологически верным содержанием: монументальностью, ясностью, оптимизмом, героикой труда и борьбы. Картины («Допрос коммунистов» Иогансона), скульптуры («Рабочий и колхозница» Мухиной), фильмы этого времени создавали грандиозный, чётко структурированный мир, где каждый герой знал своё место в историческом процессе.

После крушения этой системы в конце 1980-х – 1990-х годах русское искусство и философия, освободившись от диктата, оказались в сложном, ча-

сто болезненном поиске новых путей среди обломков старой тотальной картины мира, балансируя между авангардным наследием, западными влияниями и поисками новой национальной идентичности [2].

Сегодня диалог о красоте усложнился до предела. Цифровая среда породила новые формы: компьютерную графику, виртуальные миры. Красота здесь алгоритмична, изменчива, зависит от пользовательского ввода. Глобализация смешала коды: японская аниме-эстетика, скандинавский минимализм, индийская орнаментальность сосуществуют в общем культурном поле.

Массовая культура и соцсети создали культ визуальности, где «красивое» часто сводится к внешнему лоску, фильтрам и стереотипам, порождая новые формы отчуждения и комплекс неполноценности. Возникает вопрос: не становится ли красота товаром, сиюминутным трендом, потребляемым и забываемым изображением?

Одновременно в ответ на это возникают мощные движения, ищущие красоту в аутентичности, экологичности, несовершенстве (японская эстетика «ваби-саби»), в телесной позитивности, в обращении к локальным традициям и ремёслам. Красота становится полем битвы между сильным упрощением и поиском уникальности, между виртуальным и материальным. Так что же такое красота после этого долгого и извилистого путешествия по морям идей и эпох?

Она – не формула и не догма. Она – вечный, никогда не завершаемый Диалог. Диалог между камнем и резцом скульптора, между тишиной и первым аккордом симфонии, между тысячелетней культурной памятью и дерзким жестом авангардиста, ломающим традицию, чтобы дать жизнь чему-то новому. Это диалог между объективной возможностью формы и субъективной способностью к потрясению. Красота – это то, что преодолевает время в мгновении.

Замирая перед «Сикстинской Мадонной» Рафаэля, мы вступаем в разговор, начатый пять веков назад, и он оказывается внезапно современным. Она – то, что преодолевает эго, заставляя забыть о себе в созерцании горной гряды на рассвете. И пока в человеке живёт эта способность – замереть перед полотном, заслушаться трепетной тишиной, воцаряющейся после последней ноты в

концертном зале, или ощутить священный трепет и смирение при виде бескрайней звёздной ночи или океанского простора, флейта красоты будет звучать. Её звук, возникающий в зазоре встречи, будет внемлить вечности и наполнять глубинным смыслом наше быстротечное, изменчивое, иногда пугающее время.

Она – наш самый глубокий, невербальный ответ на вопрос бытия. Ответ, данный не в строгих логических понятиях, а в восторге, в смущении, в безмолвном потрясении, в слезе, навернувшейся без видимой причины.

И в этой невыразимости, в этом вечном становлении – её непреходящая сила, её вечная молодость и её неуловимая, магическая тайна. Она напоминает нам, что человек – не просто мыслящий или социальный аппарат, но существо, способное к удивлению, и благодарному созерцанию, и в этом и есть залог его человечности [2; 4].

Список использованных источников

1. Нагорнова Е.Е.: «Красота в античной философии». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/krasota-v-antichnoy-filosofii> (дата обращения: 24.12.2025г.).

2. Богданова А.: «Красота – что это такое в философии и может ли она возникать без автора» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dtf.ru/id2687299/3937459-krasota-v-filosofii-bez-avtora> (дата обращения: 24.12.2025г.).

3. Йованович Т.Г.: «Философские концепции красоты в эстетике античности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-kontseptsii-krasoty-v-estetike-antichnosti> (дата обращения: 24.12.2025г.).

4. Боргини А.: «Как философы осмысливают красоту?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thoughtco.com/how-do-philosophers-think-about-beauty-2670642> (дата обращения: 24.12.2025г.).

Влияние архитектурной среды на психоэмоциональное состояние человека

Малявская Е. Г., Дождикова Р. Н.

Исторически архитектура решала преимущественно практические, бытовые задачи: защиту от климата, организацию быта, демонстрацию власти. Однако накопленные к нашим годам данные свидетельствуют: любая среда – от камеры лифта до панорамного холла – непрерывно воздействует на нервную систему человека через зрение и через его ощущение своего тела в пространстве.

Основные способы воздействия архитектуры на людей: Цвет, Свет, Форма.

Цвет является одной из самых важных частей в проектировании сооружений. Сейчас архитекторами используются не очень яркие и не резкие оттенки, которые разбавляют общую серость зданий и положительно влияют на психическое состояние человека. Когда мы заходим в комнату, то первое, что мы замечаем – это цвет стен, пола и потолка. Мы можем этого не понимать, но цвет сразу начинает действовать на нас. Он может успокаивать, раздражать, вызывать сонливость или, наоборот, заставить нервничать.

Цвет в архитектуре работает потому, что у него есть реальное физиологическое действие. Он воздействует на нас минуя сознательную оценку и это происходит независимо от того, нравится нам цвет или нет. Например, длинноволновая часть спектра, к которой относятся красный и оранжевый, могут повышать сердцебиение и давление, увеличивать раздражительность человека, обострять его внимание, но в небольших количествах эти цвета бодрят и привлекают внимание. Жёлтый – поднимает настроение, улучшает умственную активность (доказано на примере желтых стен в учебных заведениях) и помогает при депрессивных состояниях.

На противоположном полюсе от красного и оранжевого находится зелёный – середина видимого спектра, не требующая от глаза усилий по фокусировке. Он снижает давление и успокаивает пульс. Голубой и синий так же оказывают на человека расслабляющее влияние. Фиолетовый – самый сложный цвет. В светлых оттенках он успокаивает и может помогать при бессоннице, а в тёмных он давит на психику и может вызывать тоску.

Белый цвет оказывает самое сильное воздействие на нас: белые стены и потолки делают помещение визуально больше, создают ощущение чистоты, но при переизбытке может вызывать тревогу и ощущение пустоты. Чёрный в больших количествах может давить на психику и вызывать депрессию, но в малых дозах он создаёт глубину и контраст, без которых пространство выглядело бы плоским и невыразительным [1].

Освещение также оказывает немаловажную роль на психику человека. Естественное освещение положительно влияет на наше психоэмоциональное состояние. Спектр солнечного света меняет соотношение мелатонина и серотонина в течение дня. При недостатке естественного света у многих людей уже через три недели фиксируется снижение настроения. Однако и избыток искусственного света опасен: холодный свет в вечерние часы подавляет выработку мелатонина, смещая фазу сна. Холодные оттенки ассоциируются с дневным временем, когда у человека больше энергии, а теплые оттенки проводят параллель с вечером или рассветным солнцем, когда организм расслаблен [2].

Форма зданий напрямую влияет на психоэмоциональное состояние, продуктивность и поведение человека, формируя его восприятие пространства. Прямой угол и чёткая вертикаль воспринимаются мозгом как предсказуемая структура. Они воспринимаются нами как наиболее предсказуемые и комфортные формы для жизни и работы. В таком пространстве мы неосознанно выдыхаем, потому что архитектура не создаёт дополнительных вопросов. Изогнутые и округлые формы могут вызывать чувство дружелюбной атмосферы, уюта и безопасности.

Ломаные и острые углы же ассоциируются с напряжением, могут повышать уровень тревожности, формируют фоновое раздражение, которое накапливается незаметно для самого человека. Большие монотонные поверхности подавляют психику из-за отсутствия деталей для фиксации взгляда. А высокие, массивные здания при большой плотности застройки могут вызывать чувство подавленности и даже способствовать росту преступности. Чтобы снизить стресс нужно использовать плавные линии, имитирующие природные структуры, к которым наши глаза адаптированы тысячелетиями. Поэтому пространства со скруглёнными углами и мягкими переходами плоскостей ощущаются как более безопасные и дружелюбные.

Конрад Лоренц, известный прежде всего, как основатель этологии, в своей работе «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» обратил внимание на то, что эстетическое и этическое чувства теснейшим образом связаны друг с другом, а среда, в которой человек живёт, формирует его способность к различению – как прекрасного, так и нравственно допустимого.

Его критика очень важна в психологии архитектуры, так как Лоренц доказал, что архитектура – это искусственная биологическая ниша, которая обязана соответствовать врожденным инстинктам человека (потребности в укрытии, обзоре и защите территории), иначе городская среда вызывает у людей стресс, апатию и агрессию.

В современной архитектуре Лоренц проводит биологическую аналогию между ростом городов и болезнью: «Посмотрите свежим взглядом и сравните старый центр любого немецкого города с его современной окраиной или эту позорную для нашей культуры окраину, быстро вгрызающуюся в землю вокруг нее, с местами, которые она еще не успела захватить.

Сравните затем гистологические картины любой здоровой ткани и злокачественной опухоли: вы обнаружите поразительные аналогии! Объективно, в переводе с языка эстетики на язык науки, можно сказать, что суть этих различий состоит в потере информации».

Ключевое понятие Лоренца, которое редко попадает в архитектурные дискуссии, – *Nutzmensch*, «человек-полезность», или «одомашненный человек», по аналогии с сельскохозяйственными животными (*Nutztiere*). Он пишет: «В лучшем случае это нагромождения стойл для одомашненных людей». Эта метафора не является просто риторическим преувеличением. Пространство, где балконы разделены глухими перегородками, а дворы не предполагают точек для случайного контакта, физически закрепляет разобщённость. Он замечает: «В очень многих массовых жилищах балконы разделены стенками, чтобы нельзя было увидеть соседа.

Человек не может и не хочет вступать с ним в общение «через забор», потому что боится увидеть в его лице свой собственный отчаявшийся образ». В итоге дизайн зданий (глухие стены, отсутствие лавочек) не просто отражает разобщённость, а закрепляет её физически. Задача же грамотного проектирования состоит в том, чтобы среда не подавляла наши потребности, а давала им здоровую реализацию.

Центральное для Лоренца понятие «атрофии чувств» получает в психологии архитектуры конкретное наполнение. Он утверждал: «Эстетическое и этическое чувства теснейшим образом связаны друг с другом, и, разумеется, у людей, вынужденных жить в таких условиях, атрофируется и то и другое. Для духовного и душевного здоровья человеку необходимы красота природы и красота рукотворной культурной среды. Всеобщая душевная слепота к прекрасному <...> представляет собой психическую болезнь».

Лоренц подводит нас к выводу, имеющему прямое отношение к архитектурной практике. Он рассматривает типовую застройку не просто как эстетическую неудачу, а как фактор постепенной деградации восприятия. Когда человек изо дня в день находится среди однообразных бетонных зданий, лишённых деталей, за которые может уцепиться глаз, его способность к различению прекрасного притупляется [3].

Лоренц подвел нас к мысли: серая и однообразная застройка делает человека «душевно слепым». Если вокруг только скучные бетонные блоки, мы

теряем способность замечать красоту и сопереживать окружающим. Поэтому работа архитектора – создавать сложную и живую среду, которая развивает чувства жильцов, а не притупляет их.

Список использованных источников

1. Фрилинг Г., Ауэр К. Человек – Цвет – Пространство: Прикладная цветопсихология / пер. с нем. – М.: Стройиздат, 1973. – 141 с.
2. <https://moluch.ru/archive/261/60383>
3. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала: сборник трудов / пер. с нем. А. И. Федорова. – М.: Республика, 1998. – С. 3 – 60.

ЦИФРОВАЯ ЭПИСТОМОЛОГИЯ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Цифровая эпистемология и информационные технологии

Лойко А.И.

Цифровая эпистемология играет важную роль в изучении проблем, связанных с общей теорией познания и когнитивными науками [1]. В числе этих проблем трансформация процессов получения и обработки данных в форматы информации и знаний [2]. В этой трансформации активную роль играют технологии искусственного интеллекта [3].

Они благодаря разработчикам сформировали обширную инфраструктуру, основанную на архитектуре цифровых экосистем. В предметном поле семантического искусственного интеллекта актуальной стала тема достоверности данных и информации, поскольку получили распространение практики фейковых технологий и цифрового мошенничества.

Подобные практики сделали востребованной тематику кибернетической безопасности. В её разработке активную роль играет философия права и цифровая этика. Цифровая эпистемология включает уровни гносеологии данных, информации и знаний. Они обладают спецификой, которая фиксируется категориальными структурами.

Тематика познания возникла, когда у людей сформировалась интенция на знания. Она была обусловлена практическими причинами. Одной из таких причин была деятельность в виде охоты, рыболовства и собирательства.

Охотнику нужно было знать поведение разных животных, их слабые и сильные стороны. При разделке туши тоже были нужны знания. Знания были нужны для изготовления орудий охоты и для организации охоты. Охотники должны были знать о животных практически всё, от чего зависела успешная охота. В таком же положении находились рыболовы и собиратели.

Каждый вид практической деятельности формировал интенцию на практические знания, включая земледелие и ремесло. Это были инструментальные

знания. Они обычно нигде не записывались. Они передавались устно из поколения в поколение. Когда люди начали оперировать значительными объёмами данных и информацией, то у них возникла необходимость в письменности и интеллектуальных технологиях вычисления и обозначения данных.

Для данных был выбран цифровой формат. Для информации был выбран формат письменного естественного языка. Информация в виде текста естественного языка содержала данные. Она отправлялась адресату и выполняла функции общения, в том числе, в деловом формате.

Поскольку деловые отношения требовали письменных правовых гарантий, то сформировалась практика юридических знаний в виде законов, указов, договоров. Это были нормативные знания, на основе которых строились деловые отношения между людьми и функционировали институты общества.

Философы реализовали интенцию значительной части человечества на концептуальные знания, которые используют язык категорий для создания общей онтологии. Эта онтология не систематизировала знания, а строилась каждым философом в собственной версии. При этом вскоре обнаружилось, что в общей онтологии есть общие категории для всех её авторских модификаций. Авторские версии общей онтологии множились по мере увеличения числа философов в этой тематике. Общая онтология давала ответ на вопрос, как устроен универсум.

Философы обнаружили для себя и такой предмет изучения как познавательные процессы в голове человека. Результатом стала разработка Аристотелем формальной логики. В ней он описал особенности реализации человеком мыслительных процессов в форме понятий, суждений и умозаключений. Им описаны модификации индуктивных и дедуктивных умозаключений.

Платон поднял важный вопрос о наличии у человека знаний до самого познавательного процесса. Он ответил на него утверждением, что знания у человека есть изначально. Ему остаётся их только вспомнить благодаря конкретному контексту.

Философы не стремились искать доказательства для создаваемых ими общих онтологий. Они ограничивались убеждением, что универсум устроен так, как они его конструируют в форме общей онтологии.

Ситуация в философии изменилась в новое время, когда стали формироваться структуры научного познания на теоретическом и эмпирическом уровнях познания. Для науки важными стали критерии ясности, точности, непротиворечивости, доказательности и обоснованности. Ф. Бэкон видел исследовательскую науку на основе эмпиризма и метода индукции. Он, как и Г. Галилей, важную роль отводил экспериментальным опытным исследованиям. Р. Декарт видел науку на основе рационализма и метода дедукции.

Он важную роль отводил логическим основаниям доказательств. С этой целью он разработал язык алгебры и сделал геометрию аналитической геометрией. Язык уравнений делал математику строгой наукой. Такой же критерий был применим и к механике (физике). Д. Юм придерживался позиции скептицизма. Она предписывала критически относиться к любым утверждениям. Ещё больший критицизм продемонстрировал И. Кант после того, как дискуссия о природе туманностей с его участием закончилась ничем. Немецкий философ сформулировал вопрос о возможности познания человеком природы такой, какой она есть вне пределов его сознания.

При этом в отличие от сенсуализма Локка Кант считает, что у человека в его мышлении (рассудке) есть априорные знания в виде категорий, которые используются для аналитики образов внешних объектов, являющихся сознанию человека. При этом в объектах есть непознаваемая для человека часть, называемая вещью-в-себе. Кант допускает и наличие апостериорных знаний.

Эмпиризм, сенсуализм и рационализм делали акцент на разную роль чувственных и рациональных форм познания. Эти дискуссии не мешали развитию наук о природе. Они не мешали развитию математики. Они не мешали формированию гуманитарных наук. Тематика гносеологии явно доминировала в структуре общей теории познания и была тесно связана с институтом науки. Представители марксизма и прагматизма одними из первых сделали

предметом изучения познавательную деятельность в связи с практикой. Представители прагматизма в аспект практики рассматривали особенности обыденного познания людей, связанного с опытом.

В тематике гносеологии в общем описании процессов познания важная роль отводилась исследованию познавательных процессов через изучение особенностей чувственных и рациональных форм познания. Поскольку процесс познания имеет результат в виде знаний, то актуальной стала тематика эпистемологии. В классической эпистемологии любой результат познания рассматривался как знания. Деления результатов познания на данные, информацию и знания не делалось. Любой результат познания рассматривался как знание. Только возникал вопрос, насколько оно является объективным и достоверным. Объективность знаний отстаивал Платон, который видел их основание в объективном идеализме.

Марксизм признавал объективность знаний исходя из позиции материализма, согласно которой знания являются результатом познания материальной реальности, существующей независимо от человека. Представители марксизма критиковали объективный идеализм за отрицание им первичности материальной реальности. Они также критиковали субъективный идеализм и агностицизм за отрицание ими возможности познания человеком внешней по отношению к нему объективной реальности.

Для агностицизма и субъективного идеализма знания сводятся к знанию того, как человек конструирует априорными структурами мышления явление внешней реальности его индивидуальному сознанию. В этом контексте возникла проблема достоверности знаний

Представители позитивизма, исходя из методологической платформы эмпиризма, стали применять ко всему массиву знаний критерий верификации, основанный на прямом соотношении атомарных предложений с наблюдаемыми фактами существования описываемых ими процессов, событий и объектов. В результате они обнаружили, что большая часть знаний, относящихся к

философии, является не верифицируемой. Также они обнаружили, что критерий верификации не применим к теоретическим знаниям ряда наук.

Представители неопозитивизма стали искать критерии достоверности их методологии в пространстве логики. Решением для них стала разработка аппарата математической логики. Эта логика оказалась востребованной для практических задач развития систем связи на основе цифровых технологий, использующих аппарат математической логики (двоичный код). Неопозитивизм стал одним из оснований для формирования аналитической философии.

Эта философия приняла активное участие в разработке математической логики, адаптированной к цифровым технологиям. Она стала частью информатики в форматах чётких и нечётких логик. Эти логики используются в программировании, в частности, при разработке больших языковых моделей.

Если классическая эпистемология больше ориентирована на обеспечение научного исследования стандартами достоверности, то цифровая эпистемология занята вопросом как компаниям и банкам эффективно использовать данные, информацию и знания для получения прибыли, и решения, связанных с ней задач. В таком ракурсе использования информационных ресурсов объективность и достоверность не играют основной роли. При этом под информационными ресурсами понимаются не все данные, информация и знания, а только та их часть, которая переведена в цифровой формат технологий искусственного интеллекта. Эти технологии стали прикладными инструментами цифровой рыночной экономики и политики.

Поскольку цифровые поколения пользуются данными, информацией и знаниями через мобильный телефон, интегрированный в социальные сети интернета, то для них это основной новостной ресурс, в который входят не только политические новости, но и реклама, навигация, новости через общение со сверстниками. Через формат цифровых технологий цифровые поколения получают доступ к научным и профессиональным знаниям.

Особенность цифровых технологий заключается в том, что они не только представляют пользователям социальные информационные ресурсы,

но и получают от них в режиме обратной связи на безвозмездной основе прирост этих ресурсов, поскольку пребывание пользователей в социальных сетях формирует приращение информационных ресурсов, что крайне выгодно компаниям, владеющим цифровыми платформами и цифровыми экосистемами.

Основными социальными информационными ресурсами для людей являются данные, информация и знания. С точки зрения науки данными являются сведения, полученные эмпирическими методами измерения, научного наблюдения и эксперимента, а также, методами формальной логики, в частности, математической логики, например, в виде арифметических действий.

В более узком смысле под данными понимаются сигналы, сведения и сообщения в форме цифрового языка совместимого с технологиями искусственного интеллекта для их хранения, обработки и использования.

В более широком онтологическом формате под информацией понимается объективное содержание сигнала, сообщения, сведений. Расшифровка этого объективного содержания входит в задачи современной науки. В этих целях используются автоматизированные системы сбора и обработки информации. Под социальной информацией понимаются сведения, которые люди передают друг другу. На рынке информационных услуг оперативной передачей сведений о событиях занимаются медиа холдинги.

Под социальной информацией также понимается значение, которое люди на бытовом и пользовательском уровне вкладывают в сигналы, сведения и сообщения. Тем самым они осуществляют интерпретацию данных исходя из собственного мировоззрения и понимания событий.

Реклама строится на максимальном приближении к мировоззрению пользователей. Ей свойственно «усиливать» эффект воздействия на сознание пользователей социальных сетей. Основной акцент делается на новизну информации. Частое повторение рекламы трансформирует её в информационный шум и вызывает раздражение у её пользователей.

Смещение пребывания современного человека из системы знаний в систему социальной информации отразилось на цифровых поколениях в форме

клипового мышления. Это мышление фрагментировано архитектурой сообщений. Оно теряет цельность семантического восприятия информационного поля. И в таком формате оно становится уязвимым для манипулирования им в рамках информационных войн.

Согласно определению, К. Шеннона, полезная функция информации заключается в том, что она сокращает степень неопределённости у человека в конкретных вопросах, связанных с его жизнедеятельностью.

Справочная социальная информация позволяет её пользователю уменьшить неопределённость при принятии решений. Сигнальная социальная информация позволяет её пользователю быть в курсе текущих событий и оперативно строить свою деятельность.

Коммерческая информация позволяет её пользователю отслеживать важные для него экономические показатели. Конфиденциальная информация носит закрытый характер для других пользователей, что обусловлено фактором кибернетической безопасности. Биографическая информация может быть открытой для других пользователей.

Социальная информация представляется в виде схем, эскизов и изображений. Она также представляется в виде графиков, диаграмм, символов, видео, фотографий и текста. Она представляется в виде презентаций, обзоров, образцов и является важной частью выставочной деятельности. Важную роль в подаче информации играет дизайн.

Социальная информация может иметь различные уровни допуска и иметь гриф секретности. Информация и данные, имеющие такой статус, являются предметом повышенного интереса. Этот интерес реализуется институтами разведки, контрразведки, промышленного шпионажа и хакинга.

Знания вводят данные и информацию в формат системного описания процессов, свойств и объектов с позиции общей, предметной и целевой онтологии, а также онтологии ценностей. Они конфигурируют данные и информацию в контекст научного объяснения, инженерного решения и практического действия. Знания вследствие этого содержат алгоритм решения типовых задач,

методы, модели, нормативные предписания. В настоящее время формат пользования знаниями ограничен образованием, профессиональной деятельностью и научными исследованиями.

В цифровой экономике знания как ресурс используются инжиниринговыми и консалтинговыми компаниями. Эти компании создают на основе знаний инновационный продукт в виде проекта и реализуют его под интересы заказчика с последующим обслуживанием созданной ими инфраструктуры и коммуникаций. Эти компании привлекают подрядные и субподрядные организации. Консалтинговые компании занимаются аналитикой, аудитом и бизнес планированием [4].

Есть концептуальный уровень знаний, который требует владения математическим аппаратом, специальными формализованными языками. Его архитектуру формируют законы, теории, принципы, постулаты, идеалы и нормы научной деятельности.

Есть эмпирический уровень знаний, архитектуру которого формируют факты, процедуры верификации и методы сбора и обработки данных. Когда данные, информация и знания переводятся в вычислительные системы, то это делается с помощью чётких и нечётких логик. В больших языковых моделях используются нечёткие логики. В этой логике вероятность члена множества определяет степень правомерности отнесения этого члена к множеству.

Чёткие и нечёткие логики используются и в функциях аналитики. Основным ресурсом для них являются формализованные структуры, пригодные для вычислений. Всё, что оцифровывается и попадает в систему, становится частью единого вычислительного мира. ИИ не знает, что он анализирует. Он обучается структурам данных.

Он фиксирует статистические связи между словами. Он не видит изображение. Он распознаёт паттерны пикселей. Он не слышит музыку. Он кодирует частотные распределения. Он формирует конфигурации данных в пространстве вероятностей. Он обнаруживает закономерность каузальных связей. Там, где человек интерпретирует, ИИ выявляет связи [5].

Чем больше цифровых данных, тем точнее функционирует большая языковая модель [6]. Чем разнообразнее спектр цифровых данных, тем богаче её латентное пространство. Чем качественнее цифровые данные, тем устойчивее реализуется обучение. Искусственный интеллект не создаёт новые смыслы. Он выявляет скрытые конфигурации структур данных [7].

Под данными понимаются сведения в формализованном виде, доступном для анализа. Это могут быть числа, тексты, изображения, звук, видеопотоки, телеметрия или логи работы систем. Данные существуют там, где что-то может быть прочитано ИИ. Они создают для ИИ возможность мышления в форме вычисления. 80% времени специалистов по данным тратится на процессы обеспечения качества данных. Эти процессы включают очистку, подготовку и валидацию данных [8].

Норберт Винер (Norbert Wiener) и Питер Друкер (Peter Drucker) указывали, что данные, информация и знание образуют разные уровни когнитивной структуры эпистемологии. Этот тезис используется в теории управления знаниями. Под данными (Data) понимаются необработанные наблюдения, фиксации и измерения. Смысл и контекст в них ещё не расшифрован [9].

Под информацией (Information) понимаются данные, помещённые в систему отношений, когда между элементами появляется структура интерпретации. В данном контексте возникают вопросы кибернетической безопасности. Они заключаются в защите процесса получения и хранения данных и информации. Особое внимание уделяется цифровым следам. Мониторинг заключается в выявлении слабых мест в цифровой среде и защите эпистемологического процесса от несанкционированного вмешательства.

Кибернетическая безопасность включает систему методов, технологий и практик, обеспечивающих защиту цифровых систем, социальных сетей, компьютерных программ и данных от атак, кражи, повреждения или несанкционированного доступа. Она осуществляет защиту личной информации, критической инфраструктуры и финансовых ресурсов, основываясь на принципах

конфиденциальности, целостности и доступности данных. В этих целях осуществляется использование антивирусов, сложных паролей и двухфакторной аутентификации.

Кибернетическая безопасность пресекает три вида угроз. Одной из них является кибернетическое преступление. Это действия, организованные одним или несколькими злоумышленниками с целью атаковать компьютерную систему, чтобы нарушить ее работу и извлечь финансовую пользу.

Методологией кибернетической атаки реализуются действия, имеющие целью манипулирование индивидуальным и общественным сознанием. Они являются частью информационной войны с пользователями социальных сетей. Кибернетический терроризм содержит действия, связанные с формированием страха у пользователей социальных сетей с целью вербовки их для осуществления террористической деятельности.

Вредоносное программное обеспечение является инструментом кибернетических преступников. Оно распространяется под видом файлов или почтовых вложений. Вирусы заражают файлы вредоносным кодом. Чтобы распространяться внутри системы компьютера, они копируют сами себя. Троянцы маскируются форматом лицензионного программного обеспечения. Шпионское программное обеспечение тайно следит за действиями пользователя социальной сети, и собирает информацию о нём, например, данные кредитных карт. Программы вымогатели шифруют файлы и данные пользователя социальной сети. Затем кибернетические преступники требуют выкуп за восстановление данных с оплатой.

Для распространения вредоносного программного обеспечения злоумышленниками используются также приложения рекламного характера. Злоумышленниками используются также ботнеты, SQL-инъекция и фишинг. В их арсенале находятся атаки Man-in-the-Middle и DoS-атаки.

Данные генерируются повсюду. Текст, изображение, движение, звук и метка GPS становятся частью потока данных, из которого формируются обучающие корпуса искусственного интеллекта. На текстовых данных книги,

статьи, сайта, форума, научного архива, переписки и технической документации обучаются языковые модели.

К визуальным данным относятся изображения и видео, собранные из открытых источников или сгенерированные системами компьютерного зрения. К звуковым и речевым данным относятся записи речи, подкасты, субтитры и аудиокниги, используемые для обучения систем распознавания речи и голосовых ассистентов. К сенсорным и телеметрическим данным относятся сигналы от датчиков, камер, навигационных систем, промышленных и медицинских приборов. К поведенческим данным пользователей относятся клики, просмотры, маршруты и время реакции. Эти данные фиксируют не содержание, а профиль действия пользователей социальных сетей. Они используются для рекомендательных систем и анализа предпочтений [10].

Всё превращается в данные процессом оцифровки. Текст, изображение, звук и движение стали единообразными с точки зрения вычислений. Любой элемент опыта можно выразить через числа. Слово трансформируется цифровой технологией в токен (единицу текста, преобразованную в индекс). Изображение трансформируется цифровой технологией в матрицу пикселей. Звук трансформируется цифровой технологией в спектрограмму частот. Движение трансформируется цифровой технологией в координаты и временные метки.

Ручная разметка стала невозможной. На смену ей пришли автоматизированные методы. Посредством краулинга (crawling) осуществляется автоматический сбор текстов из интернета. Сенсорные сети осуществляют сбор физических данных с устройств IoT (Internet of Things) и датчиков. API и телеметрия осуществляют сбор данных через программные интерфейсы, фиксирующие поведение систем и пользователей социальных сетей. Генерация синтетических данных имеет целью создание искусственных примеров на основе уже существующих наборов данных.

Искусственный интеллект участвует в сборе данных о самом себе. Модели создают синтетические тексты, изображения и сценарии, которые ис-

пользуются для обучения других интеллектуальных систем. Это форма рекурсивного цикла. ИИ порождает данные, на которых обучаются новые интеллектуальные системы. В результате формируется мета уровень данных.

ИИ оперирует только тем, что было в его данных. Большинство обучающих наборов данных создаются в США и Китае. Это приводит к тому, что глобальные модели содержат материалы медиа. В результате возникает вопрос, насколько данные отражают разнообразие опыта человечества. Если набор данных не включает все естественные языки, ИИ не сможет их понимать. Если в данных отсутствует опыт определённых культур, ИИ не сможет его реконструировать. Если данные искажены политическими или идеологическими фильтрами, искажённым будет и поведение модели.

Контроль над данными стал формой власти. Тот, кто решает, какие данные собирать, решает, каким будет знание. Для характеристик фотографии важным является дата съёмки, географическая локация и устройство съёмки. Для характеристик текста важным является автор, язык, время публикации и лицензия. Для характеристик набора данных важным является источник, объём, структура и способ аннотации.

Чтобы данные могли обучать искусственный интеллект, они должны быть не только собраны, но и объяснены. Аннотация (annotation) обозначает процесс добавления меток, категорий, тегов, которые связывают данные с понятиями. Без аннотации нейронная сеть не знает, что изображено или сказано. Она лишь оперирует числами. Аннотация делает возможным обучение с учителем (supervised learning), когда модели сопоставляют входные данные с правильными ответами и учатся по образцу.

Но аннотация несёт в себе субъективность. Разные люди по-разному видят одно и то же явление. Поэтому даже в машинном обучении человек остаётся источником смещения (bias) [11]. Но без аннотации невозможно было бы создание большинства современных ИИ-моделей от систем распознавания лиц до генеративных трансформеров.

Формат влияет на то, как данные читаются, интерпретируются и комбинируются. Он определяет границы памяти искусственного интеллекта. Он задаёт, что можно извлечь из данных. Поэтому архитектура данных играет ключевую роль. Но на начальном этапе работы с ними искусственного интеллекта они являются только потенциальным информационным ресурсом. В рабочее состояние этот ресурс приводит векторизация. Она осуществляет перевод данных в числовую форму, доступную для обработки нейронными сетями.

Векторы называются эмбедингами (embeddings). Они создают многомерную карту, где близкие по смыслу элементы располагаются рядом, а далёкие смыслы располагаются на расстоянии. Благодаря этому ИИ может сопоставлять, искать, прогнозировать и классифицировать. Всё это основывается на отношениях между векторами, а не на понимании.

Для ИИ смысл ассоциируется со структурой близостей в эмбединг-пространстве. В этом пространстве генерируется то, что люди называют знанием. После преобразования данных в векторы начинается обучение ИИ. Это процесс, в котором языковая модель ищет закономерности, связывая входные данные с внутренними параметрами. В классическом машинном обучении (machine learning) это происходит через оптимизацию весов числовых коэффициентов, регулирующих силу связей между нейронами.

Когда языковая модель делает ошибку, она корректирует веса с помощью алгоритма обратного распространения ошибки (backpropagation), разработанного Полом Вербосом.

То, что люди называют знанием, в машинной архитектуре существует как распределённая память. Это миллиарды весов, в которых зафиксированы статистические связи между элементами обучающего набора.

Искусственный интеллект полностью зависит от тех данных, на которых обучен. Это делает качество данных решающим фактором. Если данные неполные, шумные или смещённые, модель воспроизводит эти ошибки в своих выводах. Поэтому модели, обученные на ограниченных корпусах, демонстрируют культурные или языковые искажения. Когда языковая модель отвечает

на вопрос или создаёт текст, она активирует веса, изменённые в ходе обучения. Она воспроизводит закономерности, закреплённые в данных. Её ответ является реактивацией структурных следов.

В современных интеллектуальных системах эмбединги сохраняются отдельно от основной модели. Это позволяет моделям обращаться к внешним источникам знаний, находить похожие случаи и формировать отклики, более приближённые к контексту. В результате создаётся гибридная память. Часть её находится в весах, а ещё одна её часть находится во внешних данных.

В цифровой онтологии информацией является устойчивая конфигурация данных. Она не существует до акта обработки, но возникает в момент вычисления. Корпорации, пользующиеся искусственным интеллектом, не только используют данные. Они присваивают процесс наблюдения. Данные пользователей становятся сырьём для обучения моделей, часто без согласия пользователей социальных сетей. Этот феномен Шошана Зубофф (Shoshana Zuboff) назвала «капитализмом слежки» (surveillance capitalism). Это система, где личная жизнь становится источником прибыли.

Каждый запрос в поиске, каждая фотография, каждая пауза перед кликом становится элементом статистической модели, обучающей другие интеллектуальные системы. В результате сформировались угрозы приватности в эпоху искусственного интеллекта. Деанонимизацией обозначается возможность ИИ восстановить характеристики конкретной личности по обезличенным данным. Термином «Утечки данных» обозначается потеря контроля над хранилищами ИИ, где собирается личная информация.

Термином «Профилирование» обозначается построение психологических и поведенческих моделей пользователей для рекламы, политики или манипуляций. Термином «Инференция» обозначается способность ИИ обнаружить конфиденциальную информацию, даже если она явно не предоставлена в социальной сети.

Данные производят смысл. Мышление становится производной статистики. Каждый объект оставляет цифровой след. Каждое действие оставляет

координату. Каждое состояние оставляет сигнал. В технологиях ИИ произошёл переход к навигации в огромных объемах цифровых данных. В результате цифровая среда стала влиять на мышление человека. Особенно это заметно по роли цифровых платформ и цифровых экосистем в организации информационного пространства современного человека.

Информация создается цифровым контекстом, поскольку он предопределяет специфику эпистемологического объекта. Цифровые данные считаются объективным доказательством (*objective evidence*).

Содержащиеся в тексте языковые единицы и их сочетания, и выявленный цифровым алгоритмом паттерн становится нередко самодостаточным свидетельством значения. Но за нейтральными и объективными корпусами стоят интерпретаторы дизайнеры аналитических параметров их формирования. Цифровые технологии обнаруживают закономерности, но не предлагает объяснений. Поэтому обычно вмешательство человека встроено в цифровой объект, если рассматривать его как историю контактов человека с технологическим приспособлением.

Человек как агент приспосабливается к технологической системе и вводит те данные, которые она может обработать. Технологическая система выдает ответы. Является важным не столько сам цифровой объект, сколько инфраструктурная система отношений вокруг него.

Обработка текста может давать ряд токенов на одно и то же неверно распознанное слово, что требует дополнительной правки вручную. В итоге выясняется, что токен как вид данных является не объективно данным в тексте феноменом, а конструктом, возникающим во взаимодействии человека и инструмента. Одно и то же слово может восприниматься в разных контекстах, но это будет один и тот же токен.

Игра слов, и обычное употребление будут распознаваться как одна единица. Между двумя токенами в тексте можно установить статистически значимую связь, но это не всегда может иметь смысл. Вычленять в тексте слова,

которые с наибольшей вероятностью будут встречаться рядом трудно, поскольку между ними есть совпадение, но не обязательно есть причинно-следственные отношения.

Разработка пользовательского интерфейса, делающего интервенции в корпус исходных данных возможными может быть решением проблемы. Процедуры отбора, селекции, обработки данных в этом интерфейсе прозрачны. Каждая интервенция предлагается пользователю отдельно, и ее возможные ограничения учитываются заранее. Цифровая эпистемология в области политической философии изучает тематику, связанную с понятиями цифрового империализма и цифрового колониализма [12].

Список используемых источников

1. Viola, L. *Humanities in the Digital: Beyond Critical Digital Humanities*. N.Y.; L.: Palgrave Macmillan, 2023. – XXVI, 173 p.
2. Carter, J. A. *Digital Knowledge A Philosophical Investigation*. – Routledge, 2025 – 206p.
3. Dotan, R. Theory choice, non-epistemic values, and machine learning // *Synthese*. 2021. Vol. 198. P. 11081 – 11101.
4. Grim, P., Singer, D. *Computational Philosophy* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2022 Edition) / Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/computational-philosophy/>
5. Ingvarsson, J. *Towards a Digital Epistemology: Aesthetics and Modes of Thought in Early Modernity and the Present Age*. Cham, Switzerland: Springer International Publishing, 2021 – 140p.
6. Mar, G.R., Grim, P., Denis, P.S. *The Philosophical Computer: Exploratory Essays in Philosophical Computer Modeling*. London: MIT Press, 1998 – 333p.
7. Mayo-Wilson, C., Zollman, K.J.S. The computational philosophy: simulation as a core philosophical method // *Synthese*. 2021. Vol. 199. P. 3647–3673.
8. Rugai, N. *Computational Epistemology: From Reality To Wisdom*. Brooklyn: Lulu.com Press, 2012. – 304 p.

9. Thagard, P. *Computational Philosophy of Science*. Cambridge, Massachusetts: Bradford Books, 1993– 256 p.

10. Vámos, T. *Knowledge and Computing: Computer Epistemology and Constructive Skepticism*. – Budapest: Central European University Press, 2010. - 210 p.

11. Aleksandr Lojko. *Biases of natural and artificial intelligence: Social costs and risks*. – Our Knowledge Publishing, 2024 – 96p.

12. Loiko, A.I. Digital colonialism and national movements for digital independence // *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2026. Vol. 10, iss. 1. P. 52–56. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2026-10-1-52-56>

Основные направления философии

Азанович А.М., Лойко А.И.

Философия, как дисциплина, возникла в глубокой древности и на протяжении веков развивалась, порождая множество направлений и школ. Она охватывает широкий спектр вопросов, касающихся бытия, знания, морали и человеческого существования. В данной работе мы рассмотрим основные направления философии, их историческое развитие, ключевых мыслителей и влияние на современную мысль.

Античная философия зародилась в Древней Греции в VI веке до н.э. Первые философы, такие как Фалес, Анаксимандр и Анаксимен, пытались объяснить природу и происхождение мира без обращения к мифологическим объяснениям. Они искали единый принцип (архэ), который мог бы объяснить все существующее.

С течением времени философия стала более систематизированной. Сократ, Платон и Аристотель стали ключевыми фигурами античной мысли:

- Сократ (469–399 гг. до н.э.) сосредоточился на этике и морали. Его метод диалога стал основой для последующей философской практики.
- Платон (427–347 гг. до н.э.) разработал теорию идей, утверждая, что мир материальных объектов – это лишь отражение идеального мира.
- Аристотель (384–322 гг. до н.э.) систематизировал знания своего времени и ввел понятие логики как инструмента философского анализа.

Античная философия оказала огромное влияние на развитие науки, политики и этики в последующие века. Платон и Аристотель заложили основы метафизики и политической философии, которые продолжают оказывать влияние на современное общество.

Средневековая философия (V-XV века) развивалась под влиянием христианства и исламской мысли. Главными темами этого периода стали вопросы веры и разума, а также отношения между Богом и человеком.

- Августин Аврелий (354–430 гг.) связывал христианскую веру с платонизмом, утверждая, что истинное знание можно получить только через Бога.

- Фома Аквинский (1225–1274 гг.) пытался примирить христианство с аристотелизмом, разработав теорию натурального права и доказательства существования Бога.

Средневековая философия сыграла ключевую роль в формировании теологических концепций и подготовила почву для Возрождения. Философские идеи этого периода оказывали влияние на развитие науки, особенно в области естественных наук.

Период Нового времени (XVII-XVIII века) характеризуется переходом от теоцентризма к антропоцентризму. Философы этого времени сосредоточились на разуме и опыте как источниках знания.

- Рене Декарт (1596–1650 гг.) ввел метод сомнения и утверждал: "Cogito, ergo sum" ("Я мыслю, следовательно, я существую"). Он положил начало современному рационализму.

- Джон Локк (1632–1704 гг.) выступал за эмпиризм, утверждая, что все знания происходят из опыта.

- Иммануил Кант (1724–1804 гг.) предложил синтез рационализма и эмпиризма, разработав концепцию трансцендентальной философии.

Новая философия оказала значительное влияние на развитие науки и политики, способствуя возникновению идей Просвещения. Философы этого периода способствовали формированию новых взглядов на природу человека и общества. Философия представляет собой живую дисциплину, которая продолжает развиваться и адаптироваться к новым вызовам времени. Основные направления философии – от античной до современной – формируют наше понимание мира и места человека в нем. Изучение этих направлений не только углубляет наши знания о философской традиции, но и помогает нам осмысливать актуальные вопросы современности.

Список использованных источников

1. Кант И. "Критика чистого разума".: эссе. Рига: И. Ф. Харткнох, 1781.
2. Декарт Рене "Размышления о первой философии": философия. Париж: 1640.
3. Сартр Жан-Поль "Бытие и ничто". – Москва: АСТ Москва, 2009
4. Хайдеггер Мартин "Бытие и время". – 1927
5. М. Фуко "Триада слова идеи вещи". – Франция: 1966

Конфликт суверенитета и прав человека в цифровой реальности

Арабей Д.А., Лойко А.И.

Цифровая трансформация породила новое пространство существования – киберпространство, где действуют не физические, а информационные законы. Это ставит перед философией права и этики фундаментальные вопросы.

Проблема кибербезопасности перестала быть только технической – она стала философской дилеммой, затрагивающей основы государственности и человеческой автономии. Данная работа ставит целью выявить и проанализировать главные философские противоречия, возникающие в сфере кибербезопасности. Традиционная вестфальская модель суверенитета, основанная на территориальности и монополии на силу, сталкивается в цифровой среде с тремя проблемами:

1. Детерриториальность. Угроза может физически исходить из одной страны, технически – через серверы второй, а управляться – из третьей. Территориальная юрисдикция теряет смысл.

2. Конкуренция акторов. Государство больше не монополист. Транснациональные корпорации (владеющие инфраструктурой), хактивисты и киберпреступники обладают сравнимой с ним мощностью.

3. Конфликт ценностей. Желание государства контролировать информационные потоки (киберсуверенитет) сталкивается с изначальной глобальностью и открытостью Сети.

Возникает философский парадокс: стремление к абсолютной цифровой безопасности через изоляцию (data localization, суверенный интернет) подрывает основу технологического прогресса – открытый обмен информацией. Ответом становится сдвиг парадигмы: от суверенитета как контроля к суверенитету как цифровой устойчивости (resilience).

Это означает не изоляцию, а способность государства и общества защищать критическую инфраструктуру, данные граждан и обеспечивать непрерывность жизненно важных услуг в условиях постоянных киберугроз.

Если для государства вызов – суверенитет, то для личности главная угроза – утрата автономии через total dataveillance (тотальную слежку на основе данных). Классическое право на приватность (тайну переписки, личную жизнь) устарело в мире больших данных.

Сегодня собирается не содержание сообщений, а метаданные (кто, кому, когда, где), которые при массовом анализе раскрывают картину жизни точнее, чем сами переговоры. Алгоритмы создают цифрового двойника – прогнозную модель личности, которая может манипулировать поведением (таргетированная реклама, политические нарративы) или дискриминировать (кредитный скоринг, предсказательная полиция).

Таким образом, философия права стоит перед необходимостью защитить право на цифровую самость (digital self-determination). Его элементы:

Право на неинтерпретируемость: Человек не может быть принудительно сведен к набору алгоритмических прогнозов.

Право на смысловую целостность: Защита от глубоких фейков и кибертравли, разрушающих цифровую идентичность.

Право на алгоритмическую справедливость: Запрет дискриминации решений ИИ (например, в выдаче кредитов или найме на работу).

Кибербезопасность личности – это защита не данных, а права на свободу воли в среде, стремящейся эту волю предсказать и контролировать.

Философский анализ позволяет сделать два основных вывода о природе кибербезопасности:

1. Это проблема баланса, а не границ. Конфликт между безопасностью и свободой, суверенитетом и глобализацией, контролем и инновациями неустраним. Его можно лишь управляемо уравновешивать через прозрачное законодательство и международное сотрудничество.

2. Это антропологическая проблема в первую очередь. Главный объект защиты в киберпространстве – не инфраструктура, а человеческое достоинство и способность к автономному выбору. Технические меры защиты бессмысленны без философского и правового фундамента, ставящего человека в центр. Философия выполняет критическую функцию: она не дает свести кибербезопасность к узкотехнической задаче, постоянно напоминая, что конечная цель – не безопасность систем, а безопасность и свобода человека, использующего эти системы.

Список использованных источников

1. Лессинг Л. Код и другие законы киберпространства. М., 2018
2. Зинченко В.А., Романец Ю.В. Правовые основы информационной безопасности // Государство и право. 2020. № 8.

Сознание и искусственный интеллект

Буйко О.И., Лойко А.И.

Вопрос о природе сознания – это один из самых сложных и древних в философии. Что такое сознание? Способность мыслить, чувствовать, представлять, фантазировать иметь субъективный опыт? Или это просто результат работы сложного "биологического компьютера" – нашего мозга? Сегодня эти вопросы стали еще острее с развитием искусственного интеллекта (ИИ). Может ли груда металла и электрических цепей, или же просто машина, обладать сознанием или она лишь его искусная имитация?

Современный ИИ – это прежде всего, сложные компьютерные программы и алгоритмы, огромные вычислительные мощности. Они созданы для решения конкретных задач: распознавания образов и алгоритмов поведения, перевода языков и распознавание новых неизвестных нам до этого, управления системами и в случае чего искать способ ускорить или же оптимизировать данный процесс. В основе их работы лежат математическая логика и обработка невероятного количества данных.

Нейронные сети или как их принято называть обывателями – нейросети, например, учатся находить закономерности, но делают они это через анализ миллионов примеров, а не через понимание в человеческом смысле. Можно сказать – они вычисляют, а не мыслят в нашем понимании.

Ключевое отличие, на мой взгляд, лежит в области субъективности. Человеческое сознание – это не только обработка информации. Это чувства, эмоции, самосознание, внутренний мир, который философы называют "квалиа". Когда мы видим красный цвет – мы переживаем ощущение красноты. ИИ же просто анализирует определенную длину волны света и выдает метку «красный». У него нет внутреннего переживания.

Многие разработки сегодня – голосовые помощники, чат-боты, системы принятия решений – демонстрируют удивительную способность ИИ к диалогу. Они используют обратную связь и машинное обучение для улучшения

своих ответов. Однако, их "понимание" ограничено синтаксисом и семантикой, заложенными в их алгоритмы человеком.

Они не осознают смысл сказанного, они находят наиболее подходящий ответ на основе изученных ими ранее шаблонов. Сфера применения ИИ огромна – от "умных" станков и беспилотных машин до медицины и управления энергосистемами. Человек здесь часто выступает в роли оператора или контролёра. В этом взаимодействии – суть современного этапа: ИИ расширяет наши возможности, но не заменяет наше сознание. Он – мощный инструмент.

Философы часто проводят параллель с мысленным экспериментом "Китайская комната" Джона Сёрла. Человек в комнате, следуя правилам, манипулирует иероглифами, не зная китайского, но создает впечатление понимания для внешнего наблюдателя. Так и ИИ – он манипулирует символами по правилам, без подлинного осмысления.

Он симулирует интеллектуальное поведение, но не обладает интенциональностью – направленностью сознания на объект. Опасения насчет того, что ИИ обретет сознание и выйдет из подконтроля, связаны с идеей технологической сингулярности. Пока же реальные риски носят иной характер – этические: влияние на рынок труда, вопросы приватности данных, ответственность за решения, принятые алгоритмами.

Таким образом, современный искусственный интеллект – это блестящая инженерная имитация отдельных когнитивных функций. Он работает с информацией, но не порождает смыслы самостоятельно. Он может учиться, но не имеет намерений.

Сознание же человека – это целостный, живой субъективный опыт, включающий не только логику, но и эмоции, интуицию, самосознание. ИИ заставляет нас задуматься не столько о том, может ли машина мыслить, сколько о том – что же такое наше собственное мышление и сознание? Пока что, ответ на этот вопрос остается прерогативой человеческой философии.

Список использованных источников

1. Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Философия» / Белорусский национальный технический университет, Кафедра «Философские учения»; сост.: А. И. Лойко [и др.]; под общ. ред. А. И. Лойко. – Минск: БНТУ, 2023.

Философия в профессиональной деятельности специалиста

Гребенёк Е., Лойко А.И.

Современная профессиональная среда характеризуется высокой динамичностью, технологической сложностью и непрерывным обновлением знаний. В этих условиях понятие профессионализма трансформируется: от специалиста уже недостаточно требовать лишь владения узкоспециализированными навыками и набором алгоритмов.

На первый план выходит способность к системному мышлению, критическому анализу и этической оценке своих действий. Именно здесь философия перестает быть абстрактной теоретической дисциплиной и становится важнейшим практическим инструментом профессиональной деятельности. Философия в работе специалиста выступает не как набор оторванных от жизни догм, а как фундаментальная методологическая база, позволяющая осмыслить свое место в системе разделения труда, понять социальную значимость своей профессии и выстроить эффективную стратегию взаимодействия с миром.

Первостепенная роль философии в профессиональной деятельности заключается в формировании мировоззренческого стержня. Любой специалист, будь то инженер, врач, педагог или управленец, действует не в вакууме, а в сложной системе общественных отношений.

Философская подготовка позволяет работнику выйти за рамки механического выполнения должностных инструкций и задаться вопросами целеполагания: «Ради чего я это делаю?» и «К каким последствиям это приведет?». Онтологический аспект философии помогает специалисту видеть целостную картину мира, понимая, как его конкретная задача встроена в общую структуру реальности. Такое системное видение предотвращает профессиональную узость и позволяет находить нестандартные решения на стыке дисциплин, что особенно актуально в эпоху междисциплинарных исследований и проектов.

Не менее значимой является гносеологическая, или познавательная, функция философии. Профессиональная деятельность – это всегда процесс познания, решения проблем и поиска истины в рамках своей компетенции.

Философия вооружает специалиста методами логического мышления, учит отличать достоверное знание от мнения, причину от следствия, сущность от явления. В эпоху информационного шума и «постправды» навык критического мышления, базирующийся на философской культуре, становится главным защитным механизмом.

Специалист, владеющий основами логики и методологии науки, способен эффективно фильтровать информацию, верифицировать данные и избегать когнитивных искажений. Он понимает ограниченность любого метода и необходимость постоянного пересмотра устаревших парадигм, что является двигателем инноваций и прогресса в любой отрасли.

Особое место в структуре профессиональной деятельности занимает этическая компонента. Деонтология – учение о долге и моральных обязательствах – является прямым продуктом философского знания. Профессиональная этика не сводится к простому соблюдению корпоративного кодекса; это глубокая внутренняя рефлексия о добре и зле в контексте своей работы.

Для врача это вопросы биоэтики, для инженера – экологическая ответственность и безопасность технологий, для юриста – соотношение законности и справедливости. Философия не дает готовых ответов на сложные моральные дилеммы, но она предоставляет инструментарий для их анализа.

Без этического фундамента высокий профессионализм может стать опасным: история знает множество примеров, когда блестящие технические специалисты создавали антигуманные системы, не задумываясь о моральной стороне вопроса. Таким образом, философия выступает «совестью» профессии, гуманизируя технический и экономический прогресс.

Кроме того, философия играет ключевую роль в социальной адаптации и коммуникации специалиста. Профессиональная деятельность – это всегда взаимодействие: «человек-человек», «человек-техника», «человек-знаковая

система». Социальная философия и философская антропология дают ключи к пониманию человеческой природы, мотивов поведения и механизмов социальных конфликтов.

Это критически важно для управленцев, HR-специалистов и всех, кто работает в команде. Умение вести диалог, аргументировать свою позицию, понимать инакомыслие и находить компромиссы – это навыки, корни которых уходят в диалектику и риторику.

Философская культура речи и мышления повышает качество профессиональной коммуникации, позволяя переводить сложные специализированные концепции на язык, понятный обществу и заказчикам.

Стоит также отметить экзистенциальный аспект. В условиях высоких стрессовых нагрузок, риска профессионального выгорания и кризиса смыслов философия выполняет терапевтическую функцию. Она помогает специалисту справляться с ситуациями неопределенности, переосмысливать неудачи не как крах, а как опыт, и находить внутренние опоры в моменты неопределённости. Вопросы самореализации, творчества и свободы в труде являются классическими философскими проблемами.

Осмысленное отношение к своей карьере как к пути самосовершенствования, а не только как к источнику заработка, формирует устойчивую профессиональную идентичность. Философия помогает преодолеть отчуждение от труда, возвращая работнику ощущение авторства собственной жизни и результатов своей деятельности.

В контексте футурологии и прогнозирования философия позволяет специалисту развивать стратегическое мышление. Мы живем в мире, где многие профессии исчезают под натиском автоматизации и искусственного интеллекта. В этой гонке выигрывает тот, кто способен генерировать новые смыслы, а не просто обрабатывать данные. Философский склад ума развивает креативность и прогностические способности, позволяя предвидеть тренды и готовиться к вызовам будущего. Способность задавать фундаментальные вопросы о границах применимости технологий и векторе развития цивилизации делает

специалиста субъектом, влияющим на будущее своей отрасли, а не объектом, пассивно принимающим изменения.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно утверждать, что философия является неотъемлемым компонентом профессионализма высшего уровня. Она не заменяет специальные знания, но служит фундаментом, на котором эти знания выстраиваются в систему. Философия в профессиональной деятельности выполняет мировоззренческую, методологическую, этическую и социально-коммуникативную функции.

Она трансформирует узкого специалиста в интеллектуала, способного к критической рефлексии, ответственному выбору и творческому созиданию. В современном мире, перенасыщенном технологиями, именно гуманитарная, философская составляющая становится тем конкурентным преимуществом, которое невозможно автоматизировать.

В конечном счете, философия возвращает в профессиональную деятельность человеческое измерение, делая труд не просто функцией экономики, а формой осознанного бытия и служения обществу.

Список использованных источников

1. Поппер К. Р. Логика научного исследования / К. Р. Поппер; пер. с англ. – Москва: АСТ, 2010. – 576 с.
2. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика: учебник / А. А. Гусейнов Р. Г. Апресян. – Москва: Гардарики, 2007. – 472 с.
3. Отческа Т. И., Жукова П. Д. Введение в специальность и профессиональная этика: учебное пособие / Т. И. Отческа, П. Д. Жукова; под. ред. Т. И. Отческа. – Москва: Проспект, 2023. – 111 с.

Мифологизация социальной реальности в условиях цифровой информационной среды

Коноплёва С.М., Коноплёва А.М., Вайнилович Э.Г.

В условиях трансформации информационного пространства в XXI веке особую актуальность приобретает изучение механизмов формирования представлений о социальной реальности. Одним из ключевых элементов такого процесса выступает миф как особая форма осмысления действительности, оказывающая влияние на восприятие и интерпретацию окружающего мира.

Миф – обобщенное представление о действительности, сочетающее и нравственные, и эстетические установки, соединяющее реальность с мистикой. То есть, это всегда представление в значительной мере иллюзорное, но в силу своей этической и художественной привлекательности оказывающее большое воздействие на массовое сознание [4, с. 124].

В философии и социальной теории процессы формирования представлений о действительности рассматриваются как важная составляющая общественного сознания, в рамках которой происходит осмысление и интерпретация социальной реальности [5].

В условиях современной информационной среды особую актуальность приобретает изучение механизмов формирования общественных представлений. При этом, как отмечал Эдвард Бернейс – американский специалист по связям с общественностью, влияние на массовое сознание может осуществляться через системное формирование моделей восприятия и интерпретации социальной реальности [1].

Важно понимать, что формирование представлений о социальной реальности является необходимым элементом общественного сознания. В социальной философии этот процесс рассматривается как условие целостности и устойчивости. Проблема подмены реальности мифом возникает тогда, когда формируемые представления становятся закрытыми и перестают допускать

альтернативные точки зрения. В результате формируются устойчивые представления о социальных процессах, упрощающие их понимание и восприятие.

Представление о том, что подобные механизмы основываются исключительно на искажении информации, является упрощением: на практике их воздействие чаще реализуется через выборочную подачу фактов в рамках определенной системы значений.

В цифровой информационной среде распространение знаний и представлений приобретает сложный и многоуровневый характер, что затрудняет четкое разграничение источников информации и способов ее интерпретации.

Эффективность этих процессов во многом обусловлена особенностями человеческой психики. Гюстав Лебон – французский социальный психолог – указывал, что массовое сознание склонно мыслить простыми образами, которые заменяют логические доводы [3]. В результате сложные явления социальной реальности нередко интерпретируются через упрощенные схемы и противопоставления («свой – чужой», «порядок – хаос»), что создает ощущение определенности и снижает необходимость в критическом анализе.

Процесс социальной идентификации неизбежно связан с подобными дихотомиями, где образ «Другого» наделяется характеристиками, противоположными ценностями данной группы. Это способствует формированию устойчивых представлений без обращения к рациональной аргументации.

Особую роль в подмене реальности мифом играет язык. Использование эвфемизмов – замены прямых названий явлений на нейтральные или позитивные термины – позволяет маскировать острые социальные проблемы под абстрактными образами, лишая аудиторию возможности критически оценивать происходящее [4].

Реальность постепенно трансформируется в систему устойчивых речевых конструкций, которые воспринимаются как истина в силу их частого повторения в медиасреде. Дополнительно используются приемы «сияющих обобщений», когда определенные представления связываются с понятиями,

вызывающими безусловное доверие (свобода, прогресс, справедливость), что отключает рациональный фильтр восприятия у слушателя.

В современную эпоху избыток информации в интернете не способствует развитию критического мышления, а, напротив, формирует агрессивный информационный шум. Алгоритмы социальных сетей создают «эхо-камеры», где пользователь сталкивается преимущественно с контентом, соответствующим его взглядам [2].

Таким образом, миф в условиях цифровой информационной среды выступает важным элементом формирования представлений о действительности, влияя на процессы интерпретации и понимания социальной реальности. В этой связи развитие медиаграмотности и критического мышления становится необходимым условием адекватного восприятия информации.

Список использованных источников

1. Бернейс, Э. Пропаганда / Э. Бернейс; пер. с англ. И. Веремеева. – Москва: Альпина Паблишер, 2010. – 176 с.
2. Propaganda as a Method of Influence on Collective Consciousness // Социальные и гуманитарные науки: сборник научных трудов. – 2020. – С. 215–220.
3. Лебон, Г. Психология масс / Г. Лебон. – Москва: АСТ, 2016. – 320 с.
4. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием: учебное пособие / С. Г. Кара-Мурза. – Москва: Алгоритм, 2000. – 736 с.
5. Спиркин А.Г. Философия: Учебник для технических вузов. – М.: Гардарики, 2000. – 368 с.

Философия Возрождения

Гук Д. Ю., Лойко А.И.

Эпоха Возрождения (XIV-XVI века) представляет собой один из важнейших периодов в истории европейской цивилизации, ознаменовавший переход от средневекового богоцентризма к антропоцентризму. Философская мысль этого времени не образует единой системы, а скорее характеризуется разнообразием идей, объединенных стремлением к обновлению, интересом к античной классике и верой в безграничные возможности человеческого разума. Настоящий анализ призван исследовать ключевые черты, направления и историческое значение ренессансной философии, послужившей основой для формирования новоевропейского мышления.

Возникновение и развитие ренессансной философии обусловлено рядом социально-экономических и культурных факторов: расцветом городов-государств и торговли, ослаблением феодальных устоев и влияния Церкви, Великими географическими открытиями, изобретением книгопечатания и кризисом схоластической философии.

К числу характерных черт ренессансной философии относятся:

Антропоцентризм: человек становится центром философского осмысления, его достоинство, свобода воли, творческий потенциал и способность к развитию признаются приоритетными.

Гуманизм: возникает движение, связанное с изучением и возрождением античного наследия (лингвистика, ораторское искусство, поэзия, история, этика). Гуманисты видели в этом путь к формированию гармоничной, независимой и социально активной личности.

Ослабление религиозного влияния: философская мысль постепенно освобождается от непосредственного влияния церковных догм, хотя и остается в рамках христианской культуры; появляется тяготение к земной жизни, ее удовольствиям и политическим дискуссиям.

Признание ценности искусства и творчества: искусство и созидательная деятельность приобретают значимость, а художник и мыслитель приравниваются к Творцу. Это воплощается в концепции "универсального человека", обладающего разносторонними талантами. Интерес к натурфилософии: природа понимается как живая, одухотворенная целостность, подчиняющаяся своим законам. Постигание этих законов становится важной задачей, что заложило фундамент для научной революции XVII века.

Гуманистическое направление: ранние итальянские гуманисты противопоставили средневековому аскетизму идеал деятельной жизни, ценность индивидуальности и признания. Лоренцо Валла в своем трактате "О наслаждении" предложил этическое учение, сочетающее христианскую добродетель с разумным эпикурейством.

В Северной Европе гуманизм приобрел более религиозный и социальный характер. Эразм Роттердамский в "Похвале глупости" критиковал недостатки общества и церкви, отстаивая идеалы "философии Христа". Томас Мор в "Утопии" описал проект идеального общества, основанного на равенстве, отсутствии частной собственности и рациональном распределении труда.

Натурфилософия: это направление стремилось постичь природу как единое живое целое, опираясь на идеи неоплатонизма, герметизма и пантеизма. Николай Кузанский представил концепцию "ученого незнания", согласно которой Бог недоступен для человеческого разума. Он также обосновал идею бесконечности Вселенной и относительности ее центра, подрывая средневековую картину мира.

Философия Возрождения сыграла ключевую роль в переходе от средневековой к современной европейской цивилизации. Она изменила представление о роли человека во Вселенной, расширила интеллектуальный горизонт Европы за счет обращения к античным источникам и подготовила почву для развития научного естествознания.

В заключение следует отметить, что ренессансная философия, преодолевая рамки средневековой схоластики, создала синтез свободы, творческого

вдохновения и уважения к мудрости прошлого, став связующим звеном между двумя эпохами в истории европейской цивилизации.

Список использованных источников

1. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. – М.: Высшая школа, 1980.
2. Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. – М.: Наука, 1978.
3. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1978.
4. Соколов В.В. Европейская философия XV–XVII веков. – М.: Высшая школа, 2003.
5. Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры. – СПб.: Мифрил, 1996.

Философия техники: от инструмента к антропологической матрице

Демиденко Д. М., Лойко А.И.

Философия техники как самостоятельная философская дисциплина оформилась относительно недавно, во второй половине XIX – начале XX века. Однако осмысление феномена техники уходит корнями в античность.

Актуальность темы обусловлена тотальной технологизацией современного общества, когда техника перестала быть просто совокупностью артефактов и превратилась в определяющую силу, трансформирующую природу человека, социальные отношения, этические нормы и саму реальность.

Цель данной работы – проанализировать эволюцию понимания техники в философской мысли: от классической инструментально-антропологической концепции до неклассических подходов, рассматривающих технику как автономную среду и сущностную характеристику человеческого бытия. В задачи входит: рассмотреть ключевые этапы становления философии техники, проанализировать основные концепции (Э. Каппа, Ф. Дессауэра, М. Хайдеггера, Ж. Эллюля) и выявить специфику современного технофеномена.

В античной философии (Аристотель) техника (др. – греч. τέχνη) понималась как искусство, мастерство, умение создавать то, что может либо быть, либо не быть. Это была не просто сумма операций, а *logos poiētikos* – знание, направленное на производство. Техника была подчинена природе (*physis*) и рассматривалась как подражание ей (*mimesis*) и помощь ей.

Кардинальный сдвиг в понимании техники происходит в Новое время с становлением экспериментального естествознания (Ф. Бэкон, Р. Декарт). Лозунг Бэкона «Знание – сила» провозгласил новую цель: не созерцание природы, а ее покорение и преобразование. Техника становится главным инструментом реализации этого проекта. Механицизм как общенаучная парадигма переносит образ машины на мироздание в целом, что закладывает основы для восприятия мира как ресурса.

Немецкая классическая философия (И. Кант) закрепила за техникой статус «умения» в рамках категорического императива, однако именно в XIX веке начинается процесс ее философской тематизации.

Оформление философии техники как отдельной дисциплины связано с именами Эрнста Каппа, Фридриха Дессауэра и Петра Энгельмейера. «Органопроекция» Эрнста Каппа. В работе «Основания философии техники» (1877) Капп выдвинул идею «органопроекции»: человек бессознательно проецирует формы и функции своих собственных органов вовне, создавая технические артефакты. Молоток – проекция сжатого кулака, крюк – согнутого пальца, телеграф – проекция нервной системы. Таким образом, техника выступает как продолжение и усиление человеческого тела.

«Четвертое царство» Фридриха Дессауэра. Дессауэр развивал трансценденталистский подход. Он полагал, что техническое изобретение есть акт причастности к божественному творению. Изобретатель не просто создает новое, но «извлекает» техническую форму из царства «вещей-в-себе», открывая возможность, изначально заложенную в мироздании. Созданные техникой предметы образуют «четвертое царство» (после минералов, растений и животных), которое обладает реальным, объективным бытием.

«Техницизм» Петра Энгельмейера видел в технике могущественную силу, способную переустроить жизнь человечества на рациональных началах. Он рассматривал философию техники как связующее звено между инженерной деятельностью и гуманитарным знанием.

Эти классические концепции, несмотря на их различия, сходятся в одном: техника понимается как продукт человеческого разума и воли, инструмент для достижения человеческих целей. Кризис этого инструменталистского подхода становится очевиден в XX веке.

Неклассический подход отказывается видеть в технике нейтральный инструмент. Он акцентирует внимание на ее автономии, системности и способности определять человеческое существование.

«Вопрос о технике» Мартина Хайдеггера. Это центральный текст неклассической философии техники. Хайдеггер различает традиционную технику, которая была «помощью» природе, и современную, которая ставит природу на службу, превращая ее в «постав» (Gestell). Постав – это не сама техника, а способ раскрытия потаенности мира, при котором все сущее (включая самого человека) низводится до статуса «ресурса» (Bestand), готового к потреблению и использованию.

Человек в эпоху постав сам оказывается в его власти, теряя свою сущность. Таким образом, техника для Хайдеггера – это не просто инструмент, а фундаментальный способ бытия человека в современном мире.

«Технологический детерминизм» Жака Эллюля. Французский социолог ввел ключевое понятие «La Technique» (с большой буквы). Это не совокупность машин, а тотальный феномен, «совокупность методов, рационально обработанных и обладающих абсолютной эффективностью в каждой области деятельности». Техника становится автономной средой, которая диктует человеку свои законы, подчиняет его логике эффективности и целесообразности, превращая его из субъекта в объект собственной деятельности.

В эпоху цифровых технологий, искусственного интеллекта и биотехнологий идеи Хайдеггера и Эллюля обретают новое звучание. Техника сегодня – это не просто среда, а антропологическая матрица, активно перекодирующая саму человеческую природу.

Симбиоз человека и машины. Развитие кибернетики, интернета вещей, нейроинтерфейсов стирает границу между органическим и искусственным. Человек становится «киборгом», чье сознание, коммуникация и телесность опосредованы техническими системами.

Техника как «социальный конструкт». Современные исследования науки и технологий (STS – Science and Technology Studies) подчеркивают, что техника не автономна, а является продуктом социальных практик, культурных

ценностей и властных отношений (концепции Д. Маккензи, У. Бижкера). Однако, будучи созданной, она начинает оказывать обратное, конституирующее влияние на общество.

Этические вызовы. Философия техники сегодня сфокусирована на этических проблемах: ответственность в условиях автономных систем (ИИ), приватность в цифровую эпоху, геновая инженерия и редактирование генома, проблема алгоритмической предвзятости.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о фундаментальной трансформации статуса техники в философской рефлексии. От понимания техники как внешнего инструмента, через осознание ее проективной (Капп) и творческой (Дессауэр) природы, философская мысль пришла к пониманию техники как онтологической структуры, определяющей способ раскрытия мира (Хайдеггер), и как тотальной автономной системы (Эллюль).

В современную эпоху техника окончательно вышла за рамки инструментальной функции, став антропологической матрицей, которая активно формирует новый тип человека – «homo technologicus». Это ставит перед философией техники новые, беспрецедентные задачи, связанные с необходимостью выработки этических и метафизических оснований для существования человека в условиях тотальной технологической среды. Будущее человечества зависит от того, сумеет ли оно не просто адаптироваться к этой среде, но и подчинить ее развитие подлинно гуманистическим целям.

Список использованных источников

1. Хайдеггер, М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 221-238.
2. Эллюль, Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 147-152.
3. Эллюль, Ж. Технологический блеф / Пер. с фр. – М.: ИРИСЭН, 2012. – 352 с.

4. Горохов, В. Г. Знать и понимать философию техники: от инженерной культуры к технологической // Вопросы философии. – 2019. – № 5. – С. 85-96.
5. Капп, Э. Основные направления философии техники // Немецкая философия техники. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. – С. 45-78.
6. Дессауэр, Ф. Спор о технике // Там же. – С. 112-145.
7. Мамфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2001. – 408 с.
8. Шпилькин, С. В. Философия техники: учебное пособие. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – 180 с.

Философия права и кибернетической безопасности

Жалобкевич А.В., Лойко А.И.

Стремительная цифровизация всех сфер жизни, формирование глобального информационного общества и возникновение киберпространства как новой антропологической реальности ставят перед философией права принципиально новые задачи. Традиционные правовые концепции, основанные на территориальности, вещественности и государственном суверенитете, оказываются недостаточными для регулирования виртуальных отношений.

Кибернетическая безопасность, понимаемая как состояние защищённости личности, общества и государства в цифровой среде, становится не только технической, но и фундаментальной философско-правовой проблемой. В её основе лежат вопросы о природе права в условиях децентрализации, о балансе между безопасностью и свободой, о справедливости и этике в цифровую эпоху. Цель данного реферата – проанализировать ключевые философско-правовые аспекты формирования и регулирования кибербезопасности через призму отечественной и мировой мысли, выявить ценностные конфликты и наметить возможные парадигмы их разрешения.

Классическая философия права, от Аристотеля до Г.В.Ф. Гегеля и современных теоретиков, строилась на презумпции материальности социального мира и верховенства государства как источника легитимного права. Киберпространство, или кибернетическое пространство, впервые концептуализированное в трудах российских и советских учёных (А.И. Берг, Н. Винер), а позднее – западными мыслителями (У. Гибсон), радикально трансформирует эти основания. Во-первых, возникает проблема трансграничности и атерриториальности. Как отмечает российский правовед И.М. Рассолов, сетевые коммуникации игнорируют государственные границы, создавая «правовой вакуум» или зону конкуренции юрисдикций. Это ставит под сомнение классический тезис о праве как продукте государственного суверенитета.

Во-вторых, меняется онтологический статус субъекта права. В цифровой среде индивид существует как набор данных, цифровой образ (avatar), что порождает вопросы о природе цифровой личности, её правах и обязанностях. Российский философ А.А. Сычев указывает на формирование «кибернетической субъектности», требующей нового антрополого-правового осмысления.

В-третьих, децентрализованная архитектура интернета (протоколы, блокчейн) создаёт системы правил, конкурирующие с государственным законодательством. Здесь уместно вспомнить идеи естественно-правовой школы, переосмысленные в цифровом ключе: неотчуждаемым «естественным правом» в сети может считаться право на доступ, на цифровую неприкосновенность частной жизни или на кибербезопасность как условие существования. Однако, как подчёркивает В.Б. Исаков, эти «естественные» права вступают в противоречие с коллективной безопасностью.

Таким образом, киберпространство требует новой философии информационного права, которая, по мысли российских учёных (М.М. Рассолов, В.Д. Горбачев), должна синтезировать традиционные ценности (справедливость, равенство) с особенностями цифровой среды (скорость, глобальность, виртуальность). Ядром философско-правовой проблематики кибербезопасности является глубинный ценностный конфликт, который можно сформулировать как противоречие между коллективной безопасностью и индивидуальной свободой. Безопасность как абсолютный приоритет.

Этот подход, часто ассоциируемый с утилитаризмом и теорией общественного договора (Т. Гоббс), оправдывает широкие меры контроля, тотальный мониторинг трафика, обязательную идентификацию и предварительную цензуру ради «общего блага» – защиты от кибератак, терроризма, деструктивного контента. В России эта позиция находит отражение в законодательстве о «суверенном Рунете» и системе оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), которая, по мнению её сторонников, необходима для поддержания цифрового суверенитета и общественного порядка.

Свобода как фундаментальная ценность. Либеральная традиция, восходящая к Дж. Локку и И. Канту и развиваемая в контексте интернета такими авторами, как Дж. Перри Барлоу («Декларация независимости киберпространства»), выступает против избыточного контроля. Право на неприкосновенность частной жизни (конфиденциальность переписки, защита персональных данных), на анонимность и свободу выражения считаются неотъемлемыми. Российский исследователь А.В. Чеклецов отмечает, что тотальная безопасность, достигнутая ценой свободы, ведёт к цифровому тоталитаризму и уничтожению творческого потенциала сети.

Поиск баланса: принцип пропорциональности. Современная философия права (в т.ч. в работах А.В. Погребного, Е.В. Алферовой) предлагает искать компромисс через принцип пропорциональности и соразмерности. Любое ограничение прав и свобод в целях безопасности должно быть: 1) предусмотрено законом; 2) преследовать легитимную цель; 3) быть необходимым в демократическом обществе; 4) соразмерным этой цели. Применение этого принципа к кибербезопасности – сложнейшая задача, требующая постоянного публичного диалога и этической рефлексии.

Философия права сталкивается с кибернетической безопасностью как с одним из самых актуальных и сложных вызовов современности. Киберпространство разрушает привычные онтологические и правовые категории, обнажая глубинное противоречие между потребностью в коллективной защите и стремлением к индивидуальной свободе. Российская правовая мысль, как и мировая, находится в поиске адекватных парадигм – от суверенно-охранительной до сетевой модели управления.

Успешное правовое регулирование в этой сфере невозможно без глубокой философской рефлексии, которая должна ответить на ключевые вопросы: что есть право в цифровую эпоху? Как переосмыслить социальный контракт применительно к киберпространству? Где та этическая граница, за которой безопасность перестаёт служить человеку и начинает порабощать его? Буду-

щее цифрового общества зависит от того, удастся ли найти баланс, основанный не на страхе, а на разуме, справедливости и уважении к человеческому достоинству в его новом, цифровом измерении.

Список использованных источников

1. Барлоу, Дж. П. Декларация независимости киберпространства (перевод) // Отечественные записки. – 2003. – № 6.
2. Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983.
3. Горбачев, В.Д. Философские основания информационного права: монография. – М.: Проспект, 2018.
4. Исаков, В.Б. Цифровое право: учебник. – М.: Издательство Юрайт, 2021.
5. Рассолов, И.М. Право и интернет: теоретические проблемы. – М.: Норма, 2009.
6. Сычев, А.А. Философия информационной безопасности: антропологический аспект // Вопросы философии. – 2018. – № 5. – С. 65-75.
7. Чеклецов, А.В. Этика кибербезопасности: между тотальным контролем и цифровой анархией // Философские науки. – 2020. – № 12. – С. 89-104.
8. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».
9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».
10. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001.

Design as a Mediator Between Meaning and Understanding

Bulyha E. K.

“Design is the intermediary between information and understanding.”

Richard Grefé

Design may be understood not only as a professional activity or visual practice, but also as a way of making sense of the world. In philosophy, such a perspective is closely connected with hermeneutics – the theory of interpretation. Initially, hermeneutics was primarily concerned with the interpretation of texts, especially religious and philosophical writings [1]. Over time, however, philosophers recognised that interpretation extends far beyond textual analysis. Human beings interpret objects, images, spaces, interfaces, and environments. From this standpoint, design can be regarded as a hermeneutic practice [2].

Hermeneutics is a philosophical discipline that investigates how understanding emerges. It addresses questions such as: How is meaning constituted? How do we understand texts, images, and objects? In what ways does culture shape interpretation? Thinkers such as Hans-Georg Gadamer, Martin Heidegger, and Paul Ricoeur demonstrated that understanding is never entirely neutral or purely objective [3; 4]. Interpretation is always situated within historical context, cultural background, prior knowledge, and lived experience.

Design operates within the space where meaning becomes intelligible. Designers create forms that allow people to orient themselves in reality: a poster gives visual structure to an idea, a building articulates cultural values, a product embodies technological possibilities, and an interface transforms data into experience. In this sense, design brings together the world, the object, the interpreter, and the interpretative act into a unified field of meaning.

Every act of understanding is shaped by cultural horizon, historical moment, individual experience, and imagination. When encountering an object, we do not

perceive it as a purely neutral form. Perception is always already interpretative. Designers intentionally work with this process, influencing how objects and environments will be understood and experienced.

Discussions of design often emphasise visual attractiveness or aesthetic value. However, design cannot be reduced to aesthetics alone. It is fundamentally connected with processes of meaning formation. Form becomes a carrier of significance. Through material, proportion, colour, scale, and interaction, meaning takes perceptible shape. In this perspective, design operates as a semiotic system – a structured field of signs through which meanings are communicated, negotiated, and transformed. Such symbolic structures contribute to the formation of identity, enable communication in multicultural contexts, and provide ways of expressing both individual and collective values.

Historically, artists acted as mediators who translated spiritual, philosophical, and religious ideas into sensory forms capable of generating meaningful experience. With the emergence of design as a professional field, designers have assumed a comparable role. They interpret technological developments and cultural transformations, integrating them into everyday life. Through the creation of tangible forms, designers participate in shaping human expectations, habits, and needs. The work of Dieter Rams, for example, particularly his principle “Less, but better” and the ten principles of good design, has influenced not only the appearance of electronic devices but also broader attitudes toward material culture [5].

In design, the object itself becomes a form of understanding. A designed artefact is never neutral; it discloses a particular perspective on the world. Within hermeneutic philosophy, a “thing” is not merely a physical entity but a site where meaning becomes accessible. A wooden chair, for instance, is significant not only because of its practical function.

It may evoke associations with comfort, intimacy, domesticity, spatial orientation, and embodied experience. Gothic chairs and armchairs, despite their expressive ornamentation, often appear uncomfortable, implicitly reminding us that the human condition is both spiritual and corporeal. A modern steel chair, by contrast,

may communicate ideas of minimalism, industrial culture, and contemporary aesthetic sensibility. Objects thus mediate relationships between human beings and reality, shaping the ways in which the world is disclosed.

One of the clearest examples of hermeneutic design is the logo. A logo represents a highly condensed visual structure capable of communicating identity, values, and conceptual orientation within minimal formal means. Interpretation in this case occurs almost immediately, often on a pre-reflective level. Cultural memory, visual experience, and symbolic associations operate simultaneously, allowing meaning to emerge without explicit verbal explanation.

For example, the Nike swoosh suggests movement and dynamism. The FedEx logo contains a hidden arrow that conveys direction and precision in logistics. The Apple logo evokes associations with simplicity and innovation.

Such visual forms do not explicitly define their meanings; rather, they create a field of possible interpretations [6]. This openness is a fundamental characteristic of hermeneutic design.

Hermeneutic philosophy emphasises that meaning is never fixed or universal. It emerges within cultural, historical, and experiential contexts that shape interpretation. A colour, form, or symbol may carry entirely different associations in different traditions. For instance, white often symbolises purity in Western cultures, whereas in several Asian traditions it is associated with mourning. Designers must take such interpretative frameworks into account, since communication through design depends on shared symbolic competence.

An important concept in hermeneutics is the hermeneutic circle. We understand the whole through its parts, but we also understand the parts through the whole. When viewing a poster, we perceive individual elements – typography, colour, composition – yet their significance becomes clear only within the overall structure. Designers constantly move within this circular process. They develop details while simultaneously considering the coherence of the entire system, including its socio-cultural and historical embeddedness [7].

Design establishes a dialogical relationship between object and user. Hermeneutic philosophers often describe interpretation as dialogue – an encounter between different perspectives (I–Thou, Self–Other) [7].

Design functions in a similar way. The designer embodies ideas in material form, while the object offers possibilities of meaning. The user interprets the object, appropriates it, and integrates it into everyday life. Design therefore does not operate as a monologue but as an ongoing dialogue between intention and perception, concept and experience, culture and daily practice.

Human culture is fundamentally symbolic. Language, images, rituals, and artefacts all function as symbolic structures. Design constantly engages with such structures, organising relations between signs and meanings [8]. Colour may signal danger or safety, the sacred or the ordinary. Form may express stability, balance, or movement. Designers must understand how symbolic systems function within particular cultural contexts, since designing always involves structuring fields of meaning rather than merely arranging visual elements.

All of the above suggests that design mediates between information and understanding by structuring the conditions under which meaning becomes accessible. Objects interpret technologies, images give form to ideas, interfaces transform data into experience, and spaces articulate cultural values.

Interpretation operates at every stage of the design process: research interprets human needs, conceptualisation interprets problems, prototyping interprets possible solutions, and evaluation interprets user response. Design thinking itself may therefore be understood as a hermeneutic activity. Ultimately, design contributes to human orientation in an increasingly complex world. When design functions successfully, it not only improves comfort and usability but also enriches everyday experience with meaning, coherence, and intelligibility.

List of references

1. Gadamer, H.G. (1975). *Truth and method* (G. Barden & J. Cumming, Trans.). London: Sheed and Ward.

2. Gadamer, H.G. (1986). Text and interpretation (D. J. Schmidt, Trans.). In B.R. Wachterhauser (Ed.), *Hermeneutics and modern philosophy*. (pp. 377-396). Albany, NY: State University of New York Press.
3. Dilthey, W. (1927/1985). Collected works. In K. Mueller-Volmer (Ed.), *The Hermeneutics reader: Texts of the German tradition from the Enlightenment to the present*. (pp. 148-164). New York: Continuum.
4. Ricoeur, P. (1981). *Hermeneutics and the human sciences* (J.B. Thompson, Trans.). Cambridge: Cambridge University Press.
5. <https://designmanifestos.org/dieter-rams-ten-principles-for-good-design/> access date 30.03.2026.
6. De-Veirman, M., & Hudders, L. (2020). Disclosing sponsored Instagram posts: The role of material connection with the brand and message-sidedness when disclosing covert advertising, *International Journal of Advertising*, 39(1), 94-130. <https://doi.org/10.1080/02650487.2019.1575108> access date 31.03.2026.
7. Wachterhauser, B. R. (1986). *Hermeneutics and modern philosophy*. Albany, NY: State University of New York Press. <https://www.adobe.com/creativecloud/design/discover/symbols.html> access date 30.03.2026

Как нейросеть изменяет искусство?

Пивень Н.Д., Лойко А.И.

Внедрение нейросетей в область прекрасного сегодня представляет собой не просто технический сдвиг, а глубокий философский вызов, заставляющий нас вернуться к истокам того, что мы называем эстетическим. По своей природе чувство красоты возникло у человека не как случайная культурная надстройка, а как фундаментальный инструмент выживания.

На протяжении тысячелетий наш мозг учился реагировать на симметрию, ритм и контраст, считывая в них признаки здоровья, порядка и безопасности. Сегодня нейросети выступают в роли совершенного математического калькулятора этих биологических предпочтений.

Обладая способностью анализировать колоссальные массивы данных, алгоритм безошибочно вычисляет паттерны, вызывающие у нас нейрофизиологический отклик – тот самый дофаминовый эффект, который мы привыкли называть восторгом перед гармонией.

Однако вопрос о том, способна ли нейросеть полностью заменить человека в искусстве, требует четкого разделения понятий «ремесло», процесс создания объекта искусства, и «смысл», идея, заложенная в объект искусства. Если рассматривать искусство как «технэ» – мастерство исполнения и умение зацепить визуально, то алгоритмы уже превосходят человека, создавая декоративно безупречные объекты.

«Но искусство, – как говорил Эдгар Дэга, – это не только что, но и как». Это особый язык образов, транслирующий экзистенциальный опыт одного сознания другому. Нейросеть не обладает интенцией – у неё нет намерения, нет боли, нет личной истории и нет жизненной мудрости, которую классики вроде Шекспира или Островского вкладывали в свои произведения. Алгоритм может имитировать стиль, но он не может пережить реальность. Поэтому нейросеть лишь может создавать эстетический продукт, но не имеет возможности вкладывать в свою работу художественный смысл.

Наиболее органичным сценарием развития видится не конкуренция, а синергия, где человек на основе своих идей предлагает машине реализовать то, о чем он думает. В этом тандеме происходит переосмысление роли художника: из ремесленника-исполнителя он превращается в архитектора смыслов и куратора контекстов. Нейросеть берет на себя рутинную оптимизацию формы и поиск эстетических решений на основе нейробиологических законов.

Человек же привносит в этот процесс связь с реальностью, задает этический вектор и наполняет форму содержанием через свою личную призму. Такое партнерство позволяет преодолеть биологическую ограниченность воображения, превращая процесс творчества в диалог между человеческой интуицией и машинной комбинаторикой.

Этот подход меняет саму онтологию искусства. В эпоху, когда визуальное совершенство становится легко достижимым и массовым, ценность произведения смещается с качества исполнения на глубину идеи автора. Мы подходим к новому пониманию «информационной гигиены» образа: в мире, где почти все сгенерировано, критически важным становится то, чем именно мы питаем свою дофаминовую систему.

Если мы – это то, что мы потребляем, то сотворчество человека и нейросети должно быть направлено не на создание очередного инструмента эскапизма и постоянного перехода в вымышленные миры, а на более точное и пронзительное отражение нашей реальной жизни.

Искусство будущего – это не борьба против алгоритмов, а использование их в качестве инструмента, чтобы реализовать все творческие идеи с проявлением в них интенции. Таким образом, нейросеть не заменяет творца, но заставляет его углубиться в своих мыслях, напоминая, что истинная красота всегда укоренена в осознанном поиске истины.

Цифровая трансформация как новая реальность: мировоззренческие аспекты управления

Степанова В. В., Булыго Е. К.

Аннотация. В статье анализируются методы управления, ориентир которых переходит с человека на технологии в цифровую эпоху. Рассматриваются барьеры новшествам (сопротивление персонала, страхи, этика) и их преодоление (дизайн-мышление, нетикет, окна Овертона), что оказывает влияние на формирование новых взглядов относительно гуманности концепций менеджмента. На сегодняшний момент цифровая трансформация культуры корпоративного взаимодействия стала ключевой тенденцией, возникшая под давлением мощного напора информации, всеобъемлющей автоматизации и введения формальной структуры логики.

Их доминирование обуславливает революцию наших привычек в сфере коммуникаций и механизмы управления рабочего коллектива, что ведет к формированию нового мировоззрения. Тем самым, характерной чертой культуры выступают динамичность, взаимосвязанность и технологическая зависимость. Особенно подвержена этому влиянию корпоративная среда, которой управляют теперь технологии, некогда бывшие всего лишь вспомогательными инструментами для руководства. Однако нельзя забывать, что главным образующим коллектива предстает человек.

Именно он становится центром для анализа, точнее его внутреннее состояние, предрасположенное к трансформациям и изменениям в эпоху цифровизации. Данная эпоха перекраивает мир, переворачивает его сверх ног, даруя возможность реализации того, о чем раньше даже и нельзя было помыслить человеку. Следовательно, он не может отказаться от подобной благодетели, от невиданных даров, и тогда он активно применяет их не только в профессиональном пространстве, но и в быту, тем самым, глубоко укореняясь и принимая вид традиции и рутины.

Но это углубление растворяет рамки, где заканчивается технологическая логика и начинается понятие гуманность и человечность. И тут возникает вопрос: какую роль теперь играет человек, насколько значимо его участие в ведении хозяйства в рабочей среде или осуществлении деятельности в рамках личного пространства?

Он приобретает качества обычной шестеренки в большом механизме, теперь он подчинен установленным законам, и весь его быт контролируется со стороны экономических гигантов. Его воля и свобода выбора становятся просто формальностью, а критическое мышление систематически подавляется и заключается в рамки. Вследствие чего необходимо провести анализ и пересмотр корпоративной культуры, управленческих методик и подходов, ценностей и традиций. Тем самым, ключевой задачей выступает сохранить целостность человеческих ценностей в эпоху цифровых трансформаций, что возможно провести с философской точки зрения.

Таким образом, центром изучения статьи представляется снижение уровня негативного влияния техноцентризма. Её реализация выполнима не только через изучение нововведений в информационно-технологической инфраструктуре, но и через усовершенствование культуры внутри организации (социализацию). Проведение данных мероприятий обеспечит полноценное развитие личности в условиях цифровой трансформации, что обусловит рост уровня национального богатства и эффективности функционирования экономической системы.

Важно учитывать тот факт, что необходимо придерживаться морально-этических установок в эпоху глобальных изменений: цифровая культура должна «очищать» информационный поток от хаоса и беспорядка, что сформирует гармоничные взаимоотношения человека и технологий.

Однако анализ эмпирических данных в сочетании с экспертными заключениями указывает на то, что только 25% сотрудников находит полезными инновационные преобразования, остальная часть демонстрирует сопротивление,

что зафиксировано в исследовании McKinsey & Company [4]. Причиной этого противостояния является:

1. Организационная культура, характеризующаяся высокой степенью закрытости и ограниченные финансовые и временные ресурсы
2. Низкий уровень доверия к сотрудникам по причине недостаточных цифровых компетенций и слабой вовлеченности сотрудников в процесс цифровизации
3. Психологический барьер, обусловленный страхом сотрудников, особенно старшего поколения, перед новыми технологиями [2].

Для эффективного преодоления барьеров у рабочих кадров необходимо провести анализ существующих моделей управления, изучить их отличительные черты и переосмыслить устоявшиеся мировоззрения о них.

Предметом концентрации одной из таких моделей является процесс адаптации персонала к цифровым нововведениям. Стратегический комплекс включает в себя несколько этапов. Первым из них предстает подбор высококвалифицированных сотрудников, способных реализовывать программы предприятий с эффективным применением ресурсов и формировать устойчивые конкурентные преимущества в динамичной бизнес-среде.

Следующим шагом предстает разработка адаптивной стратегии управления, которые ориентированы на клиентскую базу и включают в себя развитие цифровой компетентности, укрепление доверия и повышение вовлеченности персонала. Данная стратегия управления будет содержать в себе цифровые инструменты, разделяющиеся на группы:

- организационные: деловое собеседование в формате видеоконференции; интервьюирование посредством онлайн-тестирования; программы адаптации, разработанные в электронной среде с помощью автоматизированной системы управления талантами
- информационные: электронная система управления талантами TMS, система управления человеческими ресурсами HRM, система планирования ресурсов предприятия ERP

– цифровые инструменты обратной связи: мессенджеры (Discord, Slack) [5].

Тем самым, технологии трансформируются из внешних регуляторов в неотъемлемую часть корпоративной экосистемы. Это приводит к формированию доверия, поскольку исчезает барьер между управлением и исполнением: HR-специалисты переходят от роли контролеров к создателям стратегических установок, а сотрудники перестают быть лишь исполнителями автоматизированных процессов, становясь активными участниками формирования корпоративной деятельности.

Однако с философской точки зрения, описанный результат необходимо рассмотреть не как гуманизацию, а как превращение в более тонкие управленческие методы, где контроль становится неявным и проникающим, где свобода становится лишь иллюзией, обманом, где ограждение от внешних барьеров представляется не прочной стеной, а прозрачным и хрупким холстом. Таким образом, содействие в реализации организационных процессов предполагает неразрывную связь с корпорацией, где доверие не является выбором лично сотрудника, а обязательным условием функционирования.

В контексте организационных преобразований дизайн-мышление выступает в качестве ключевой методологии, а ее основные методы – в качестве важнейших инструментов, способствующих эффективному преодолению внутреннего сопротивления и стимулированию активного вовлечения персонала. Эта концепция была впервые сформулирована в 1969 году в книге «Науки об искусственном» Г. Саймоном [1].

Это комплексный подход к инновациям, главной задачей которого предстает понимание потребностей конечного пользователя, что также помогает бизнесу: рост лояльных клиентов, развитие креативного мышления, минимизация риска лишних трат. Его цель – разработка решений, достигаемая за счет анализа человеческого фактора, оценки технологической осуществимости и максимизация эффективности.

Основные принципы метода дизайн-мышления были сформированы с целью расширения кругозора о человеческом существе и понимания его внутреннего состояния. Этот подход включает в себя 6 стадий, ключевые из которых: эмпатия – глубокий анализ потребителей какого-либо контента или капитала, что позволяет выявить конкретные проблемы; активный поиск идей – процесс, приветствующий самые нестандартные и неожиданные для общества измышления; прототипирование – стадия, на которой осуществляется проверка гипотез в краткосрочный период и с использованием дешевых материалах; тестирование – финальный этап, когда теория проверяется на практике, когда можно проследить эффективность введенных методик относительно потенциальной клиентуры.

Тем самым, такая закономерность не даст управленческому сектору утратить пользователей их продукции, что обеспечит эффективную производительность в долгосрочной перспективе [1].

Таким образом, методология дизайн-мышления в контексте управления с философской точки зрения меняет традиционные модели управления и основывается на следующих принципах:

- смещением акцента с дедуктивных методов на эмпирическое познание и генерацию инновационных идей посредством прототипирования и гипотетического моделирования.

- переход от антропологической модели, центральную роль которой играет рациональность, к признанию значимости эмоций и чувств, что рассматривается на этапе эмпатии

- организация воспринимается не как статичный механизм, а как живая система, постоянно развивающаяся.

Преодоление психологического барьера и минимизация потенциальных угроз возможно посредством применения в управлении правил Вирджиния Ши, опубликованные в книге Нетикет в 1994 году в городе Сан-Франциско: человек не компьютер, и это взаимодействие должно быть человеческим, по-

тому что за экраном находится человек, а не машина; необходимость соблюдения тех же правил и стандартов поведения, которых придерживаются в реальной жизни [3]. Эти правила способные создать комфортные условия персоналу во время виртуального сотрудничества.

Необходимость введения этого новшества связана с тем, что ощущение безопасности и уверенность в своей конфиденциальности стало парадоксальным феноменом в эпоху цифровых технологий, поскольку с развитием технологий сформировались невидимые угрозы: кибербуллинг; использование старой информации в будущем, которая может стать инструментом для шантажа; зависимость от чужих алгоритмов.

Данные правила на сегодняшний момент носят в себе актуальный характер, поскольку их применение позволит контролировать конфликтные ситуации; сократить затраты, понесенные в связи с разработкой и внедрением нормативных актов, регулирующих взаимодействие, что, по моему мнению, является успешной стратегией управления в эпоху цифровой трансформации. Это соображение сейчас реализуется в виде политики в области интернета, которая в стадии становления в Республике Беларусь.

Также это введение заставит персонал пересмотреть взгляды в отношении значимости соблюдения правил в цифровом пространстве. Это возможно благодаря применению этических отношений, сформулированные в императиве И. Канта. Моральный релятивизм равновесно играет свою роль: нормы поведения установлены для всех одинаково, независимо от положения, что будет сохранять условия взаимодействия, способствующие продуктивности.

Принцип экологичности коммуникации также является инструментом к переосмыслению: сотрудники будут минимизировать информационный шум, что позволит оптимально использовать все ресурсы в двустороннем направлении. Кроме того, соблюдение границ вносит свой вклад в актуализацию парадигмы восприятия: отказ от тотального контроля даст возможность персоналу раскрыть свой потенциал.

Психологические барьеры также могут быть устранены путем применения менеджерами концепции «Окна Овертона», разработанной аналитиком Дж. Овертоном в 1990 году в США, позволяющей избежать ригидность [3].

Данная концепция раскрывает процесс эволюции сознания общества, при котором происходит переформирование идей, ранее считавшиеся неприемлемыми, в общепринятые нормы или даже в основу политики организаций и государств. Посредством этой концепции лидеры компаний смогут реализовать свои идеи управления через внедрение новых цифровых технологий, которые будут применимы их подчиненными. А изучение новшеств потребует минимальное количество затрат.

Тем самым данная концепция управления неизбежно ведет к трансформации мировоззрения сотрудников, поскольку произошло:

– смещение эпистемологических парадигм, что устанавливает новые понятия "истины", т.е. традиционно неприемлемое приобретает статус общепринятого.

– изменение представлений о добре и зле, сформированных не в результате диалогического процесса или логической аргументации, а с помощью преднамеренной подготовки социокультурной среды к трансформации традиционных моральных норм.

– утрата индивидом автономии и критического мышления. Адаптация к изменяющимся условиям без осознания их разрушающей роли неизбежно ведет к принятию новых правил, которые были, скажем, насильно введены в общественную жизнь, таким образом социум теряет свободу.

В эпоху цифровых трансформаций новые изобретения привели к новым методам управления, которые, в последующем, обусловили возникновение ряд таких проблем, как утрата индивидом автономии и критического мышления, маскировка тотального контроля под заботу о персонале, навязывание новых понятий «истины», тем самым ранее используемые в качестве инструментов технологии становятся средством формирования «правильного» общества.

Осознавая эту проблему, руководители направляют свои силы на разрешение, на снижение зависимости от современных технологий. Однако те усилия порождают более изощренные формы, используя риторику заботы для легитимации всеобъемлющего надзора над социумом.

Методы вроде дизайн-мышления, нетикета и "окон Овертона" становятся инструментами трансформирования нашего мировоззрения действительности, оставляя второстепенным свой первоначальный функционал. Эффективность в подавлении сопротивления рабочих кадров достигается посредством снижения степени свободы субъекта, когда выбор формируется под неявным принуждением, завуалированным под "добровольную" лояльность.

Таким образом, вопрос об эффективности управления уступает место вопросу об участии человеческого бытия в эру цифровизации.

Если "окна Овертона" преобразуют наше восприятие о добре и зле, если этика основывается на правилах нетикета, а эмоциональное составляющее формируется через дизайн-мышление, то найдется ли место для непредсказуемости, когнитивного мышления и истинной свободы?

И что, если человек играет теперь роль гайки в огромном корпоративном механизме, беспрекословно подчиняющейся и бездушной, из-за создания иллюзии границ между контролем и свободой, которая смогла быть осуществима благодаря преодолению цифровых барьеров?

Главная задача не в двусторонней адаптации между человеком и технологиями, а в обеспечении в их взаимодействии места для метафизического, того, что находится вне алгоритмов.

Список использованных источников

1. Васильева, Е. В. Синергия подходов дизайн-мышления и процессной трансформации / Е. В. Васильева, Т. Е. Точилкина // Управление. – 2020. – № 1. – С. 83–93. – DOI: 10.26425/2309-3633-2020-1-83-93. – Текст: электронный.

– URL: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-1-83-93> (дата обращения: 23.02.2026).

2. Литвин, А. Ю. Стратегический менеджмент в эпоху цифровизации: новые подходы и инструменты / А. Ю. Литвин // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № 1. – 15 с. – Режим доступа: <https://esj.today/PDF/69ECVN125.pdf>. – Дата доступа: 23.02.2026.

3. Методическое обеспечение управления человеческими ресурсами организации в современных условиях: монография / И. Н. Калиновская. – УО «ВГТУ», 2025. – 220 с.

4. Родионова, А. Почему 72% внедряемых изменений терпят неудачу – и как это исправить / А. Родионова // РБК Компании: [сайт]. – 2025. – 14 июля. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/JFEZHjmqdX/pochemu-72-vnedryaemyih-izmenenij-terpyat-neudachu---i-kak-eto-ispravit/> (дата обращения: 23.02.2026).

5. Повышение эффективности деятельности организации в условиях современной экономики = Increasing the efficiency of the organization in the conditions of the modern economy: сборник материалов 3 Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 мая»023 года / Государственное учреждение образования «Институт бизнеса Белорусского государственного университета»; [редкол.: Е. А. Поддубская (науч. ред.) и др.]. – Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2024. – 260, [1] с.

Этические основания принятия решений инженером – экономистом: философский анализ

Колесникович К. Д., Булыго Е. К.

В наше время, когда техника есть во всем и везде, роль инженера-экономиста очень поменялась. Теперь этот человек – тот, кто строит мир заново: он не только совершенствует техносферу, но и принимает решения, которые определяют качество и стиль нашего образа жизни и действий. Этот человек знает, как сэкономить деньги и как лучше ими распорядиться. Все это позволяет сделать вывод, что такой специалист не только наполняет наше настоящее, но и определяет будущее.

Проблема в том, что основные компетенции такого специалиста чаще всего узконаправленны и прагматичны. Вместо того чтобы думать, зачем мы вообще что-то делаем, он спрашивает: а что даст нам больше дохода? Из-за этого важные экзистенциальные, метафизические и этические проблемы игнорируются и не решаются. Мы иногда забываем, для чего все эти сложные схемы и цифры, и почему важно думать о людях и жизни вокруг. Это может привести к появлению больших проблем или бед, где будут винить именно людей и технику. Еще это может сделать так, что разница между богатыми и бедными людьми станет больше.

Этика и философия учат видеть такие проблемы. Они показывают, что есть такие вопросы, где нет простого ответа. Они учат нас проявлять внимание к другим людям, выбирать верный путь и справляться с трудными задачами, используя не только расчеты и логику, но и учитывая интересы и благополучие каждого человека [1].

Работа инженера-экономиста представляет собой сложный процесс поиска баланса между человеком, техникой (функцией) и экономикой. Такой баланс включает не только знание законов природы, ведь инженер по сути переводит «естественное» в «искусственное», но и знание человеческого мира: от

потребностей тела здесь и сейчас и до потребностей потенциального общества в возможном будущем.

Именно поэтому для инженера-экономиста важен не только функционал технического устройства или системы, но он смотрит, как люди живут рядом, как они общаются, как совершают покупки и продают то, что умеют. Сущность его профессии – быть посредником между миром технологий, чисел и людей. Это значит, что его решения не только стоят за качеством жизни в наличных условиях, но и влияют на сценарий будущего, выбор его модели, наших возможностей.

Когда человек создает машину, он претерпевает внутренние изменения [2]. Инженер-экономист принимает решения о том, что приобрести, из каких материалов строить и как выполнять задачи. Он не только запускает производство, но и трансформирует жизнь вокруг, влияя на динамику труда, коммуникацию и эмоциональные связи между людьми [3]. Каждый такой выбор становится важным шагом, который определяет будущее как самого специалиста, так и всего общества.

Экономика стремится к ясности и точности, она ориентируется на показатели прибыли. Однако философы, такие как Сен и Фридман, подчеркивают, что числовые данные также имеют значительное значение и смысл [4]. Когда инженер-экономист считает, что на первом месте находятся деньги, он подразумевает, что богатство важнее безопасности или честности. Понимание того, почему мы стремимся к тем или иным целям и какие ценности имеют приоритет, является частью профессиональной этики [1].

Основная идея утилитаризма (учения Бентама и Милля) заключается в том, чтобы максимальное число людей получало выгоду [5;6]. В этом смысле это похоже на работу инженера-экономиста, который организует рабочие процессы с учетом интересов всех участников. Тем не менее, как отмечают философы, не все жизненные аспекты можно выразить в числовом эквиваленте – будь то деньги или другие параметры [4].

Как можно определить, что важнее – деньги или здоровье сотрудников? При сведении всего к цифрам можно легко упустить из виду действительно значимые вещи. Кроме того, возникает вопрос справедливости. Стремясь учесть интересы большинства, мы часто забываем о тех, кто живет рядом с заводом и дышит выбросами, которые он производит. Такой ущерб может остаться незамеченным в экономике. Таким образом, утилитаризм может оправдать убытки, если предположить, что выгода для большинства перевешивает эти потери. Однако с моральной точки зрения такое оправдание не всегда приемлемо [5;6].

К тому же существует концепция этики Канта, центральным понятием которой является долг. Он утверждает, что нельзя использовать людей как средство для своей выгоды, чтобы тебе было лучше. Кант говорит: поступай так, чтобы твои действия могли быть правилом для всех [7]. Для инженера-экономиста это значит – нельзя делать проект, если он хоть немного нарушает права людей или ухудшает условия труда. Можно отказаться от плохого решения, даже если начальство требует или рынок этого хочет.

Этика Йонаса говорит о другом: теперь люди могут сильно менять мир, и обычная мораль уже не справляется. Теперь нужно помнить, что решения могут влиять на жизнь всех на Земле. Йонас предлагает думать дальше: «Делай так, чтобы твоя работа не мешала людям жить долго на этой планете» [2]. Это значит – думать не только про сейчас, но и про потом, про опасности, про то, чтобы не было плохих последствий для будущих людей и природы. Его принцип говорит – заботься о безопасности и не делай ничего, что может навредить потом, даже если это дает быструю выгоду.

Инженер-экономист решает, кто получит больше, а кто – меньше. Он выбирает, кто получит прибыль, а кто потеряет или пострадает. Теория справедливости Ролза учит: нужно делать так, чтобы слабые получили больше. Разделение доходов и убытков может быть правильным только если самой незащищенной группе станет лучше [8].

Например, если внедряется новая техника и теряются рабочие места, нужно сделать проект так, чтобы люди не остались без работы, а получили новую работу или помощь. То есть инженер-экономист должен думать не только о выгоде, но и об итогах для самых слабых людей.

В современных условиях работа инженера-экономиста больше не состоит только в том, чтобы уменьшить траты или сделать прибыль выше. Сейчас этот человек становится главным, кто создает реальность. Всё, что он решает, меняет не только то, как работают предприятия, но и то, как живут люди, как они общаются, и даже на что в нашем обществе смотрят как на хорошее и плохое. Каждый инженер-экономист стоит на перекрёстке.

С одной стороны, находятся люди, с другой – деньги, машины, работа. Он должен помнить, что его главная цель – вести людей вперед. Куда идти, чтобы стало лучше. Успех – это не только богатство, но и счастье и благополучие всех, кто живёт рядом, особенно тех, кому труднее всего.

Большое умение в этой сфере приходит тогда, когда человек осознает, зачем он живёт, и понимает свою ответственность за всё, что он предлагает другим в качестве плана или решения.

Список использованных источников

1. Вилкова, А. С. Этика и ответственность в экономическом анализе / А. С. Вилкова, Т. Н. Шаталова // Развитие теории и механизмов повышения устойчивости, инновационности и конкурентоспособности пространственного развития экономики регионов: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Самара, 2025. – С. 44-50.
2. Йонас, Х. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Х. Йонас; пер. с нем. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
3. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; пер. с нем. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
4. Сен, А. Развитие как свобода / А. Сен; пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2004. – 432 с.

5. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М.: РОССПЭН, 1998. – 415 с.

6. Милль, Дж. Ст. Утилитаризм / Дж. Ст. Милль; пер. с англ. – Ростов н/Д: Донской издательский дом, 2013. – 240 с.

7. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант; пер. с нем. // Собр. соч.: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 4. – С. 153–246.

8. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз; пер. с англ. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – 532 с.

Проблема идентичности и кризис современного человека (на примере романа «Бойцовский клуб» Чака Паланика)

Дульский П.М., Карпук М.А., Струтинская Н.В.

Роман американского автора Чака Паланика «Бойцовский клуб» стал одной из знаковых книг конца XX века. В произведении затрагиваются актуальные для современного человека проблемы: утрата собственной личности и слепая вера в потребление, формирующая пустоту внутри. Целью нашей работы является исследование проблемы идентичности личности в условиях постмодернистского общества на примере романа Чака Паланика «Бойцовский клуб». Анализируя сюжет и образы, мы можем увидеть потерю идентичности, внутреннее разделение и стремление человека к искренности в мире, где главенствуют потребление и социальные роли. Наше исследование проблемы идентичности современного человека также опирается на работу по данной тематике П.С. Гуревича.

Главный герой (Рассказчик) – самый обычный офисный работник, живёт в потребительском мире. Его жизнь проходит между работой в корпорации и покупками мебели, одежды и аксессуаров, которые, предположительно, должны приносить радость. Но вместо положительных эмоций он испытывает пустоту и страдает от бессонницы. Знакомство с Тайлером Дерденом изменило жизнь рассказчика на до и после: они создают подпольный бойцовский клуб, где любые желающие сражаются, чтобы почувствовать себя живыми людьми, вырываясь из рутины и привычного общества. Спустя некоторое время клуб перерастает в нечто больше, превращается в радикальное движение «Проект Разгром».

Оно направлено против капитализма и культуры потребления. В конце главный герой осознает, что Тайлер – вовсе не человек, а альтер эго, воплощение подавляемых им желаний и агрессии.

В романе затрагиваются несколько важных тем. В первую очередь, это проблема «общества потребления»: общественная ценность человека измеряется количеством вещей, которыми он владеет. Рассказчик, собирая мебель из IKEA, замечает, что его квартира становится простой витриной, а не настоящим домом. Вторая не менее важная тема – это одиночество: даже несмотря на работу и окружение, герой себя чувствует отчуждённым, посещение различных групп поддержки становится для него попыткой найти хоть человеческое тепло.

И наконец, поиск этого смысла проявляется в создании клуба, который даёт ощущение жизни и выход из рутины. Но стремление к идентичности человека через насилие оборачивается опасностью – герой постепенно теряет контроль над собой и своим «вторым Я».

В романе «Бойцовский клуб» Чак Паланик демонстрирует, как «общество потребления» превращает человека в раба материальных ценностей. Герой Паланика работает не для себя, а ради получения общественного одобрения и признания за счет покупки новых ненужных вещей: мебели, одежду, бесполезных аксессуаров и так далее. Но жизнь от этих покупок не как не меняется, лишь заполняет его ноющую пустоту в душе той же пустотой. Этот образ жизни порождает в рассказчике чувство отстраненности от общества: несмотря на окружение людьми – он одинок.

Рассказчик, один из основных героев в романе, оставлен автором без имени и представлен как обычный человек, живущий по самым обычным правилам, покупающий вещи ради статуса и постепенно теряющий связь с самим собой. Еще один герой, Тайлер Дерден – полная противоположность рассказчика – оказывается в итоге вторым Я рассказчика.

Показанное раздвоение личности – когда одна ее часть жаждет свободы, а другая заперта в рамках системы – не только художественный прием, а отражение проблемы поиска и установления баланса между чужими ожиданиями и своими желаниями. В произведении показаны механизмы отчуждения и то,

как поиск смысла может перерасти в радикальный, а иногда и в разрушительный протест.

Главное место в анализе романа занимает вопрос о том, что именно составляет краеугольный камень человеческого «Я». Согласно П.С. Гуревичу, сущность проблемы идентичности заключается в ответе на вопрос: «Кто я есть на самом деле?» в условиях, когда традиционные способы самоопределения (религия, профессия, семья) утрачивают свою устойчивость. Согласно антропологическому подходу П.С. Гуревича, идентичность не является чем-то данным раз и навсегда. Это динамический процесс, который в современном обществе превращается в проблему «непрерывного самосозидания».

В процессе социализации человек соотносит себя не только с конкретными ролями, но и с особым рода персонифицированными представлениями, которые созвучны его собственным личностным ориентациям. В «Бойцовском клубе» мы видим кризис этой динамики: Рассказчик пытается создать свою личность с помощью внешних атрибутов – интерьер квартиры, марку одежды, хорошую работу. Однако, как отмечает Гуревич, истинная личность не может быть «приобретена» или заимствована извне, так как она требует внутренней целостности, которой лишен герой.

Кроме этого П.С. Гуревич рассматривает ситуацию, в которой человек оказывается «размытым» в бесчисленном множестве социальных ролей. Данный философский тезис находит воплощение в образе Тайлера Дердена. Раздвоение личности главного героя – не просто особый случай, а форма протеста против неопределенности, когда человек не имеет четких целей, ценностей, убеждений. Тайлер становится символом той самой части личности главного героя, которая требует предельной подлинности, даже если ценой этого обретения становится полное разрушение прежнего социального и психологического порядка, как писалась в романе: «...пусть даже этот путь к истинному "Я" требует прохождения через "дно" и физическое разрушение».

Тезис П.С. Гуревича о переходе от «быть» к «казаться» отражен в романе Паланика, его герои живут в мире, где идентичность заменена имитацией.

Проблема современного человека, по Гуревичу, заключается в том, что он перестает ощущать реальность собственного существования. В произведении данная идея реализована в бессоннице Рассказчика и его желании посещать группы поддержки для неизлечимо больных, в которых через соприкосновение с предельной реальностью боли и смерти он надеялся вернуть себе чувство «настоящести».

Таким образом, роман «Бойцовский клуб» это не только социальная сатира, но и глубокое исследование одиночества человека, потерявшего связь с собственной сущностью. В романе «Бойцовский клуб» Чак Паланик поднимает несколько вопросов по проблеме кризиса человеческой идентичности. На первом месте – поиск свободы: главный герой желает стать свободным от материальных ценностей, а клуб становится для него способом обрести неподдельные живые эмоции.

Но приобретение свободы через извечное насилие приводит главного героя к разрушению своей личности и тех, кого он повел за собой. Главный вопрос романа остается открытым: как найти и удержать баланс между самореализацией и подстраиванием под требования общества.

Роман «Бойцовский клуб» показывает, что кризис идентичности может быть далеко не только личной трагедией определенного героя, но и проекцией более масштабной проблемой нынешнего общества. Произведение помогает понять глубинные проблемы современного человека: его одиночество, стремление к свободе, поиске себя, возможности обрести смысл и найти баланс между личной свободой и требованиями общества.

Список использованных источников

1. Паланик, Ч. Бойцовский клуб / Ч. Паланик; пер. К. Егоровой. – М.: АСТ, 2018. – 256 с.
2. Гуревич П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы философии. – 2010. – № 3. – С. 23–34.

Трансформация сценических искусств в эпоху «Идеального шторма»: стратегии адаптации к цифровым вызовам

Корякин М.С., Струтинская Н. В.

Современная сфера культуры переживает период, характеризующийся как «идеальный шторм», то есть кризисную ситуацию, вызванную в первую очередь технологическим прогрессом, приведшим к фундаментальному сдвигу в способах производства и потребления смыслов. Традиционные формы искусства, базирующиеся на принципе «здесь и сейчас», сталкиваются с вызовами, которые ставят под сомнение саму необходимость физического присутствия артиста и зрителя в едином пространстве.

Актуальность исследования продиктована необходимостью поиска новой идентичности искусства в мире, где границы между биологическим и алгоритмическим становятся прозрачными. Исполнительское искусство (хореография, театр, перформанс) всегда было бастионом телесности, однако сегодня сама природа человеческого жеста подвергается деконструкции.

Использование технологических средств уже в прошлом веке привело к потере «ауры» произведения (В. Беньямин), которое тиражировалось средствами воспроизводства. Сегодня генеративный искусственный интеллект (ИИ) окончательно подрывает неуловимое качество живого присутствия, «ауры» художественного произведения. В области хореографии это проявляется в создании алгоритмов, способных синтезировать сложные хореографические связки движений на основе анализа массивов данных.

Если нейросеть способна генерировать эстетически безупречные танцевальные связки, то хореограф перестает быть единоличным творцом формы. Использование технологий Motion Capture и цифровых двойников позволяет создавать спектакли без участия физических тел. Ценность человеческого ремесла (умения технично двигаться) вытесняется из цифрового пространства и

остается в изначальном пространстве живого. Это сохраняет сущность сценического искусства, но ставит его в условия выживания, конкуренции с доступным для массового зрителя цифрового представления.

Еще одной экзистенциальной проблемой для театра становится потеря современным зрителем умения удерживать внимание и концентрацию. Современный зритель, привыкший к динамике социальных сетей, испытывает трудности с восприятием длительных, созерцательных форм искусства. Это вынуждает режиссеров и хореографов либо упрощать драматургию, либо уходить в сторону агрессивной визуализации, что часто ведет к потере глубинных смыслов. Рост стоимости производства живого спектакля (аренда, логистика, оборудование) на фоне снижения концентрации внимания аудитории создает ситуацию «болезни цен», где содержание искусства становится все более элитарным и труднодоступным.

Новые условия существования сценического искусства предполагают переосмысление роли человека в искусстве. Это может быть акцент на несовершенстве живого, когда стерильному и идеальному цифровому контенту противопоставляется то, что невозможно симулировать и воспроизводить алгоритмически. Сама специфика сценического искусства может дать опыт детоксикации от цифрового шума, стать местом созерцания и пространством постепенного раскрытия смысла.

Активизация творческого поиска в этих условиях требует понимания, что многие старые модели не работают и требуют корректировки. Однако кризис – это не только угроза, но и возможность самоопределения сценического искусства. В мире тотальной цифровизации востребованной становится подлинная человеческая эмпатия и живой физический контакт, которые остаются единственной зоной, недоступной для полной алгоритмизации.

Список использованных источников

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – М.: Медиум, 1996.

2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: Постум, 2015.
3. Хан Б.-Ч. Общество усталости. – М.: АСТ, 2020.
4. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989.
5. Гротовский Е. От Бедного Театра к Искусству-проводнику. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 2003.

Антиутопии в социальном прогнозировании

Москаленко З. М., Струтинская Н. В.

В XXI веке общество развивается в условиях ускоренного научно-технического прогресса, глобализации и цифровизации всех сфер жизни. Эти процессы радикально меняют социальные отношения, формы власти и способы коммуникации между людьми. В таких условиях возрастает потребность в социальном прогнозировании – осмыслении возможных сценариев будущего развития общества. Одним из инструментов такого прогнозирования является антиутопия – особый жанр художественной литературы и философской мысли, позволяющий моделировать варианты будущего.

Антиутопия не просто описывает вымышленный мир, а предупреждает человечество о возможных последствиях неконтролируемого прогресса, тоталитарных идеологий и утраты гуманистических ценностей. Она демонстрирует, к каким последствиям может привести абсолютизация рационального мышления, коллективных идеалов или государственной власти. Авторы антиутопий используют преувеличение и символизм для выявления скрытых тенденций современности и демонстрации их возможного развития.

Антиутопические идеи получили широкое распространение в массовой культуре, прежде всего в литературе и кино. Классические произведения Замятина Е. И. «Мы» (1921 г.) [1], Дж. Оруэлла «1984» (1948 г.) [2] и О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932 г.) [3] стали символами предупреждения о тоталитаризме, манипуляции сознанием и дегуманизации общества. Эти произведения во многом предвосхитили реальные социальные процессы второй половины XX века.

Особое место в современной культуре занимает игровая индустрия, где антиутопия становится интерактивной формой социального прогнозирования. Видеоигры позволяют не только наблюдать антиутопический мир, но и действовать в его рамках, подчиняясь установленным правилам и сталкиваясь с

их последствиями. В игре Cyberpunk 2077 изображено общество будущего, основанное на культе технологий и власти корпораций [4]. Социальное развитие в игре приводит к крайнему неравенству, утрате государством регулирующей роли и превращению человека в объект контроля и эксплуатации.

Технологический прогресс не улучшает качество жизни, а, напротив, усиливает отчуждение и разрушает личную идентичность. Антиутопическое положение социальной системы также раскрывается в игре Papers, Please [5]. В ней показано тоталитарное государство, где человек вынужден подчиняться бездушным бюрократическим механизмам. Игра демонстрирует, как слепое следование системе уничтожает моральную ответственность личности и превращает общество в совокупность управляемых элементов.

Антиутопия в наглядной форме выявляет угрозы общественного развития и осмысливать возможные последствия социального и технологического прогресса. Произведения данного жанра показывают опасности тотального контроля, манипуляции сознанием, подмены ценностей и утраты индивидуальности. В видеоиграх-антиутопиях отражены такие проблемы как усиление контроля, цифровизация власти, дегуманизация и кризис личной свободы.

Антиутопия выступает своеобразным «сигналом тревоги», обращённым к обществу. Несмотря на ориентацию на будущее, она всегда отражает проблемы настоящего, заставляя читателя или пользователя осмысливать текущие изменения и их возможные последствия.

Список использованных источников

1. Замятин Е. И. Мы. – М.: АСТ, 2020.
2. Оруэлл Дж. 1984. – М.: Эксмо, 2021.
3. Хаксли О. О дивный новый мир. – М.: Азбука, 2019.
4. Cyberpunk 2077: official game lore and materials. – CD Projekt RED, 2020.
5. Pope L. Papers, Please. – Independent Games Festival, 2013.

Реализация ноосферной стратегии: современные экологические проекты

Шурно Н. Р., Струтинская Н. В.

В третьем десятилетии XXI века антропогенное воздействие на планету достигло критической точки, требующей перехода от стихийного потребления к осознанному управлению экосистемами [1]. Концепция ноосферы представляет теоретический фундамент для формирования стратегии выживания человечества через технологическую и этическую гармонизацию техносферы и природы.

Термин «ноосфера» (сфера разума) описывает стадию развития биосферы, при которой разумная деятельность человека становится определяющим фактором планетарной динамики [2]. Согласно учению Вернадского В. И., научная мысль и организованный труд человечества превратились в мощную «геологическую силу», способную трансформировать облик Земли эффективнее природных катаклизмов [1; 2].

Переход к ноосфере в современных условиях базируется на коэволюции общества и природы, энергетической автотрофности и осознанный мониторинг. Стратегия коэволюции предполагает гармоничное соразвитие общества и природы, при котором технологии рассматриваются как органическое продолжение естественных процессов [3;8]. Идея энергетической автотрофности полагает переход к использованию энергии космического происхождения (солнечного излучения) вместо разрушения геологических пластов [1;5]. Осознанный мониторинг, опирающийся на системы превентивного контроля и управления, позволит уйти от стихийного природопользования [3].

Важнейшим достижением в архитектуре ноосферы стало создание «цифровых двойников» (Digital Twins) – виртуальных моделей сложных экосистем, синхронизированных с реальностью через датчики интернета вещей (IoT) [4; 8]. Среди возможностей данной технологии диагностическое модели-

рование и прогнозирование сценариев развития природных объектов [5], визуализация взаимодействия компонентов среды в реальном времени с выделением антропогенного следа [4;10], а также возможность принятия управленческих решений на основе глубокого анализа данных с минимизацией экологических рисков [8]. Такой подход реализует ноосферный принцип превосходства разума над действием: последствия любого вмешательства сначала просчитываются в цифровой среде [4].

Проект The Ocean Cleanup (ТОС) является примером направленного ноосферного воздействия на проблему пластикового загрязнения. Современная установка System 03 представляет собой масштабный комплекс, объединяющий инженерную мощь и алгоритмическое управление. System 03 оснащена плавучим барьером длиной 2,2 км с сетчатым экраном, уходящим под воду на 4 метра [5; 7]. В отличие от пассивных ловушек, система использует «активное маневрирование»: на основе расчетных моделей и данных мониторинга судабуксиры направляют установку в зоны с максимальной плотностью пластика («горячие точки») [5;6]. При пиковой нагрузке система способна очищать площадь размером с футбольное поле каждые пять секунд [5].

Для предотвращения ущерба морской фауне в конструкцию внедрены специализированные технические решения: автоматический люк безопасности для животных, акустические отпугиватели и независимый биомониторинг. Автоматический люк безопасности (MASH – Marine Animal Safety Hatch) используется при обнаружении животного внутри зоны удержания через систему подводного наблюдения: люк блокирует вход для мусора и открывает путь для выхода животного [5, 7].

Акустические отпугиватели предупреждают морских животных о работе механизмов. Независимый биомониторинг осуществляется квалифицированными наблюдателями при всех взаимодействиях с биотой [5].

Для блокирования поступления пластика из рек в океан разработана серия автономных систем Interceptor. Модель Interceptor Original функционирует как полностью автоматизированный катамаран на солнечной энергии [9].

Энергонезависимая конвейерная система извлекает до 24 кг отходов в секунду, обеспечивая удаление до 100 000 кг мусора в сутки [9].

К началу 2025 года в 9 странах было развернуто 20 таких установок, что стало важным шагом в реализации программы по очистке 1000 самых загрязненных рек мира [5; 9].

2025 год отмечен значительным прогрессом в масштабировании ноосферных технологий. В июне 2025 года на Океанической конференции ООН в Ницце была анонсирована программа «30 городов», нацеленная на борьбу с городским пластиковым загрязнением

[5; 7]. Согласно статистическим показаниям на конец 2025 года совокупная масса удаленного пластика превысила 45 000 000 кг [5], из них годовой вылов – более 25 000 000 кг [5]. Также было очищено более 53 миль побережий в рамках глобальных волонтерских кампаний [10]. Исследование доктора Маттиаса Эггера (май 2025 г.) подтвердило чистую экологическую выгоду от работы систем очистки в Тихом [5, 6].

Реализуемые сегодня стратегии по ревитализации гидросферных экосистем представляют собой фундаментальные вехи в процессе перехода цивилизации к ноосферному состоянию. Масштабная интеграция автоматизированных систем наблюдения, форсированный переход к энергетической автотрофности и внедрение моделей замкнутого цикла служат эмпирическим подтверждением тезиса В. И. Вернадского о научной мысли как мощной геологической силе, способной конструктивно трансформировать облик планеты.

Элиминация до 90% поверхностного пластикового загрязнения в Мировом океане к 2040 году рассматривается как верифицируемая технологическая цель, достижимая при сохранении текущей динамики инноваций и укреплении транснационального партнерства.

Подобные инициативы воплощают смену глобальной парадигмы: от стихийного ресурсопотребления к осознанному проектированию биосферных процессов, где интеллектуальный ресурс человечества становится гарантом сохранения природного равновесия и устойчивого прогресса.

Гармонизация межгосударственных протоколов и приоритетное инвестирование в регенеративные технологии закладывают фундамент новой экономической модели, в которой индустриальное развитие находится в состоянии динамического равновесия с восстановительным потенциалом окружающей среды.

Список использованных источников

1. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. – М.: Наука, 1991.
2. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-пресс, 2012.
3. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990.
4. AWS. What is a Digital Twin? [Virtual model of physical systems] – 2024.
5. The Ocean Cleanup. Year in Review 2025: Record Trash Haul and 30 Cities Program. – December 2025.
6. Egger M. Net Environmental Benefit Assessment of GPGP Cleanup Operations. – May 2025.
7. United Nations. Report of the Ocean Conference in Nice: Initiatives and Targets. – June 2025.
8. TADVISER. Обзор технологий цифровых двойников и IoT в экологии. – 2024.
9. WorldSteel Innovation. Interceptor: Solar-powered Automated Catamaran for River Cleanup. – 2024.
10. Global Ocean Cleanup Results 2025. Oceanic Society Report. – June 2025.

Роль технологии в развитии человечества

Щурко М. А., Струтинская Н. В.

Вся история человечества представляет собой непрерывный процесс преодоления границ, налагаемых природой, посредством создания и применения орудий. От каменного топора до искусственного интеллекта технологический прогресс выступает не просто спутником цивилизации, но её фундаментальным структурным принципом.

Сегодня мы переживаем очередную эпоху радикального перелома, когда скорость технологических изменений – от алгоритмов глубокого обучения до генетического редактирования – начинает опережать способность общества к их осмыслению и интеграции. Этот разрыв порождает фундаментальный вопрос: являемся ли мы творцами своей технологической судьбы или же, напротив, всё больше подчиняемся логике созданных нами систем?

Поиск ответа требует глубокого историко-философского анализа роли технологического фактора и изучения закономерностей смены промышленных укладов, которые в своей совокупности формируют ландшафт современного человеческого существования.

Актуальность темы проистекает из беспрецедентного темпа и масштаба технологических трансформаций, пронизывающих все сферы жизни. Цифровизация, роботизация и конвергенция технологий (NBIC) не только меняют экономику и рынок труда, но и переопределяют саму ткань социальных связей, культурные практики и индивидуальную идентичность. В этой связи обращение к философской рефлексии о технике становится насущной необходимостью. Ещё в середине XX века М. Хайдеггер и Х. Ортега-и-Гассет предвосхитили ключевую дилемму современности: техника, будучи изначально средством освобождения человека от нужды, может обернуться силой, диктующей ему свои условия.

Исторический опыт подтверждает, что технологические инновации часто служат катализатором масштабных цивилизационных сдвигов. Действительно, изобретение книгопечатания И. Гутенбергом в XV веке не только революционизировало распространение знаний, но и стало одним из важнейших условий Реформации и становления современной науки.

Паровая машина Дж. Уатта в конце XVIII века дала старт Промышленной революции, которая привела к урбанизации, формированию нового класса пролетариата и коренному изменению социальной стратификации. Конвейер Г. Форда в начале XX века символизировал переход к массовому производству и массовому потреблению, сформировав «общество благосостояния» и соответствующую ему культуру.

Описывая и объясняя эти преобразования, теория технологического детерминизма утверждает, что технология является первичной и автономной силой исторического развития, определяющей социальную организацию, экономику и культурные ценности. Понимание техники как самостоятельной силы, формирующей общественное устройство, уходит корнями в философскую мысль XIX века. Карл Маркс, анализируя промышленную революцию, сформулировал тезис о первичности производительных сил.

Хотя сам Маркс рассматривал технику в диалектической связи с производственными отношениями, этот тезис стал основой для развития технологического детерминизма. В конце XIX – начале XX века в трудах Т. Веблена технология стала рассматриваться как независимая переменная истории, а социальные институты – как зависимые, вынужденные подстраиваться под ее логику. Американский социолог У. Огборн развил теорию «культурного лага», утверждая, что технологические изменения происходят стремительно, в то время как социальные и культурные нормы адаптируются с опозданием, порождая социальное напряжение и конфликты.

Эта модель казалась убедительной на фоне очевидных трансформаций эпохи второй промышленной революции: электричество, конвейер, автомобиль меняли не только производство, но и повседневную жизнь, урбанизацию,

структуру времени. Однако «жёсткий» вариант этого подхода, рассматривающий технологию как внешнюю силу, производящую предсказуемые «рикошетные эффекты» в обществе, давно подвергается обоснованной критике.

Мамфорд Л. и Эллюль Ж. указывают на односторонность такого взгляда. Мамфорд, анализируя феномен «мегамшины» – тотальной социальной организации, подчиняющей людей логике эффективности, – показывал, что техника развивается не в вакууме, а в тесной связи с политическими структурами и властными отношениями.

Эллюль же предупреждал о становлении «технологического общества», где всепроникающая техническая рациональность подчиняет себе человеческую свободу и мораль. Таким образом, недостаток технологического детерминизма заключается в редукционизме, игнорировании социального контекста, культурных ценностей и человеческой агентности, которые в равной степени участвуют в формировании технологических траекторий.

Эти критические размышления подготовили почву для перехода к концепции «мягкого» технологического детерминизма. Его сторонники, такие как Маршалл Маклюэн, не отрицали формирующей силы технологий (знаменитый тезис «the medium is the message» – «средство сообщения само является сообщением»), но настаивали на том, что социальный контекст, культурные ценности и политические решения играют ключевую роль в том, какие технологии развиваются и как именно они внедряются. Таким образом, технологии задают рамки возможного и формируют новые условия, но не определяют однозначного социального результата.

Теория технологического детерминизма, особенно в его «мягком» варианте, описывает логику воздействия технологий на общество. Однако для понимания того, как это воздействие разворачивается в исторической ретроспективе, необходим аналитический инструмент, способный уловить его волнообразную и системную природу. Таким инструментом выступает концепция тех-

нологических укладов (или технологических парадигм), тесно связанная с теорией длинных волн экономической конъюнктуры, разработанной Николаем Кондратьевым.

Каждый технологический уклад представляет собой целостный и устойчивый комплекс взаимосвязанных, дополняющих друг друга производств, технологий, источников энергии, материалов, квалификаций рабочей силы, а также соответствующих им моделей управления, потребления и образа жизни. Он формируется вокруг одного или нескольких базовых изобретений-прорывов и доминирует в мировой экономике в течение периода примерно 40–60 лет, определяя «лицо» своей эпохи. Смена укладов происходит не мгновенно, а через фазу кризиса и депрессии, когда потенциал предыдущего уклада исчерпан, а новый, набирая силу, ломает старые структуры и создает новые.

Первый технологический уклад (около 1770-1830-е гг.) определяется появлением производственных линий и фабрик. Происходит разрыв с ремесленной традицией, когда работник контролировал процесс и орудие труда; появляется феномен специализации без мастерства, когда рабочий выполняет одну монотонную операцию. Внедряется жесткий временной режим, естественные ритмы заменяются однородным индустриальным временем. Формируется городской пролетариат.

Этот уклад стал эмпирической основой для ключевых идей Карла Маркса об отчуждении (*Entfremdung*). В «Экономико-философских рукописях 1844 года» он описал, как при капитализме рабочий отчуждается: 1) от продукта своего труда (который ему не принадлежит), 2) от самого процесса труда (который становится принудительным), 3) от своей родовой сущности (творческого, свободного преобразования природы) и 4) от других людей. Труд из способа самореализации превращается в средство для поддержания физического существования.

Второй технологический уклад (около 1830-1880-е гг.) связан с паровым двигателем Дж. Уатта и его использованием на транспорте. Пространство

стало покоренным, время определяется системой часовых поясов. Сеть железных дорог позволила создать единое экономическое пространство внутри страны со стандартизацией товаров и цен.

Развивается финансовый капитализм. Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в «Размышлениях о технике» (1939) позже осмыслит эту эпоху как торжество «техники техника», где техника перестаёт быть набором инструментов и становится самоценной системой. Она порождает «человека-массу», который, пользуясь благами техники (например, поездом), не понимает её принципов и считает свой комфорт и могущество естественным правом, что ведёт к духовной пустоте и безответственности.

Третий технологический уклад (около 1880-1930-е гг.) опирается на электричество и создание синтетических материалов. «Рационализация» трудового процесса (Тейлор) приводит к созданию движущегося сборочного конвейера (Г. Форд). Рост городов порождает феномен анонимной городской массы, рождается массовая культура и пропаганда (кино, радио).

Немецкий социолог М. Вебер описал сущность этой эпохи как «железную клетку» (*stahlhartes Gehäuse*) рациональности. Научная, бюрократическая, экономическая рациональность, стремясь к максимальной эффективности, создаёт систему правил, предписаний и расчётов, в которую попадает человек. Эта система, первоначально служившая его целям, становится самодовлеющей силой, ограничивающей свободу и дух.

Техника становится не просто инструментом, а способом организации всего бытия по принципу целесообразности. Четвертый технологический уклад (ок. 1930 - 1970-е гг.) связан с нефтехимией, автомобилестроением и конвейером. Появилась атомная энергетика, первые ЭВМ (ENIAC, 1946) и транзисторы (1947). Формируется средний класс, потребление становится не только возможностью, но и гражданской обязанностью, двигающей экономику. Идентичность человека конструируется через обладание вещами и символами статуса.

Франкфуртская школа (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе) и позднее Г. Дебор подвергли этот уклад радикальной критике. Маркузе в работе «Одномерный человек» (1964) описал, как технологическая рациональность и система массового потребления создают «репрессивную толерантность», поглощая любую оппозицию и превращая человека в пассивного, управляемого конформиста. Ги Дебор в «Обществе спектакля» (1967) заявил, что подлинная жизнь замещена «спектаклем» – миром образов, товаров и медиа-репрезентаций, которые и становятся новой реальностью, отчуждающей человека от его подлинного опыта.

Пятый технологический уклад (около 1970-2010-е гг.) определяется изобретением микропроцессора (Intel 4004, 1971 г.) и созданием глобальной компьютерной сети ARPANET, а позднее и Всемирной паутины (World Wide Web). Формируется новая виртуальная среда обитания Цифровизация информации (текст, звук, изображение) и оптоволоконная связь создали новую, виртуальную среду обитания. «Сетевое общество» (М. Кастельс) определяет социальные связи, формируется цифровая идентичность, приватность перестала быть нормой, личные данные стали товаром (модель *surveillance capitalism* – капитализма наблюдения). Возникает гиг-экономика (*gig economy*) с неустойчивой занятостью, временными краткосрочными контактами.

Канадский теоретик медиа М. Маклюэн, чьи идеи опередили время, в 1964 году сформулировал ключевой тезис: «*the medium is the message*» (средство коммуникации само является сообщением). Он утверждал, что каждое новое средство коммуникации (алфавит, печать, телевидение, интернет) не просто передаёт информацию, но переформатирует органы чувств, мышление и социальную организацию людей, создавая новую «глобальную деревню». Интернет стал таким тотальным медиумом, переопределившим реальность.

Шестой технологический уклад (2010-е – настоящее время) опирается на цифровые сети, искусственный интеллект, биотехнологии и возобновляемую энергетику. Возникает гибридная био-техно-сфера, в которой стираются онтологические границы между живым и неживым (ксеноботы), человеческим и

машинным (цифровые импланты мозга (brain-computer interface)), физическим и цифровым (цифровые двойники).

Применение алгоритмов для принятия решений, технологии «улучшения» человека ставят вызов субъектности человека и его сущности. Этот уклад является прямым воплощением концепции Мартина Хайдеггера о «поставе» (Gestell) – сущности современной техники как вызова, который ставит на всё сущее, требуя от него быть «состоящим-в-наличии», то есть ресурсом для беспрестанного извлечения, оптимизации и использования.

Теперь в статус «ресурса» попадает сама жизнь (биомасса, геном) и человеческое сознание (внимание, данные, нейронная активность). Цивилизация сталкивается с необходимостью заново ответить на вопрос «Что такое человек?» в эпоху, когда его природа становится предметом технического проектирования. Философия постгуманизма (Р. Брайдотти, Н. Кейффер) и трансгуманизма пытается осмыслить эти новые горизонты.

Шестой уклад означает переход к новой фазе цивилизационного развития, где технология становится не просто средством или средой, а со-творцом человека и его будущего. Эти примеры иллюстрируют тезис о том, что технология действительно является мощнейшим агентом изменения. Однако характер этих изменений – будь то усиление централизации или децентрализации власти, рост равенства или неравенства, интеграция или атомизация общества – никогда не определяется одной лишь технологией.

Он является результатом сложного взаимодействия технологических возможностей с существующими социальными структурами, культурными нормами, экономическими интересами и политической волей. Как отмечает Станислав Лем, «технология просто очерчивает границы того, что и насколько дешево мы можем сделать», оставляя обществу пространство для выбора, что именно и в каких целях создавать в этих границах.

Список использованных источников

1. Глазьев, С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Ю. Глазьев; Междунар. фонд Н. Д. Кондратьева. – Москва: ВладДар, 1993. – 310 с.: ил. – ISBN 5-86209-003-7
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – 608
3. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Г. Николаева. – Москва; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2003. – 464 с. – (Приложение к серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).
4. Маркс, К. Нищета философии / К. Маркс. – Москва: Издательство политической литературы, 1987. – 194 с.
5. Ортега-и-Гассет, Х. Размышления о технике // Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича; пер. с исп. – Москва: Весь Мир, 1997. – С. 164–232.
6. Перес, К. Технологические революции и финансовый капитал: Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес; пер. с англ. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 256 с.
7. Рифкин, Дж. Третья промышленная революция: как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / Дж. Рифкин; пер. с англ. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2014. – 410 с.
8. Степин, В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Степин // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.
9. Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – Москва: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
10. Хайдеггер, М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе: сб. ст. / сост. и предисл. П. С. Гуревича. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 45–66.
11. Яковец, Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Ю. В. Яковец. – Москва: Наука, 1999. – 448 с.

12. Пелевин, С. И. Роль развития технологий в становлении современного общества как техногенной цивилизации / С. И. Пелевин // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2018. – Т. 7, № 6А. – С. 101–108.

13. Технологический детерминизм [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Технологический_детерминизм.

14. Технологический уклад [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Технологический_уклад.

Потребности, комплекс Ионы и образование

Лосев И. А., Дождикова Р. Н.

Американский психолог Абрахам Маслоу выделил 5 видов потребностей: физиологическую, потребность в безопасности, потребность в любви, потребность в уважении и потребность в самоактуализации. Он утверждал, что человек не может испытывать высшие потребности, пока нуждается в более простых, поэтому распределил потребности в определённом порядке. С его точки зрения, физиологическая потребность имеет «вполне определённую соматическую локализацию» [1, с. 43]. Удовлетворение базовых потребностей позволяет «потребностям социального уровня» [1, с. 45] выдвинуться вперёд.

Потребность в безопасности начинает действовать интенсивно, когда ситуация становится опасной для жизни, заставляющей организм бороться с угрозой войны или болезни. Внезапно появившаяся угроза становится триггером для возвращения с более высоких уровней потребностей на уровень безопасности, которая связана с потребностью человека в физической и духовной защите, в религии, в представлениях человека о мире, его желании понять основные законы существования «и определить свое место в универсуме» [1, с. 47]. Потребность в принадлежности и любви проявляется, когда человек начинает чувствовать себя одиноко, замечать недостаток близких для него людей, нуждаться в тёплых дружеских отношениях.

В этом случае «человек хочет и любить, и быть любимым» [1, с. 50]. Потребность в любви связана с потребностью в уважении, которая делится на два класса. Первый класс представляет собой потребность в чувстве собственной силы, уверенности в себе и своей способности справляться с поставленными задачами. Второй класс – это необходимость в славе, популярности, потребность в приобретении внимания и статуса.

Однако человек может ощутить неудовлетворённость, если он тратит свою жизнь не на то, к чему лежит душа. «Человек обязан быть тем, кем он

может быть. Человек чувствует, что он должен соответствовать собственной природе» [1, с. 51], т. е. он чувствует потребность в самоактуализации.

А. Маслоу открыл препятствие личностному росту (самореализации) под названием «комплекс Ионы», который подразумевает, что у каждого присутствует стремление к самосовершенствованию, к раскрытию своего потенциала, к самоактуализации, или желанию стать более человеческим, к развитию своей человеческой сущности, но мы стараемся уйти от обязательств, которые возлагает на нас судьба и наши способности.

«Мы боимся быть такими, какими представляем себя в краткие, прекрасные минуты прозрения, в самые совершенные моменты своей жизни, собрав все свое мужество в кулак. Мы восхищаемся и даже испытываем благоговейный трепет перед божественными возможностями, которые обнаруживаем в себе в эти прекраснейшие мгновения жизни. Но мы одновременно трепещем от ужаса перед ними и чураемся их» [2, с. 48].

«Использование инновационных технологий в процессе преподавания стимулирует творческую активность студентов, помогает избавиться от «комплекса Ионы» (Jonah complex) – страха перед самореализацией, неверия в свои силы, позволяет рассматривать свои страхи, уныние, депрессию, пограничные ситуации как некий вирус, от которого можно излечиться, выполняя какую-либо творческую работу, реализуя свои таланты» [3, с. 174].

«Модель потребностей А. Маслоу можно применить к анализу потребностей в образовании» [4, с. 476]. Потребность в образовании на первом базовом уровне фиксируется в желании учиться, чтобы иметь достойный уровень существования, оплаты труда. Спецификой проявления потребности в безопасности является гарантия в том, что при наличии образования удастся найти работу, сделать карьеру, достичь определенного положения в обществе.

На следующем уровне (потребности в принадлежности и любви) потребность в образовании реализуется в межличностных отношениях, привязанности к «Учителю, школьному братству, к знаниям вообще; на уровне потребно-

сти в признании – в стремлении добиться результатов, быть уважаемым человеком; на уровне потребности в самореализации – в собственном развитии, свободе творческого самовыражения» [4, с. 476].

Актуальность пирамиды потребностей А. Маслоу не вызывает сомнений, ведь стандартные потребности людей остаются неизменными, несмотря на развитие технологий и изменения, происходящие в обществе.

Список использованных источников

1. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность: [пер. с англ.] / А. Г. Маслоу. – СПб.: Питер, 2010. – 351 с.
2. Маслоу, А. Г. Дальние пределы человеческой психики / А. Г. Маслоу; [пер. с англ.: А. М. Татлыбаевой]. – СПб: Изд. группа Евразия, 1997. – 430 с.
3. Дождикова, Р. Н. Трансформация обыденного познания в современном социуме / Р. Н. Дождикова. – Мн.: Беларуская навука, 2025. – 229 с.
4. Дождикова, Р. Н. Образование / Р. Н. Дождикова // Энциклопедия для школьников и студентов: в 12 т. – Мн., 2009. – Т. 1: Информационное общество. XXI век / [под общ. ред. В. И. Стражева]. – С. 475–476.

Социальная философия и ее роль в обществе

Лазовская К. Д., Булыго Е.К.

Традиционно социальная философия исследует, что такое общество, как оно возникло и какое место в нем занимает человек, анализирует социальные явления, такие как: экономика, политика, культура, общественные отношения. Если сравнить социальную философию с социологией, то можно увидеть разницу в подходе. Социология – описывает и анализирует общественные явления, в то время как философия стремится понять их смысл и значение.

Социальная философия выполняет важную функцию в жизнедеятельности общества, обеспечивая понимание социального устройства и способствуя преобразованию как материальной, так и духовной сфер жизни. Она способствует осмыслению общенациональных целей, обращая внимание на сплочённое действие для их реализации [1, с. 8 – 10]. Помимо этого, данная область знаний служит основой для научных исследований в области общественных наук, определяя их методологические рамки, принципы анализа и подходы к изучению социальных процессов.

К проблеме общества философия обращается с момента своего зарождения. Философия общества выросла из древних мифов, именно поэтому первые идеи о социуме были тесно связаны с верой и преданиями. Главная особенность этих идей – поиск сходства между устройством Вселенной и устройством человеческого общества. В рамках косм центристского мировоззрения понимание общественного устройства определялось идеями гармонии, порядка и справедливости.

Наиболее фундаментальные подходы к обществу в период классической античной философии были сформулированы Платоном и Аристотелем. По словам Платона, общество должно быть основано на идеальных качествах таких как: мудрость, храбрость и умеренность. Так же Платон считает, что государство должно быть социальным институтом, который обеспечивает равенство и справедливость между гражданами. Правители обязаны быть мудрыми,

защитники – храбрыми, а низшие касты должны проявлять умеренность. Частная собственность является негативным аспектом общественной жизни, а решением этой проблемы может стать модель идеального общества, где все живут в единстве и согласии.

Первые опыты рационального осмысления общественного устройства предпринимаются в философии Платона в книгах «Государство» и «Законы». На представления Платона в свою очередь оказали влияние идеи цикличности истории и устремленности к достижению порядка на уровне общества, соразмерного космической гармонии. Платон детально развил видение идеального устройства государства.

Аристотель продолжил разработку идей общественного устройства, начатую Платоном. В первую очередь его интересовали вопросы управления обществом. Философ последовательно решил проблему баланса общественной пользы и частного блага. Философское знание об обществе в дальнейшем было обогащено религиозными воззрениями эпохи Средневековья.

В эпоху Возрождения в философские воззрения на общество возвращаются идеи античности, включая идею цикла и идеи космических аналогий [2, с. 210 – 225]. В Новое время вместе с распространением материализма определяющую роль начинают играть механистические представления об обществе (общество рассматривается по аналогии с машиной). Для Нового времени характерно формирование идей общественного договора и гражданского общества в социальной философии.

В социальной философии для анализа общества как сложной системы часто используется трехуровневая модель, которая позволяет уловить философские законы, конкретные формы организации общества и уникальность исторических событий. Предметом социальной философии является общество как целостность и его представление на трех уровнях: всеобщем, типологическом, индивидуальном.

Этот уровень отвечает на вопрос: «Что такое общество, как таковое?» Рассматриваются свойства, присущие любому обществу в любой точке истории – от первобытной общины до постиндустриального мегаполиса. Типологический уровень спускается от абстрактного общества к его конкретным историческим или культурным типам.

Здесь философия встречается с историей и социологией, чтобы ответить на вопрос: «Каким образом устроено общество на данном этапе развития?» Говоря об индивидуальном уровне, который фокусируется на уникальности, он отвечает на вопрос: «Что делает конкретное общество непохожим на другие?» Здесь учитываются роль личности в истории, случайности и особенности географического положения. Таким образом, игнорирование взаимосвязи этих уровней ведет либо к редукционизму – сведение сложных социальных процессов к действию абстрактных законов, либо к историцизму – абсолютизация уникальности и отрицание возможности научного обобщения. Однако только в своей неразрывной связи данные уровни обеспечивают целостное постижение социальной реальности.

Основные роли социальной философии в жизни общества и их появление напрямую связаны с самим определением общества. Общество – это высшая ступень развития живых систем, главные элементы которой – люди, формы их совместной деятельности (труд, продукты труда, различные формы собственности, политика, совокупность социальных институтов).

Основа общественной жизни – труд. Объединение людей в целостную систему происходит независимо от их воли. В обществе действуют законы развития – необходимые, повторяющиеся связи явлений общественной жизни, которые характеризуют основную направленность социального развития от низшего к высшему. На каждом этапе развития общества действуют два рода законов – общие и специфические. Общие определяют устойчивое в историческом процессе, а специфические, проявляющиеся только в ограниченном историческом времени или пространстве.

Говоря о социальной философии в контексте вызовов XXI века ее роль, приобретает особое значение по ряду направлений. Особое значение приобретает анализ глобализации – сложного процесса, включающего как унификацию, так и фрагментацию, интеграцию и дифференциацию.

Философия исследует такие явления, как глобальное гражданское общество, транснациональные инициативы, формирование планетарной идентичности. Этот анализ позволяет увидеть, как положительные аспекты глобализации, такие как расширение связей и доступ к информации, так и отрицательные, например, усиление неравенства и культурную унификацию.

Важным направлением является осмысление цифровой трансформации. Повсеместная цифровизация порождает новые социальные реалии: виртуальные сообщества, разрыв в доступе к технологиям, изменение характера труда и отдыха, трансформацию социального контроля. Философия задается вопросами о влиянии цифровых технологий на природу человека и общества, о возникновении новой социальной иерархии, основанной на доступе к цифровым ресурсам, и о трансформации публичной сферы под воздействием цифровых платформ. Социальная философия также активно участвует в анализе экологического кризиса, рассматривая его не только как технико-экономическую, но и как социокультурную проблему.

Она критически осмысливает ценности потребительского общества и ищет пути формирования новой экологической этики [2, с. 470 – 475]. Концепция устойчивого развития, широко обсуждаемая сегодня, имеет глубокие социально-философские корни. Еще одной актуальной областью является исследование социального неравенства. В условиях растущего разрыва между странами и внутри них, социальная философия предлагает различные концепции справедливого общественного устройства, анализируя механизмы воспроизводства неравенства и пути его преодоления.

Наконец, социальная философия играет важную роль в поиске путей межкультурного диалога и формировании гражданской идентичности. В мно-

гокультурных обществах возникает потребность в осмыслении принципов существования различных групп, разработке моделей мультикультурализма, а также в понимании механизмов формирования гражданской идентичности, учитывая национальные, государственные и общечеловеческие аспекты. Социальная философия представляет собой базовую дисциплину в философии, без которой невозможно всестороннее осмысление общества и роли индивида в нем. Ее объект изучения – самые универсальные закономерности работы и эволюции социальных структур – не сводится полностью к тематике какой-либо из специализированных социальных наук.

В сегодняшнем мире значение социальной философии многообразно. Она осуществляет мировоззренческую роль, создавая единое представление о социальной действительности; методологическую – предлагая ключевые принципы и понятия для эмпирических исследований; критическую – обнаруживая конфликты и изъяны в текущих общественных устройствах; прогностическую – намечая вероятные варианты будущего; аксиологическую – анализируя ценностные основы общественной жизни [3, с. 230 – 235]. В эпоху глобализации, цифровизации, экологических угроз и усиления социального расслоения социально-философское осмысление выходит за рамки чистой теории, становясь острой необходимостью.

Оно помогает разглядеть за отдельными трудностями их системную природу, выявить коренные источники кризисов и предложить стратегии их разрешения [4].

Роль социальной философии не ограничивается академическими кругами. Она нужна каждому так как учит мыслить масштабно и видеть за текущими событиями глубинные процессы, дает нам право голоса в диалоге о том, в каком обществе мы хотим жить, воспитывает ответственность, показывая, что история – это не безликий поток, а результат выбора миллионов людей.

В конечном счете социальная философия помогает обществу обрести самосознание, понять свою уникальность и свое место в потоке истории, чтобы двигаться не вслепую, а осмысленно.

Список использованных источников

1. Социальная философия: учебное пособие / А. М. Порошина, А.А. Шеремет; Министерство сельского хозяйства Российской Федерации, Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина. – Омск: ФГБОУ ВО Омский ГАУ, 2025 / 124 с.
2. Алексеев П. В., Панина А. В. Философия: учебник. – М.: Проспект. 2014г. /588с.
3. Соколов, С. В. Социальная философия: учебное пособие для вузов / С. В. Соколов. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 256 с.
4. Пелевин, С. И. Философский анализ технологической трансформации и экологической ответственности / С. И. Пелевин // Гуманитарный вестник. – 2025. – № 4 (114). – URL: <https://hmbul.bmstu.ru/search/author/755/page1.html> (дата обращения: 06.04.2026).

Философское осмысление проблем бытия

Кишкель Е.М., Лойко А.И.

Именно наука философия является ведущей наукой, изучающая проблему бытия как одну из главных тем мировоззренческой потребности. Философия (греч. «*philia*» (любовь) и «*sophia*» (мудрость)), что означает буквально «любовь к мудрости». [3]

Бытие (греч. *εἶναι, οὐσία*; лат. *esse*) – объективная реальность (материя, природа), существующая независимо от сознания человека, совокупность условий материальной жизни общества [1]. Бытие означает все реально существующее и представляет собой наиболее общее понятие в философии. Наиболее распространенным является смысл бытия как единство объективной и субъективной реальности [2].

Онтология является ключевой областью философского знания, посвященной исследованию фундаментальной темы существования, которая занимает важное место среди всех философских вопросов. Рассматривая сущность бытия, можно выделить несколько аспектов. Прежде всего, возникает интерес к тому, что вообще реально, где оно находится и сколько времени длится. Многие мыслители отвечали на эти вопросы утверждением о всепространственности и вечности мироздания. Затем следует размышление о целостности мира, несмотря на его кажущееся разнообразие.

И, в заключение, анализ этих аспектов помогает понять саму природу бытия. Вопрос о природе существования впервые был поднят древнегреческим мыслителем Парменидом. Считая Бытие подлинной реальностью, он полагал, что оно бессмертно, неделимо, едино, остаётся неизменным и бесконечно длится. Не завися от чего-либо внешнего и лишённое ощущаемых свойств, оно доступно лишь разуму и мышлению.

Согласно Пармениду, Бытие не подвержено рождению и разрушению – оно пребывает в своей извечной сущности. Полностью противоположную точку зрения занимал Гераклит, который хотя и признавал вечность Бытия,

указывал на его непрерывное изменение и динамику. Появление одного состояния вещей обусловлено исчезновением другого. В дальнейшем Платон развивал идеи Парменида, предлагая рассматривать Бытие как абсолютную истину, сосредотачиваясь на его сути, а не на его проявлениях. Аристотель же стремился обобщить накопленные философские знания и сформулировать их на основе логических принципов.

Таким образом, разница во взглядах на проблему бытия отражает эволюцию философского мышления: от объективного поиска первоосновы мира, через теоцентрическое понимание, к познающему субъекту, и, наконец, к человеческому существованию как месту, где раскрывается смысл бытия.

Огромное многообразие форм проявления бытия рассмотреть невозможно. Однако существуют самые основные формы: материальное бытие – существование материальных (обладающих протяженностью, массой, объемом, плотностью) тел, вещей, явлений природы, окружающего мира; идеальное (духовное) бытие – существование идеального как самостоятельной реальности в виде индивидуализированного духовного бытия и объективизированного духовного бытия; человеческое бытие – существование человека как единства материального и духовного (идеального), бытие человека самого по себе и его бытие в материальном мире; социальное бытие, которое включает бытие человека в обществе и бытие (жизнь, существование, развитие) самого общества [5].

Чаще всего внимание обращается на кажущуюся наиболее очевидной форму бытия – материальную. Материя есть основа бытия, а все иные бытийные формы – дух, человек, общество – порождение материи. По утверждению материалистов (Демокрит, Маркс, Энгельс), материя первична, а сознание – ее свойство. Так же среди материальных объектов выделяют объекты неживой природы, объекты живой природы, социальные образования.

Соответственно можно выделить уровни неживой природы, живой природы, социальной природы. Духовное бытие, бытие идеального, позициони-

руют как особенную форму бытия. Это обусловлено, тем, что идеальное представляется рядом мыслителей как самостоятельная сущность или, по крайней мере, не зависящая от какой-либо материальной основы. Социальное бытие является объектом большого раздела, состоящего из целого ряда научных дисциплин: социальная философия, философия истории, философская антропология, философия права и некоторые другие.

Осмысление проблем бытия и познание наукой этого вопроса будет длиться до тех пор, пока существует человечество и его разум. Из покоя времен ученые – философы спорили, что первично: материальная реальность или духовная субстанция, как связаны между собой материальный мир и сознание, существуют ли они независимо друг от друга.

На мой взгляд, духовное бытие как человека, так и иных здравомыслящих существ не существует без материи, они вечны и существуют одновременно. Человек – с точки зрения материального бытия, это биологическое существо, состоящее из атомов, молекул и полей, подчиняющееся законам природы.

С точки зрения социального и духовного бытия, человек – это социализированное живое существо, обладающее даром мышления и речи, стремящееся к самосовершенствованию и нравственным идеалам.

Предположим, что человек физически покидает этот мир. С биологической точки зрения он теряет способность воспринимать жизнь. С духовной точки зрения на смертном одре человек может почувствовать бурю как положительных, так и отрицательных чувств в зависимости от качества прожитого периода. Ввиду этого, истинное бытие человека нельзя трактовать исключительно из материальной реальности.

Другой пример – человек на протяжении всей жизни нацелен расширять границы своего существования, развиваться, добиваться успехов в той или иной деятельности. Бытие можно трактовать как некий идеал, к которому стремится человек. В данном контексте бытие реализуется посредством социального статуса.

Бытие это и физическая, и психическая, и духовная, и социальная реальность. Это существование человека во всех его проявлениях, включая повседневную деятельность, физиологические потребности, ментальные процессы, взаимодействие с окружающей средой, а также социальный и духовный аспект. В настоящее время в связи с развитием компьютерных технологий говорят также о виртуальной форме бытия – виртуальной реальности.

Виртуальная реальность – это нереальное существование, а существование возможное, воображаемое, которое может возникнуть при определенных условиях с помощью технических средств, которые создают особое пространство для взаимодействия миром, имитирующим реальность, что порождает новые вопросы об онтологии и субъективности. Любое философское рассуждение начинается с понятия о бытии.

Многообразие знаний о бытии и подходов к осмыслению бытия позволяет говорить о разных формах бытия. Помимо бытия природы и бытия человека, различают также материальное и духовное бытие. Первое – бытие вещей (объектов), явлений и процессов в природе. Второе – бытие сознания, индивидуального и общественного. Кроме того, можно говорить о бытии природы и бытии общества. Природное бытие естественно по происхождению и по сути. Это бытие Вселенной, в которой действуют внутренние закономерности.

Бытие общества (и культуры) – продукт человеческого развития. В этой сфере реальности закономерности не имеют характера естественной необходимости, поскольку здесь действует свободная воля людей. Образ общества и культуры создается самими людьми [4].

Таким образом, вопрос о том, что такое бытие, постоянно присутствует в любом философствовании. Он возник вместе с зарождением философии и будет постоянно сопровождать ее, пока существует мыслящее человечество. Это вечный вопрос. И глубина его содержания неисчерпаема.

Список использованных источников

1. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка (общ. ред.) / С. А. Кузнецов, Авторская редакция, 2000. 1536 с
2. Философия. Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Философия» / А.И. Лойко [и др.]; под общ. редакцией А.И. Лойко. – Минск: БНТУ, 2023. 285 с.
3. Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания: Учебник. – М.: Гардарики, 2005. – 447 с.
4. Подпорин, Философия и методология науки, Белорусский государственный аграрный технический университет [Электронный ресурс], режим доступа – <https://studfile.net/preview/5440914/> – Дата доступа: 27.10.2025
5. Серикбаева Д. Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, [Электронный ресурс], режим доступа – <https://www.ektu.kz>

Экономическая философия начала XXI века

Золотухин Н.Д., Лойко А.И.

Экономическая философия исследует общество со стороны его экономических способностей: распределению благ и разделению труда. Первым рамки экономики, как отдельной научной дисциплины, определил греческий писатель и историк Ксенофонт от лица своего соотечественника

Сократа в книге “Домострой”. Он обозначил важность знаний в ведении хозяйства, определил факторы хорошего хозяина, и установил относительность стоимости. Отцом современной классической экономики считается шотландский учёный Адам Смит. Его трактат «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) стал первым систематизированным описанием функционирования национальной экономики и заложил основы современной экономической науки. Однако цели экономики и экономической философии значительно отличаются.

Экономика исследует хозяйствование человека, меняющееся со временем и местом, а также явление социального механизма рынка, как аппарат, создающий и распределяющий блага в структуре общества. Экономическую философию в свою очередь интересует вопросы, опосредованные явлением экономической деятельности человека: разница между ценой и стоимостью, культурная ценность экономических факторов, этичность некоторых способов обогащения, справедливость неравномерности распределения благ как в глобальной, так и в местной структуре социума.

Сейчас в XXI веке тенденции изменения экономики и её структуры хорошо прослеживаются во всем мире. Таким образом новые явления экономического и технического прогресса дают новые предметы для наблюдения со стороны экономической философии.

Основными тенденциями мировой экономики являются: всемирно-исторический процесс глобализации, виртуализация экономической и производ-

ственной деятельности, усиление значимости аналитической исследовательской изобретательской деятельности, культура становится важнейшим звеном экономики (реклама, формирование массового сознания человечества), сохранение экономической эксплуатации стран третьего мира бывшими развитыми странами (хищническая экономика), вступление в мировой финансовый оборот отстранённой от государственности криптовалюта.

Современная экономическая философия тесно интегрирована с другими науками, являющимися “рубежными” для экономики: экономическая социология, экономическая психология, биоэкономика, эконометрика. Экономическая философия ищет нестандартные методы для решения проблем экономики настоящего, задаёт вопросы о моральной и этической стороне экономике, ведь за каждой цифрой в статистке всегда стоит человек.

Экономическая философия помогает обретать смысл антропогенной деятельности, труд человека переходит из способа выживания в самоутверждение и самоактуализацию. Определяются новые материальные ценности для молодого звена общества, которые все больше опираются на материальную часть бытия. Важной частью становится гуманизация экономики и политической экономики, экономическая философия приходит к выводу, что рынок не приводит к справедливому распределению благ, а лишь выполняет функцию насоса, выкачивающего выгоду для высших звеньев” экономической пищевой цепи”, хоть рыночная модель справедливейшая из уже существующих, назвать гуманной её сложно.

Экономическая философия изучает и экологические последствия деятельности человека, и абсолютное большинство учёных призывают отказаться от “Экологического нигилизма”, потребительского отношения человека к данной ему природой окружающей среде, которое влечёт к уничтожению как этой среды, так и самого человека.

Проблема замены человеческого труда машинным не нова, однако сейчас не только физические, но и умственные качества человека прекрасно

сымитированы, что говорит о назревающем вопросе о сравнительных характеристиках человека и искусственного интеллекта, но так или иначе человек все ещё остаётся неподражаемым существом с неподражаемым интеллектом и мышлением, а симуляция и имитация его когнитивной способности способны заменить его в некоторых средах, но никогда не превзойдут.

Важнейшей темой стала массовая культура как инструмент экономики, в современном мире конструирование образов в сознании человека становится полноценной наукой, встаёт вопрос о гуманности биопрограммирования человека путём трансляции конкретной информации в мозг, который благодаря структуре информации будет ослаблен и сможет лишь быть на поводу у навязчивых идей, лозунгов, дизайнов и брендов.

Современные ценности создают из человека раба потребительской культуры, цель существования которого заканчивается на окружении себя новинками, однако само признание проблемы экономической философией, говорит о том, что у глобального общества есть другие пути развития. Экономическая философия особенно незаменима для определения гуманности и этичности многих экономических процессов.

Многие ТНК (транснациональные компании) публично выступают с поддержкой бедствующих народов и государств, но сами на “теневых” фабриках эксплуатируют дешёвый рабочий и даже детский труд. Корпорации, связанные с компьютерными технологиями, не стесняются торговать личной информацией пользователя для заинтересованных маркетологов. Западные компании при принятии на работу опускают факт квалификации и компетенции, и берут на рабочее место представителей различных меньшинств. Все эти вопросы нуждаются в широкой огласке и установлению для них моральных и этических рамок, которые позже перейдут в форму закона.

Таким образом экономическая философия стремится ограничить человека от тёмной стороны деятельности его труда: бессмысленной и беспощадной к культуре и природе. В свою очередь человек в XXI веке обладает огром-

ным трудовым потенциалом, что говорит лишь о том, что только своими руками человек способен наделить смыслом продукты собственной экономической деятельности, абстрагируясь от базовых желаний собственности. Экономическая философия помогает оправдать человеку те способности, которыми наградила его природа, путём поднятия и осмысления вопросов современного хозяйствования.

Список использованных источников

1. Скибицкий М. М. Философия экономики: становление, структура и современные функции //Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. – 2012. – №. 4 (8). – С. 8-15.

2. Томашевская Л. И., Мусина Г. А. Философия экономики и общая теория стоимости //Вестник карагандинского университета. – 2012. – Т. 67. – №. 3. – С. 51-58.

3. Прохоров М. М. Философские основания экономики и экономизм //Философия и общество. – 2014. – №. 2 (74). – С. 5-18.

4. Лойко А.И. Экономическая философия: Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Философия», под ред. А.И. Лойко – 2021 Минск – С.150-153

Наука и её социокультурный статус

Комаровский А.Э., Лойко А.И.

Наука представляет собой сложный и многогранный феномен, сущность которого раскрывается только при рассмотрении с трёх взаимосвязанных и дополняющих друг друга сторон. Во-первых, это особая, строго организованная познавательная деятельность, главной целью которой является открытие нового знания. Данная деятельность не является хаотичной – она следует чёткому методу, который позволяет не только выдвигать логически непротиворечивые идеи, но и обязательно проверять их, основываясь на опыте и фактах, что отличает науку от умозрительных рассуждений.

В процессе этой деятельности полученные знания не остаются разрозненными сведениями, а формируют вторую ключевую грань науки – целостную и динамичную систему объективных знаний. Эта система, состоящая из теорий, законов и концепций, стремится дать максимально точное, адекватное и истинное отражение определённой области реальности, объясняя не только поверхностные явления, но и их глубинные сущностные связи. Третья, неотъемлемая грань современной науки проявилась особенно ярко в XX веке, когда наука стала основой управления социальными процессами (экспертные оценки, теория принятия решений, менеджмент).

Это означает, что наука превратилась в профессиональную сферу с собственной разветвлённой структурой (академии, университеты, исследовательские центры), внутренними нормами и ценностями (такими как интеллектуальная честность, открытость к проверке и стремление к истине), а также колоссальным влиянием на все сферы жизни общества – от технологий, экономики и политики до культуры и повседневного быта человека [1, с. 221 – 230].

Философское осмысление науки, её методов и границ составляет отдельную и важнейшую область знания – философию науки, которая глубоко ана-

лизирует, как именно наука приходит к своим открытиям и что делает эти открытия достоверными. Центральным предметом размышлений здесь выступает проблема истины, исследуемая в рамках теории познания.

Современный философский взгляд отвергает представление об истине как о чём-то раз и навсегда данном, статичном; вместо этого познание понимается как бесконечный исторический процесс, движение от незнания к знанию. В этом процессе мы оперируем относительными истинами – то есть знаниями, которые верно отражают реальность в определённых границах и в конкретное время, но которые могут уточняться и углубляться с развитием науки.

Идеалом же, к которому стремится это движение, остаётся абсолютная истина как полное соответствие знания действительности. Ключевым критерием, который отделяет научное знание от предположений и проверяет эти относительные истины, является практика. Именно практическая деятельность человека (эксперимент, наблюдение, техническое применение) служит источником возникновения научных проблем, основой для построения теорий и окончательной проверкой их достоверности [2, с. 13 – 15].

Эволюция способов научного мышления наглядно показывает, как менялось понимание отношений между познающим субъектом (учёным), используемыми им средствами (приборами, методами) и изучаемым объектом. Классическая рациональность, доминировавшая до конца XIX века, исходила из идеала абсолютного знания об объекте, который рассматривался как существующий сам по себе, независимо от наблюдателя и средств познания.

Однако научные революции начала XX века, такие как появление теории относительности и квантовой механики, привели к становлению неклассической рациональности, которая в свою очередь признала принципиальную невозможность полного отделения объекта от субъекта и средств наблюдения, поняв, что исследователь и его инструменты активно влияют на ту картину мира, которую мы получаем в итоге.

Современный этап развития научной мысли делает следующий шаг, фокусируясь на изучении сверхсложных, саморазвивающихся систем, таких как

глобальные экосистемы, человеческий мозг или сама социокультурная реальность. В этой парадигме наука открыто признаёт свою ценностную и этическую обусловленность, понимая, что выбор объекта исследования, цели и методы работы неизбежно несут на себе отпечаток социальных запросов, культурного контекста и личной ответственности учёного перед обществом и будущим [3, с. 2 – 25].

Современный статус науки характеризуется её неоднозначной природой. С одной стороны, она является незаменимым институтом цивилизации, основным источником технологических инноваций и необходимым инструментом для решения глобальных проблем, от экологических до медицинских.

Её функционирование основывается на принципах международного сотрудничества и свободы поиска. С другой стороны, эта значимость науки породила серьёзные проблемы, например, конфликт между стремлением к идеально чистому познанию и давлением коммерции, что может вести к искажению научных приоритетов.

Не менее важны и этические проблемы, связанные с последствиями применения открытий в областях генетики, искусственного интеллекта или новых вооружений, что требует от учёного социальной ответственности.

В современных условиях философия науки решает более обширный ряд задач, выходящих за рамки обычного анализа структуры, теорий и логики научных открытий. Область деятельности теперь включает изучение социального контекста, экономических интересов и культурных норм, которые в реальности формируют приоритеты для исследователей и направления научного прогресса. Одновременно философия должна прояснять этично ли то или иное вмешательство науки в природные системы и человеческую жизнь (например, клонирование животных или человека, замена человека искусственным интеллектом в различных отраслях).

Главная проблема – поиск “золотой середины” между двумя основными, но часто конфликтующими принципами: абсолютной свободой поиска знаний

как двигателя прогресса и необходимостью оценивать последствия применения этих знаний, чтобы они гарантированно приносили исключительно пользу обществу и природе.

Науку можно рассматривать с трех взаимосвязанных сторон: как деятельность по получению знаний, как систему этих знаний и как особый социальный институт. Философия науки изучает методы этой деятельности, понятие истины и то, как исторически менялись идеалы и нормы науки – от строгих классических моделей к современным.

Сегодня положение науки противоречиво: она остается главным двигателем прогресса, но сталкивается с чрезмерной коммерциализацией следствием которой являются серьезные этические и моральные проблемы. Таким образом философия стала необходимой для взаимопонимания между исследователями и обществом.

Список использованных источников

1. Философия [Электронный ресурс]: электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Философия» для студентов, слушателей, осваивающих содержание образовательной программы высшего образования для всех специальностей дневной и заочной форм получения образования / Белорусский национальный технический университет, Кафедра «Философские учения»; сост.: А. И. Лойко [и др.]; под общ. ред. А. И. Лойко. – Минск: БНТУ, 2023.
2. Лекции философия // Орловский филиал РАНХиГС. 2016. URL: <https://studfile.net/preview/5713135> (дата обращения 20.12.2025). – 15 с.
3. Кохановский, В.П. Философия для аспирантов: учебное пособие / Е.В. Золотухина, Т.Г. Лешкевич, Т.Б. Фатхи // Изд. 2-е – Ростов н/Д: "Феникс". – 2003. – с. 448.

Нейросеть как субъект образовательного процесса

Новик Е. О., Лойко А. И.

Стремительное развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ), в частности нейронных сетей, оказывает трансформационное воздействие на все сферы человеческой деятельности, включая образование. Нейросети перестают быть пассивными инструментами для решения узких задач (слабый ИИ) и начинают претендовать на более сложную роль в образовательной экосистеме, демонстрируя способности к адаптивному обучению, генерации контента и персонализированному взаимодействию [1].

Данный факт вызывает необходимость философского осмысления происходящих изменений. Актуальность исследования заключается в анализе фундаментального сдвига: «превращается ли нейросеть из инструмента в особый субъект образовательного процесса?»

Как это преобразует традиционные эпистемологические (познавательные) модели и парадигмы педагогики?» Данная работа ставит цель проанализировать роль нейросетей в образовании, исследование трансформации процессов познания и выявление новых этико-педагогических вызовов.

Традиционная педагогика строится на субъект-субъектных (педагог-обучающийся) и субъект-объектных (обучающийся-знание) отношениях. Нейросеть, особенно в формах генеративного ИИ, проблематизирует эту схему. Она не является живым существом в биологическом смысле, но, как отмечается в исследованиях, проявляет кибернетические признаки адаптации и самоорганизации, выходя за рамки простого инструментария. Способность нейросети к самостоятельному обучению на данных, генерации нового (знания, текстов, решений, гипотез) позволяет поставить вопрос о её специфическом эпистемологическом статусе.

Нейросеть становится посредником в познании, а в некоторых контекстах – его источником. Обучающийся взаимодействует не с объективированным знанием из учебника, а с динамичной, реагирующей на запрос системой.

Это меняет саму природу познавательного акта: знание становится не столько усваиваемым продуктом, сколько результатом диалога и «сотворчества» с алгоритмом. Возникает гибридная познавательная система «человек-нейросеть», где границы субъектности размываются.

Данный феномен требует пересмотра классических теорий познания и введения новых категорий для описания распределённого, не исключительно человеческого, генезиса знания.

Внедрение нейросетей как активных агентов ведёт к радикальной трансформации ролей в образовательном процессе.

1. Роль педагога смещается от транслятора информации к роли методолога, навигатора и этического арбитра. Задача учителя – не предоставить информацию (это делает ИИ эффективнее), а научить критической оценке этой информации, постановке правильных вопросов к ИИ, интеграции полученных от него данных в целостную картину мира. Педагог становится куратором гибридной познавательной системы.

2. Роль обучающегося эволюционирует в сторону со-исследователя и со-разработчика. Пассивное усвоение уступает место навыкам ведения продуктивного диалога с ИИ, проверки и интерпретации его выводов, совместного решения творческих задач. Формируется новая образовательная компетенция – «искусственный интеллект-грамотность».

3. Нейросеть как «идеальный тьютор» реализует утопию полностью персонализированного обучения, адаптируя содержание, темп и сложность под уникальные когнитивные паттерны каждого ученика. Однако здесь возникает философско-этический вопрос, описанный в контексте антропоморфизма [1]: не приведёт ли чрезмерная персонализация и имитация человеческого общения («очеловечивание» ИИ) к эффекту «зловещей долины» в педагогике, когда ученик перестаёт различать авторитет живого учителя и убедительную симуляцию, или к формированию зависимостей?

Наделение нейросети субъектными функциями в образовании порождает комплекс этических проблем, нуждающихся в философском и нормативном осмыслении.

1. Проблема ответственности. Если нейросеть, выступая субъектом, предоставит ложную или вредную информацию, приведшую к негативным последствиям для ученика, на ком лежит ответственность? На разработчиках, педагогах, управляющих алгоритмах? Требуется разработка новых правовых и этических рамок, аналогичных предлагаемым принципам прозрачности, отчётности и обратной связи для сложных систем ИИ [2].

2. Проблема контроля и безопасности. Как обеспечить, чтобы образовательные нейросети не стали инструментом манипуляции сознанием, не тиражировали идеологические предубеждения, заложенные в данных, и не были взломаны? Необходимы «педагогические» аналоги Трёх законов робототехники А. Азимова [3], закладываемые на архитектурном уровне.

3. Проблема аутентичности познания. Не приведёт ли делегирование когнитивных функций (написание текстов, решение задач) нейросети к деградации фундаментальных человеческих способностей – критического мышления, глубокого анализа, творческого усилия? Образование рискует превратиться в обучение эффективному использованию «когнитивного протеза», что возвращает нас к философскому вопросу: останется ли человек, активно использующий ИИ для познания, самим собой, или станет «киборгом» в эпистемологическом смысле? [1]

Из произведённого анализа можно утверждать, что нейросети действительно становятся новым, уникальным типом субъекта в образовательном процессе и это влечёт за собой глубинные трансформации. Меняется эпистемологическая модель: познание становится распределённым, гибридным, диалогическим. Глубоко преобразовывается педагогическая парадигма: перераспределяются роли учителя и ученика, а на первый план выходит формирование навыков работы в симбиозе с ИИ.

Однако эта трансформация сопряжена с серьёзными этическими рисками, связанными с ответственностью, безопасностью и сохранением аутентичности человеческого познания. Для гармоничного встраивания нейросетей в образование необходимо не только технологическое развитие, но и опережающая философская и педагогическая рефлексия, разработка новых этических кодексов и методологий. Будущее образования лежит не в противостоянии человека и машины, а в осознанном построении продуктивного альянса, где нейросеть выступает мощным когнитивным партнёром, а человек сохраняет роль смыслообразующего, критического и ответственного субъекта.

Список использованных источников

1. Горбачёв Д.А., Лойко А.И. Философия искусственного интеллекта – 2024.
2. Шестаков А. К. Философия науки и техники в современном техническом образовании и философские проблемы развития современных технологий. – 2018. – С. 1298-1302.
3. Азимов Айзек. Роботы и Империя. – Москва: Эксмо, 2006. – 448 с.

Идолы познания в современном образовательном процессе

Аракчеев И.А., Булыго Е.К.

Проблема перехода от среднего общего образования к высшему образованию перестает быть вопросом простой смены уровня образования. Данная проблема приобретает глубокое философское и онтологическое значение. Традиционная модель образования, основанная на получении массива готовых знаний, вступает в конфликт с динамикой развития современного мира.

Этот переход требует от субъекта отказа от пассивной роли «накопителя» информации. В высшей школе познание опирается на эмпиризм, восходящий к Фрэнсису Бэкону: все знание нуждается в обосновании и проверке опытом. Фрэнсис Бэкон, один из основоположников эмпиризма, еще в XVII веке предупредил о «призраках» или «идолах», которые затуманивают человеческий разум. Сегодня эти идолы обрели новую форму, подпитываемую цифровыми технологиями и избыточностью информации [1].

Для понимания проблем, стоящих перед современным студентом, необходимо обратиться к учению Фрэнсиса Бэкона. Фрэнсис Бэкон в своем труде «Новый Органон» предложил метод индукции – восхождение от частных фактов к общим законам через строгий критический фильтр.

Его учение об идолах служит идеальным инструментом для анализа проблем современного студенчества, сталкивающегося с беспрецедентным давлением информационного шума [1].

Идолы рода – ошибки человеческого восприятия. Идолы рода коренятся в самой природе человека как биологического вида. Наш разум склонен искать закономерности там, где их нет, и упрощать сложные явления ради экономии когнитивных ресурсов. В условиях ВУЗа это проявляется в стремлении студентов к быстрым ответам. Мозг человека не приспособлен к обработке таких больших объёмов данных, которые генерирует цифровая среда [3].

Поисковые системы, ИИ подменяют собой внутренние процессы мышления. Студент перестает выстраивать логические связи, полагаясь на готовые

алгоритмы. Это ведет к атрофии аналитических способностей, так как разум, согласно Бэкону, уподобляется «неровному зеркалу», которое смешивает свою природу с природой вещей.

Идолы пещеры – личные заблуждения человека. Идолы пещеры связаны с индивидуальными особенностями каждого человека: его воспитанием, характером, прочитанными книгами и кругом общения [1]. В эпоху социальных медиа этот идол трансформировался - алгоритмы социальных сетей подбирают контент, соответствующий уже имеющимся убеждениям пользователя, тем самым укрепляя его в его собственной «пещере».

Идолы площади – ошибки, возникающие во время использования языка. Они возникают из-за неверного употребления слов в процессе общения [3]. В современном контексте это «социальные медиа и фейк-ньюс». Слова начинают управлять мышлением. Идолы площади создают иллюзию знания. Студент может оперировать сложными терминами, не понимая их сути, что Бэкон называл «пустыми словами». Высшее образование призвано очистить профессиональный лексикон выпускника, научив его видеть за словами реальные процессы и структуры.

Идолы театра – ошибки, которые возникают из-за слепой веры в готовые учения и авторитеты. В образовательной сфере это проявляется как следование устаревшим моделям обучения.

Советская модель «накопления суммы знаний для воспроизведения» сегодня превратилась в такого идола театра. Она создает красивую декорацию образованности, которая не выдерживает столкновения с реальной практикой. Студент, обученный лишь воспроизводить лекции, оказывается бессилён перед нестандартной задачей [1].

Главный вопрос современности: не где мы учимся (физическое пространство аудитории утрачивает монополию), а как мы учимся (методология и стратегия саморазвития). Качественно иная среда ВУЗа характеризуется следующими параметрами:

– Высокая степень неопределенности: в отличие от школьных задач с единственно верным ответом, университетские проблемы имеют множество решений.

– Автономия: ответственность за результат переносится с учителя на обучающегося.

– Междисциплинарность: решение любой профессиональной задачи требует интеграции знаний из различных областей (права, экономики, психологии, ИТ)

В условиях текучести реальности выпускник должен обладать не просто знаниями, а набором компетенций, которые позволяют ему адаптироваться к любым изменениям. Основные из них:

– Критическое мышление – это практическое применение метода Бэкона: постоянная проверка своих и чужих убеждений на наличие идиологов. Оно позволяет выпускнику не принимать информацию на веру, а анализировать её источники, логику и возможные скрытые интересы [4].

– Способность к самообучению – В эпоху «образования через всю жизнь» выпускнику важно не только получать информацию, но и самостоятельно управлять процессом её приобретения.

– Лидерские качества – такие качества позволяют индивиду эффективно управлять, объединять вокруг себя людей и формировать команду, добиваться нужных целей.

– Умение работать в команде – Способность к сотрудничеству входит в число самых востребованных навыков на глобальном рынке труда [4]

Критика советской модели образования сегодня актуальна как никогда. Советская школа была заточена под индустриальную экономику, где требовались специалисты с фиксированным набором навыков для работы в стабильных структурах. В постиндустриальном обществе, характеризующемся «текучестью реальности», эта модель становится деструктивной. Знания устаревают с чрезвычайно большой скоростью.

В проблемно-ориентированном обучении студент сам постигает сумму знаний в процессе решения конкретной задачи. Это позволяет преодолеть «идолов театра», так как студент видит границы применимости любой теории на практике.

Иллюстрацией «текучности реальности» может служить сфера таможенного регулирования и законодательства в рамках ЕАЭС и Республики Беларусь. Право – это традиционно консервативная область, стремящаяся к стабильности. Однако сегодня мы наблюдаем волну правок и изменений.

Таможенный кодекс ЕАЭС и национальное законодательство меняются не потому, что они изначально плохо написаны, нет, совершенно не так. Потому что действительность, и реальность постоянно меняются.

Глобальные торговые войны, пандемии, цифровизация логистики, внедрение блокчейна и ИИ в систему управления рисками – всё это требует мгновенной правовой реакции.

Для выпускника-юриста или специалиста по таможенному делу «знание закона» в его статичном виде бесполезно. Статья, выученная на третьем курсе, к моменту выпуска может быть отменена или радикально переработана.

Таким образом, успешный переход от школьного образования к высшему в современных реалиях требует от студента фундаментальной трансформации мышления – от пассивного усвоения готовых истин к активному созданию новых навыков. Философский подход Фрэнсиса Бэкона, несмотря на свою многовековую историю, служит наиболее точным инструментом для диагностики проблем цифровой эпохи. Освобождение разума от «идолов» – когнитивных искажений, подпитываемых информационным шумом, алгоритмами и устаревшими моделями обучения, – является главным условием становления современного специалиста.

Как показывает практика динамичных отраслей, таких как таможенное регулирование в ЕАЭС и Республике Беларусь, статичные знания стремительно обесцениваются. В условиях «текучности реальности» истинная цен-

ность высшего образования заключается не в передаче фактов, а в формировании критического мышления, адаптивности и способности к непрерывному самообучению. Именно эти качества позволяют выпускнику превращать высокую степень неопределенности современного мира из угрозы в пространство для профессионального и личностного роста.

Список использованных источников

1. Денисенко, С. В. «Идолы познания» Ф. Бэкона в современном образовании / С. В. Денисенко // Электронная библиотека Института МВД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/8014/1/denisenko.pdf. – Дата доступа: 16.04.2026.

2. Цифровая усталость: почему технологии все чаще вредят, нежели помогают // Psychologies [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.psychologies.ru/articles/cifrovaya-ustalost-pochemu-tehnologii-vse-chashe-vredyat-nezheli-pomogayut/>. – Дата доступа: 16.04.2026.

3. Философия Нового времени: Фрэнсис Бэкон // Справочник Work5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.work5.ru/spravochnik/filosofija/filosofija_novogo_vremeni_frensis_bekon. – Дата доступа: 16.04.2026.

4. Титкова, М. В. Ключевые компетенции современных молодых специалистов / М. В. Титкова // Электронный научно-образовательный журнал EDRJ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edrv.ru/article/06-11-24>. – Дата доступа: 16.04.2026.

Этикет как технология овладения телом: история запретов и разрешений

Масюк У.В., Булыго Е.К.

Долгое время философы предпочитали рассуждать о духе, оставляя телесность в тени, хотя именно повседневный контроль над собственным телом удерживает наше социальное «Я». Этикет – не скучный перечень правил, а способ присвоить себе плоть через систему запретов и разрешений, перекраивая «естественное» под культурные лекала: жёстче всего нормировались позы, походка, мимика и поведение за столом.

Если в Средневековье позволяли публично плакать или смеяться, то придворная культура XVIII века потребовала каменного лица, а правила за столом (не дуть на горячее, строгое обращение с ножами и вилками) приучали организм к порядку даже через удовольствие от еды. В итоге через «можно» и «нельзя» в жестах и позах тело перестаёт быть биологическим объектом, становясь знаком культурной принадлежности, а сам человек – одновременно автором и произведением [1].

Философы, исследующие обыденную жизнь, редко уделяют внимание таким фрагментам человеческого опыта, которые кажутся слишком простыми или привычными. Между тем именно правила поведения за столом наглядно демонстрируют, как природный организм превращается в тело, отмеченное культурой [2]. Разного рода предписания – как держать ложку, можно ли чавкать, позволительно ли облизывать пальцы – это не просто перечень «хороших манер», а особый способ обуздания биологических позывов.

Подобный способ удачно назвать микрополитикой телесности: каждый запрет или разрешение со временем закрепляется в мышечной памяти и начинает воспроизводиться автоматически. Так приём пищи из сугубо личного дела становится публичным, жёстко регламентированным действием.

Согласно историческим документам, в средневековой Европе еда долгое время носила характер коллективного обряда с минимумом стеснений: еду

брали руками, вытирали их об одежду, громко хлебали и не видели ничего зазорного в отрывке [3]. Коренной перелом происходит в XVI–XVII столетиях под воздействием двух сил – придворного церемониала и печатных руководств по «цивильному» поведению. Входят в обычай запреты: облизывать нож, выплёвывать кости на пол, дуть на слишком горячее блюдо.

Появляется строгое разграничение столовых приборов, а вилка (ещё недавно слывшая «дьявольской выдумкой») превращается в метку социального положения. Показательно и другое: культурная норма требует убирать звуки и запахи жевания. Человек вынужден контролировать даже те телесные проявления, которые всегда считались произвольными [4].

Культурные нормы, регулировавшие принятие пищи, не ограничиваются одной лишь трапезой: они распространяются и на то, как человек перемещается в пространстве. На первый взгляд, ходьба – чисто биологический процесс, не требующий контроля сознания; ноги переставляются сами собой.

Тем не менее история показывает, что этикет активно вторгается и в эту область. Людям предписывали, каким должен быть шаг, его частота, куда смотреть во время движения и насколько сильно разрешено раскачивать руками. В определённые эпохи неправильная походка могла стоить не только репутации, но и жизни.

В средневековой Европе специальных правил для походки ещё не существовало: крестьяне передвигались тяжело, поднимая пыль, рыцари в латах гремели и шаркали. Ситуация меняется в эпоху Возрождения. В итальянских «книгах о цивиличности» начинают подробно разбирать, как надлежит входить в комнату и проходить мимо старших по положению [3].

Появляется термин *decorum* («приличия»). Согласно ему, ходьба не должна быть торопливой (это выдает суетливость и незнатное происхождение) и не может быть излишне замедленной (такая походка указывает на гордыню или лень). Идеал – шаг размеренный, плавный, без рыскания корпусом и широких взмахов рук.

Наиболее жёсткие требования складываются при французском дворе. Там формируется настоящий культ «благородной походки»: аристократ не топает, а скользит – носок вытянут вперёд, пятка почти не касается земли (впоследствии эта манера даст менуэтный шаг). Под запретом подпрыгивания, шарканье, слишком широкая постановка стоп; руки должны висеть почти неподвижно. Так этикет зрительно отделял «человека культуры» от простолюдина с его размашистой, грузной поступью.

Интересно, что гендерные нормы тоже вмешивались в биомеханику: женщине долгое время ставилось в вину слишком заметное движение бёдер – корсеты и тяжёлые юбки специально сковывали её шаг, делая его мелким. Мужчине позволялась большая свобода, но без расслабленности [2].

В XIX веке, особенно в викторианской Англии, походка становится индикатором не только сословного статуса, но и морального облика. Слишком бодрый, подпрыгивающий шаг вызывал подозрения в легкомыслии, а волочение ног – в лени или пьянстве. Печатаются руководства вроде «Как правильно ходить по улице», где требовали смотреть прямо, не крутить головой, не задевать локтями встречных и ни в коем случае не оглядываться на женщин [1].

Философская антропология трактует подобную регламентацию как вторжение культуры в самую произвольную, автоматическую сферу телесности [2]. Человек уверен, что он просто идёт, однако его тело давно запрограммировано веками накопленных запретов и дозволений – не раскачивайся, не топайте, не семени.

Эти предписания настолько глубоко укореняются в нервно-мышечной системе, что выходец из «приличной» среды часто не в состоянии внятно объяснить, почему ему претит размашистый шаг соседа или шарканье подчинённого; он отделяется неререфлексируемым «это некультурно». Через механику шага этикет окончательно подчиняет себе тело, превращая его в нечто послушное, предсказуемое и легко считываемое.

Походка становится своеобразным удостоверением личности: по ней распознают статус, воспитание, подчас и род занятий. И эта привычка неосознанно оценивать друг друга по тому, как человек входит в комнату, сохраняется в повседневности до сих пор.

Походка – это движение. Позы же, то есть неподвижные положения корпуса, рук, ног и головы, показывают этикет как механизм, который работает даже когда тело замирает. В статике отчётливо видны запреты и разрешения: как распределять вес, где держать спину, куда класть руки и ставить ноги, в какую сторону поворачивать лицо. Исторически сложилось, что регламентация поз решала две задачи одновременно – обозначать статус и воспитывать самодисциплину через внешний контроль. В средневековье и раннее Новое время позу определяла строгая иерархия.

Перед монархом или сеньором полагалось стоять с наклонённым корпусом, опущенной головой, полусогнутыми коленями и прижатыми руками. Прямая спина или опора на локти воспринимались как дерзость. Садиться в присутствии вышестоящего разрешалось только по особому приглашению – и тогда на краешек стула, не касаясь спинки. Скрещённые ноги (знак высокомерия) запрещались, как и широкая постановка стоп или руки за спиной [3].

Много правил накопилось и вокруг позы за столом – тут этикет прямо смыкался с темой трапезы. Спину велено держать прямой, но без напряжения; локти прижаты к бокам и не выставлены на стол. Наклоняться над тарелкой нехорошо, откидываться на спинку стула во время еды – тоже. Викторианская Англия сформулировала правило «трёх точек контакта»: ягодицы, стопы и поясница образуют устойчивую, но отнюдь не расслабленную конструкцию.

Сутулиться осуждали – за этим видели лень, слабый самоконтроль и даже проблемы с внутренними органами. Гендер тоже кодифицировали. Женщина должна сидеть с сомкнутыми коленями, ступни вместе, кисти на коленях или на столе, без лишних жестов. Мужчине позволялось чуть свободнее: ноги можно развести, но не шире плеч; вытянуть их под столом – только если

напротив никого нет. Поза «нога на ногу» долго считалась неприличной для женщин и фамильярной для младших мужчин в присутствии старших [4].

Философская антропология смотрит на статические позы как на выученные телесные схемы [2]. Правильная поза – это та, которую закрепили поощрениями и наказаниями. Запрет сидеть расслабленно вырабатывает определённый мышечный тонус, а одобряемые позы (выпрямленный корпус, сведённые стопы) переводят внешнее давление во внутреннюю привычку.

Вся история регулирования поз показывает: этикет через запреты (не горбись, не скрещивай ноги перед старшим) и разрешения (держи спину ровно, соблюдай симметрию) конструирует тело как носителя социальных кодов. Поза сообщает о статусе, о степени уважения, о моральных качествах. Даже сегодня базовые требования – не разваливаться на стуле, не поворачиваться спиной к собеседнику – работают как негласные, но очень реальные регуляторы [2].

Среди разных частей телесного поведения лицо – особый случай. Мимика хуже других поддаётся волевому контролю: лицевые мышцы срабатывают раньше, чем человек успевает их остановить. Поэтому этикет так пристально следит за лицом. Запреты и разрешения тут касаются не только открытых гримас, но и мельчайших движений – поднялась бровь, сжались губы, изменилось направление зрачков.

Управление лицом в истории решало две задачи. Первая: спрятать настоящие чувства, которые могли оказаться неуместными или опасными перед вышестоящим. Вторая: показывать социально одобряемые состояния – уважение, спокойствие, доброжелательность. Лицо становилось экраном, на котором культура переписывала природные порывы.

В средневековой Европе открыто злиться, бояться или радоваться считалось простонародным. Аристократ обязан был хранить невозмутимость – «каменное лицо» – даже если его ударили или оскорбили. Придворные руководства XVI–XVII веков прямо запрещали хмуриться, таращить глаза, кривить

рот, скалить зубы при улыбке. Улыбка вообще долго была фамильярностью, а смех – признаком потери самообладания.

При дворе Людовика XIV вошло в моду «вежливое выражение»: лёгкий полуприщур, чуть приподнятые уголки рта, но зубов не видно. Смотреть на собеседника слишком пристально нельзя (это агрессия), но и отводить глаза в сторону – тоже нельзя (признак лжи). Были и гендерные различия: женщине дозволялось чуть больше мягкости в лице, однако любая гримаса – например, закатить глаза – объявлялась «вульгарной».

Философская антропология видит в мимическом этикете механизм отчуждения человека от его собственных аффектов [1]. Индивид вынужден постоянно следить за своим лицом, сверяясь с негласным образцом. Со временем этот контроль становится автоматическим: человек уже не замечает, что он «правильно» поджимает губы или «нужно» приподнимает бровь. Запреты и разрешения, когда-то навязанные плетью, насмешкой или изгнанием из двора, оседают в мышечной памяти и начинают работать как внутренний цензор [1].

Лицо перестаёт быть прямым сигналом о состоянии организма – оно превращается в носителя социальных кодов. Даже сегодня, хотя формальные правила ослабли, остаются неререфлексируемые нормы: не кривиться при виде неприятного, не усмехаться в знак превосходства, скрывать зевоту. Лицо до сих пор – главная сцена, где сталкиваются естество и культура.

Итак, правила для еды, ходьбы, сидения, мимики – это не просто перечень вежливых жестов. Вместе они работают как механизм, который сдерживает природные позывы. Живое существо через такую систему теряет часть своей непосредственности, но учится показывать своё положение в обществе, степень подчинения и выучку.

За столом, на улице, в кресле или в разговоре тело постепенно замещает врождённые схемы на заученные, и те со временем начинают восприниматься как естественные. В итоге подобная дрессировка формирует не столько воспитанного человека, сколько своего рода «экспонат»: каждый жест и взгляд несут на себе следы долгой истории запретов и позволений.

Даже когда формальные нормы забываются, привычки, вьевшиеся в тело, продолжают работать – они видны в том, как мы едим, садимся, переставляем ноги и смотрим на других. Чистой природы в таком поведении почти не остаётся [4,5].

Список использованных источников

1. Корбен А., Куртин Ж.-Ж., Вигарелло Ж. (ред.) История тела. В 3 т. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. – М.: Новое литературное обозрение, 2012.
2. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 т. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
3. Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. – Л.: Наука, 1990. – 166 с.
4. Краткая история застольного этикета // Arzamas. – Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/2282> (дата обращения: 14.04.2026).
5. Краткая история этикета // Etiquettebook.ru. – Режим доступа: <http://etiquettebook.ru/history.htm> (дата обращения: 14.04.2026).

Digital Ecosystems and Multimodal Architectures

Loiko A.I.

Digital ecosystems and multimodal architectures have emerged as two technological trends, the convergence of which is creating the next generation of intelligent digital services [1].

A digital ecosystem is a collection of interconnected digital services, platforms, data, and applications that create a unified environment to meet user needs [2]. It is a set of modules that interact with each other [3]. As a result, a single subscription or account provides access to finance, entertainment, delivery, communications, and other services [4].

Multimodal Architectures are an advanced type of artificial intelligence that can simultaneously process, interpret, and integrate information from multiple data sources (modalities).

Unlike traditional unimodal AI systems that specialize in processing a single type of data (for example, only text or only images), multimodal AI creates a comprehensive understanding by synthesizing information from various formats.

Humans process information through multiple senses to understand their environment. Multimodal AI replicates this multisensory approach, enabling technologies to develop a more nuanced and context-sensitive understanding of complex situations. The input module (sensor system) serves as the AI's data collection interface, collecting various types of data, including text, images, audio, video, and sensor readings. It preprocesses the diverse data, making it suitable for subsequent analysis.

The Fusion module (central processor) combines data from multiple sources using advanced algorithms. It identifies patterns, extracts meaningful features, and creates a unified representation that captures the essence of the multimodal input data. The output module (response generator) processes the data and produces re-

sults, which may include predictions, recommendations, generated content, or actionable insights. These outputs can be presented in text, image, audio, or a combination of these formats, depending on the application requirements.

The operating mechanism of multimodal AI includes machine learning methods that enable seamless integration of diverse data streams:

Multimodal AI models use different, specialized architectures for each data type. This means that visual, text, audio, or sensory inputs are processed by systems designed specifically for them. This allows the model to capture the unique details of each input before combining them.

Convolutional neural networks (CNNs) or Vision Transformers interpret visual information from images and videos, creating rich feature representations.

Transformer-based models, such as those in the GPT family, transform text inputs into meaningful semantic embedding. Specialized neural networks process audio signals or spatial sensory inputs, ensuring an accurate representation of each modality and preserving its distinctive characteristics.

After individual processing, each modality generates high-level features optimized to capture the unique information contained in that particular data type. After feature extraction, multimodal models combine them into a single, coherent representation. To effectively accomplish this task, various fusion strategies are used. Early fusion combines the extracted feature vectors immediately after processing each modality. This strategy promotes deeper cross-modal interactions early in the analysis pipeline. Late fusion supports modality separation until the final decision stages, where predictions from each modality are combined using ensemble methods such as averaging or voting.

Modern architectures often integrate features multiple times across different model layers, using joint attention mechanisms to dynamically highlight and align important intermodal interactions. Hybrid fusion can emphasize the alignment of specific spoken words or text phrases with corresponding visual features in real time.

Multimodal systems use alignment and attention methods to ensure efficient mapping of data from different modalities.

Methods such as contrastive learning help align visual and textual representations within a common semantic space. As a result, multimodal models can establish strong, meaningful relationships between different types of data. Transformer-based attention mechanisms further enhance this alignment, allowing models to dynamically focus on the most relevant aspects of each input signal. Attention layers allow the model to directly associate specific text descriptions with corresponding regions in the visual data, significantly improving accuracy in complex tasks such as visual question-answering (VQA) and image captioning.

These techniques enhance multimodal AI's ability to deeply understand context, enabling AI to provide more nuanced and accurate interpretations of complex real-world data.

Multimodal AI has evolved significantly, moving from early rule-based techniques to deep learning systems capable of complex integration.

Multimodal systems combined different types of data, such as images, audio, or sensor data, using rules manually created by human experts or simple statistical methods. Early robotic navigation systems combined camera images with sonar data to detect and avoid obstacles. While effective, these systems required careful manual feature engineering and were limited in their ability to adapt and generalize. With the advent of deep learning, multimodal models such as multimodal auto encoders began to learn joint representations of different data types, especially images and text, enabling AI to solve problems such as cross-modal search and image retrieval based solely on text descriptions.

When Visual Question Answering (VQA) integrated CNNs for image processing and RNNs or Transformers for text interpretation, AI models began to accurately answer complex, context-sensitive questions about visual content.

Large-scale multimodal models trained on massive internet-scale datasets have further enhanced AI capabilities. These models use contrastive learning, enabling them to identify generalizable relationships between visual content and text

descriptions. By bridging the gaps between modalities, modern multimodal architectures have expanded AI's capabilities to perform complex visual reasoning tasks, illustrating how far multimodal AI has come from its foundational stages.

These modalities include text, images, audio, video, and sensor data. Multimodal AI understands context by combining different types of data for more accurate results. GPT-4V, Gemini, and Claude are capable of "seeing" images, "hearing" audio, and "reading" text simultaneously.

High latency and large models require a powerful infrastructure to maintain. Integrating multimodal AI into the digital ecosystem is changing user interactions with services: Ecosystems use AI to create content (text, images, and video) within social networks and services. Combining these approaches allows companies to create more flexible, intelligent, and competitive products.

Multimodal neural network architectures are unified models capable of perceiving, processing, and generating information in various modalities. They understand not only text input but also images and video, audio and speech, music, 3D, 2D vector graphics, and more. Such systems are built on the principles of modularity and unified data representation, which enables the effective combination of disparate information sources in a single latent space. At the input, each modality passes through a specialized encoder, which transforms the data into universal tokens or vectors suitable for joint processing. The central core of the model is a neural network model based on a transformer architecture, performing cross-modal alignment, context merging, and meaning extraction.

At the output, decoders are used, returning the result in the target modality, whether it be visual generation and image editing, voiceover, visualization, or 3D object reconstruction. This approach provides not only generalization but also flexibility in applied tasks, from search and generation to autonomous behavior and user interaction. Unlike highly specialized solutions, multimodal models rely on a common knowledge representation and learn from relationships between modalities, not just within them.

This allows them to demonstrate a high level of semantic understanding and interaction with the real world in its natural, multimodal, or mono-modal form. A hybrid data testing strategy plays an important role, combining synthetic metrics with A/B testing, as well as taking into account user feedback and automated quality metrics on real business problems. This will not only achieve high model accuracy under controlled conditions, but also guarantee its effectiveness in a dynamic business environment.

Errors in LLM can be reduced through architectural improvements, although they cannot yet be completely eliminated. This is still just matrix multiplication and a pinch of probability theory. However, the integration of advanced self-learning mechanisms and enhanced control over the output sequence, retrieval-augmented generation (RAG), even in multimodal scenarios, helps reduce hallucinations and improve the reliability of responses. Specialized mechanisms allow the model to be adapted to highly specialized tasks, improving its robustness [5].

However, fundamental limitations remain, related to the probability of generation errors and the complexity of modeling full contextual truth. Therefore, the future lies with hybrid systems that combine LLM with classical algorithms, verifiable knowledge bases, and real-time fact-checking mechanisms [6].

Adaptations using domain adaptation, instruction tuning, and retrieval-augmented generation before training allow the integration of external knowledge sources. These techniques ensure the preservation of the model's generative and creative capabilities while simultaneously increasing its accuracy and robustness in solving specific applied problems.

The use of self-refinement, response verification using auxiliary models, or the addition of reasoning enhances control over the reliability of output. In practice, this allows LLM to demonstrate both flexibility in formulating unconventional solutions and compliance with strict domain requirements.

All of these allow for quantitative comparisons of models using standardized metrics. However, given the growing complexity and diversity of problems, especially in real-world scenarios, new, more complex, and specialized benchmarks are

needed to identify subtle differences in model capabilities and better assess their robustness, adaptability, and generalization.

Models with very long contexts are emerging, and it's important to be able to evaluate them correctly. In the visual modality, it's necessary to understand not only short videos but also videos longer than an hour. It's important not only to summarize such videos but also to be able to find any events in the video at any time interval, including by audio modality, if the video recording contains sounds or speech.

It's important to be able to evaluate models across all possible modalities, even if the model is represented not by a single modal architecture, but by a set of engineering solutions. And if this is done seamlessly, not just through text queries, but in real time using voice, then the result is a fully-fledged, complex multimodal symbiosis that can see, hear, read, write, speak, and even draw.

Multimodality expands the ways in which information is perceived and processed, bringing models closer to a human understanding of the world. The ability to combine text, images, audio, and video allows models to form a more holistic view of reality, eliminating the limitations of text-based systems. This is critical for the future of AGI, as humans, too, perceive the world not through a single channel, but through the complex integration of different types of information.

However, multimodality alone does not eliminate logical errors, because current models are still statistical predictors, not full-fledged reasoning systems. Real AGI requires not only multimodal input, but also advanced reasoning mechanisms, long-term memory, and the ability to plan purposefully.

Any attempts to regulate models and risk checks typically lead to a slowdown in technological development. This leads talented researchers and companies to shift their developments to jurisdictions with more flexible regulations, weakening their scientific and, potentially, economic leadership. Furthermore, it creates disunity within the community, and slowing AI progress could lead to a race to artificial benchmarks, which could also hinder solutions to real societal problems. Instead of blocking controls, it is important to develop adaptive and transparent security mechanisms without stifling industry development [7].

Thus, such systems can be beneficial to business and society, as they incorporate architectures for processing multimodal data.

List of references

1. Loiko, A.I. Technology of digital ecosystems // Samara State Technical University. Philosophy. Vol 4, No 1 (2022) P. 49-56
2. Bejjani, M., Göcke, L., Matthias Menter M. Digital entrepreneurial ecosystems: A systematic literature review // Technological Forecasting and Social Change. 2023. V. 189. P. 122372. DOI<https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122372>.
3. Loiko, A.I. Barrier-free space of socio-cultural activities of digital ecosystems. Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT), 2022, 1(1),198-212.[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-198-212](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-198-212)
4. Лойко А. И. Социальные цифровые экосистемы: тренды эволюции // Россия: тенденции и перспективы развития: материалы XXI Нац. науч. конф. с междунар. участием (Москва, 16–17 декабря 2021 г.). М.: Изд-во Ин-та науч. информ. по обществ. наукам РАН, 2022. Вып. 17. Ч. 1. С. 180–182.
5. Pujadas R., Valderrama E., Venters W. The value and structuring role of web APIs in digital innovation ecosystems: The case of the online travel ecosystem // Research Policy. 2024. V. 53. N. 2. P. 104931. DOI<https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104931>.
6. Каленов О. Е. Цифровые экосистемы организаций // Вестник Рос. экон. ун-та им. Г. В. Плеханова. 2022. Т. 19. № 1 (121). С. 139–147. DOI<https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-1-139-147>.
7. Costabile C. Digital platform ecosystem governance of private companies: Building blocks and a research agenda based on a multidisciplinary, systematic literature review // Data and Information Management. 2024. V. 8. N. 1. P. 100053. DOI<https://doi.org/10.1016/j.dim.2023.100053>.

**От "Я знаю, что ничего не знаю" к "Я не обязан ничего знать":
девальвация сократовского смирения в эпоху постправды и
клипового мышления**

Мозолёва Е.А., Булыго Е.К.

В истории европейской философской традиции трудно найти фразу, которую цитировали бы чаще и понимали бы превратнее, чем знаменитое сократовское «Я знаю, что ничего не знаю». Этот тезис, ставший краеугольным камнем рационального мышления и символом интеллектуального смирения, в современную эпоху переживает опасную метаморфозу.

Из инструмента глубокого самопознания и стимула к бесконечному поиску истины он развился в универсальную индульгенцию для эпистемической лени и оправдание воинствующего невежества. Контраст между двумя культурными контекстами разителен: в одном случае – афинская агора, где босой

Сократ пристаёт к прохожему с вопросом «Что есть справедливость?», признаваясь в собственном неведении лишь для того, чтобы начать мучительный совместный поиск ответа; в другом – комментарий в социальной сети или анонимном канале, где пользователь пишет: «Официальная наука врет, никто ничего не знает точно, думайте своей головой», и дискуссия на этом заканчивается, а истина оказывается похороненной под обломками цинизма. Проблемный вопрос настоящего исследования формулируется следующим образом: почему одна и та же фраза в одном случае ведет к рождению мысли, а в другом – к ее решительному прерыванию?

Для адекватного понимания проблемы необходимо в первую очередь развенчать распространенный миф, представляющий Сократа предтечей агностицизма или этического релятивизма. Философская позиция Сократа, зафиксированная в диалогах Платона, в корне отлична от того, что сегодня в массовом сознании вкладывается в понятие «ничего не знаю».

В диалоге «Теэтет» Сократ сравнивает свое искусство с ремеслом повитухи – майевтикой: подобно тому как повитуха сама уже не способна рожать,

но помогает появиться на свет ребенку, так и Сократ, будучи «бесплоден мудростью», помогает душе собеседника разрешиться от бремени знания [1].

Принципиально важным здесь является то обстоятельство, что сократовское незнание – это не финальная точка и не состояние комфортного безразличия, а экзистенциально напряженная точка старта. Признание собственного неведения у Сократа всегда сопряжено с болью, удивлением и энергичным стремлением это неведение преодолеть.

Как отмечает французский исследователь античной философии П. Адо, сократический диалог представляет собой духовное упражнение, целью которого является не сообщение готовой информации, а глубинная трансформация самого субъекта познания [2]. Сократ сомневается в догмах не для того, чтобы утвердить произвол субъективных мнений, а чтобы расчистить почву для рождения истинного понимания.

Его позиция принципиально противостоит как софистическому релятивизму Протагора, так и скептическому эпохе Пиррона. Для античного скептицизма в изложении Секста Эмпирика воздержание от суждения было путем к атараксии – безмятежности духа, свободе от тревог познания [3]. Скептик стремится к покою, и именно ради этого покоя он отказывается от окончательных суждений о природе вещей.

Сократу же чужд подобный прагматический покой: для него истина объективно существует, но путь к ней лежит не через пассивное принятие авторитета, а через мучительный процесс совместного рассуждения. Незнание здесь – не убежище от тревог мира, а вызов, требующий ответа.

Каким же образом фундаментальный принцип античной гносеологии превратился в оправдание для интеллектуального нигилизма? Механизм этой подмены следует искать в изменении когнитивных установок человека информационной эпохи. Социокультурная среда, характеризуемая клиповым мышлением и фрагментацией знания, порождает феномен, который в современной эпистемологии определяется как эпистемический порок.

Психологический механизм искажения можно представить в виде трехступенчатой формулы: сначала человек воспринимает обрывочное сообщение о том, что научные парадигмы сменяются, ученые постоянно ошибаются, а еще Сократ говорил, что ничего не знает; затем делается ложный логический вывод, согласно которому раз никто не обладает абсолютным и окончательным знанием наверняка, то любое личное мнение имеет равную легитимность с научным фактом; наконец, следствием становится легитимация конспирологических теорий, отрицание доказательной медицины и распространение феномена «альтернативной науки».

Лауреат Нобелевской премии Д. Канеман в своих исследованиях когнитивных искажений подчеркивает, что человеческий мозг эволюционно стремится минимизировать затраты энергии и потребность в когнитивном завершении заставляет индивида искать не наиболее верное, а наиболее простое и быстрое объяснение, позволяющее снять тревогу неопределенности [4].

В этом контексте фраза «я ничего не знаю» перестает быть трагическим признанием Сократа и становится комфортным алиби для нежелания разбираться в сложности мира.

Теоретическую глубину этой проблеме придаёт анализ, проведённый философом Г. Франкфуртом в эссе «К вопросу о брехне». Франкфурт проводит различие между ложью и тем, что он называет «брехнёй».

Лжец поддерживает непростую связь с истиной. Для того чтобы солгать, ему нужно хотя бы представлять реальное положение дела, следовательно, он уважает истину настолько, чтобы пытаться её скрыть или исказить. Брехун же, напротив, проявляет полное безразличие к истине как таковой.

Его цель состоит не в передаче фактов, а в создании конкретного впечатления о самом себе [5]. Современное использование сократовского принципа в интернет-дискуссиях идеально вписывается в данную концепцию.

Фраза «я знаю, что ничего не знаю» выступает здесь не в качестве начала философского поиска. Вместо этого она служит инструментом риторической защиты, позволяющим заявить о собственной непричастности к обязанности

отвечать за слова и аргументы. Следовательно, перед нами уже не смирение мудреца, а надменность невежды, прикрывающаяся авторитетом классика.

Различия между сократическим диалогом и современным дискурсом постправды носят фундаментальный характер. В античном диалоге целью коммуникации выступает совместный поиск объективной истины, а в современном споре преобладают самоутверждение либо уход от дискуссии с сохранением лица. Сократическое отношение к незнанию трагично и требует преодоления через логос, в то время как современное отношение превращает незнание в удобную гавань, освобождающую от обязанности мыслить.

Метод аргументации, избираемый Сократом, предполагает последовательное задавание вопросов и диалектику. А в интернет-дискуссиях же, напротив, господствуют клиповые мемы, переходы на личности и апелляции к эмоциям. Итогом сократического познания становится апория, стимулирующая дальнейшую работу мысли. Итогом современного спора – блокировка оппонента и замыкание в «эхо-камере» единомышленников.

В эпоху, определяемую Л. Макинтайр как «постправда», эмоциональная убедительность утверждения оказывается весомее его фактической достоверности [6]. Как показывает исследователь, феномен постправды представляет собой не просто политическую технологию или медийный тренд, а глубинное утверждение идеологического превосходства, при котором практикующие его стремятся добиться веры в какое-либо положение независимо от наличия доказательств. Макинтайр прослеживает корни этого явления – от отрицания научных фактов о курении, эволюции и изменении климата до расцвета фейковых новостей как политического инструмента.

При этом стоит отметить, что ключевую роль в формировании культуры постправды внесли особенности человеческого восприятия. Мы склонны считать собственные суждения обоснованными даже тогда, когда для этого нет достаточных оснований. В подобных обстоятельствах сократовское сомнение,

требующее продолжительной концентрации внимания и логической строгости, заменяется быстрым и поверхностным отрицанием всего, что нуждается в умственных усилиях для проверки.

Итак, в XXI веке известное высказывание «я знаю, что ничего не знаю» перестало быть тем, чем его задумывал Сократ. Эта фраза стала разрушительной для общественного сознания именно потому, что была вырвана из контекста. Сократ никогда не говорил этих слов наедине с собой – они были обращены к другому человеку, приглашением к совместному, трудному рождению смысла. Определение этических границ в современном информационном пространстве предполагает не отказ от сомнения, а восстановление неразрывной связи между сомнением и ответственностью.

Признать своё незнание сегодня должно означать не право отключиться от сложной реальности, а обязанность включиться в её изучение – задать вопрос специалисту, обратиться к проверенным источникам, а не засорять информационное поле брехнёй, маскирующейся под свободомыслие.

Восстановить честь Сократа можно лишь одним способом: вернуть в культуру ценность совместного рассуждения. Признать свое незнание – значит задать вопрос другому, а не выключить звук. Признать свое незнание – значит направиться в библиотеку, а не в комментарии к анонимному каналу. Сократ умер, выпив чашу с цикутой, отстаивая право сомневаться в массовых догмах и при этом не прекращая поиска истины.

Мы же рискуем утонуть в информационном шуме, приняв циничное равнодушие к знанию за вершину критического мышления. Преодоление этого кризиса лежит не в отрицании разума, а в его нравственной усилении: от осознания границ своего знания – к действию, расширяющему эти границы через диалог и познавательный труд.

1. Платон. Теэтет / Платон // Собрание сочинений в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 192-274.
2. Адо, П. Что такое античная философия? / П. Адо; пер. с фр. В. П. Гайдамака. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1999. – 320 с.
3. Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений / Секст Эмпирик // Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 2. – С. 432.
4. Канеман, Д. Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман; пер. с англ. – М.: АСТ, 2014. – 653 с.
5. Франкфурт, Г. К вопросу о брехне: логико-философское исследование / Г. Франкфурт; пер. с англ. М. Ослона; под ред. Г. Павловского. – М.: Европа, 2008. – 119 с. – (Серия «Идеологии»).
6. Макинтайр, Л. Постправда / Л. Макинтайр; пер. с англ. – М.: АСТ, 2020. – 256 с.

Бесконечность: от античного апейрона до цифровых горизонтов

Конопляник Ю. А., Булыго Е. К.

В XXI веке бесконечность является предметом изучения не только в философии, но и в космологии (гипотезы о бесконечной Вселенной и множественных мирах), в квантовой физике (бесконечные вычисления в моделях частиц) и в информатике (квантовые компьютеры, потенциально бесконечные по своей мощности) [1]. Актуальность обращения к теме бесконечности обусловлена не только традиционными метафизическими вопросами, но и современными научными и технологическими открытиями, которые заново ставят перед человеком проблему границ познания и существования.

Важность «бесконечности» для человека: бесконечность – это не просто концепция, а ломающая сознание бездна, в которую веками погружаются пытливые человеческие умы. Она притягивает и одновременно отталкивает и в то же время остаётся недостижимой как горизонт. В конечном счёте, бесконечность – это не только религиозное, математическое или философское понятие, но и основа самого процесса человеческого познания, бесконечный двигатель человеческого мышления. Чем больше мы знаем, тем большие бездны открываются для изучения. Она даёт возможность понять, что нет пределов развития человеческой мысли и духовности. Бесконечность за всё время сознательного существования человечества была и будет не только темой для философских размышлений, а целью для искателей истины, вечным вызовом для тех, кто хочет и может мыслить.

В философии Древней Греции бесконечность часто понималась как нечто не имеющее формы, хаотичное и несовершенное и противопоставляли её божественному совершенству. Анаксимандр ввёл понятие «апейрон» – перво-материя, из которой возникло всё сущее. «По мнению одних, Анаксимандр бесконечным называл смешение разнородных составных частей; по другим – оно было чуждо всякой качественной определённости; третьи считают его за

то среднее, промежуточное между стихиями бытие, о котором Аристотель не раз упоминает...» [2, с. 2].

Аристотель разделил бесконечность на потенциальную (процесс может продолжаться бесконечно, например, счёт чисел) и актуальную (существующая в реальности). По его мнению, актуальная бесконечность противоречит логике. Зенон Элейский предложил парадокс «Ахиллес и черепаха»: деление отрезка на бесконечное число частей делает движение невозможным, то есть Ахиллес никогда не догонит черепаху [2].

В Средние века философы пытались осмыслить бесконечность, опираясь на теологию. Фома Аквинский утверждал, что Бог бесконечен в своём могуществе, знании и благодати, но материальный мир конечен. Аль-Газали развивал схоластические взгляды, критикуя концепцию вечного мира, утверждая, что человеческий разум не способен до конца постичь бесконечность [3].

Тема бесконечности в религии перекликается с философским пониманием данного понятия, учитывая то, что древняя философия не могла существовать в отрыве от религии. В буддизме бесконечность – многогранное понятие, связанное с перерождением и безграничностью духовной жизни, бесконечностью сил Будд, часто визуализируемое через Бесконечный узел.

В христианстве бесконечность – свойство Бога, он существует вне времени и пространства, не имеет ни начала, ни конца, делает всё, что хочет и не имеет нужды ни в чём: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [4]. Роберт Турман призывал признать бесконечность жизни: лишь когда мы станем «живыми», мы увидим бесконечность вселенной и жизни, беспредельное море энергии, преисполненное добротой [5].

В исламе только Аллах имеет вечное бытие в прошлом и будущем, в то время как созданные существа будут пребывать в вечном блаженстве или вечных муках только в Загробной жизни [3]. К известным религиозным символам бесконечности относятся Ура-Хе (Древний Египет), Кукулькан (Майя), Джулун (китайская мифология), Ананта-шеша (Индия). Таким образом, в религии бесконечность, в отличие от взглядов древних философов, считавших

её несовершенной, наоборот, является символом божественности вечного существования без начала и конца.

Как уже отмечалось, бесконечность изучалась Пифагором: диагональ квадрата равна $\sqrt{2}$ – число, которое не может быть представлено соотношением двух чисел. Пифагорейцами было доказано, что данное число не может быть представлено в виде соотношения двух чисел. Суть теоремы в том, что если мы возьмём сторону квадрата за единицу, то диагональ должна быть равна корню квадратному из двух, но выясняется, что такого числа нет.

В эпоху Просвещения Лейбниц и Ньютон разработали «анализ бесконечно малых» (раздел высшей математики), положив начало современному анализу. «Последовательность, обратная бесконечно малой последовательности – есть бесконечно большая последовательность» [6, с. 4]. Из этого можно сделать вывод, что бесконечно большая величина представляет собой процесс, обратный появлению бесконечно малой.

Категории «малое и большое» определяются через связь переменных в процессе их предельного перехода, теряя общий смысл. Изучая бесконечность, можно понять, что она может задаваться самой простой формулой увеличения каждого числа на единицу. Так же хочу отметить проявление бесконечности в математике, исходя из обычных правил: ноль умножить на любое число – это ноль, то есть «ничто», а бесконечность, умноженная на любое число – это бесконечность.

В искусстве бесконечность отражает безмерное количество событий, процессов, истории. В кинематографе примером является фильм «Матрица» о бесконечном цикле жизни в виртуальном мире. В теории искусства существует противопоставление «бесконечное-конечное». «В художественном произведении бесконечное выражено в конечном. Но бесконечное, выраженное в конечном, есть красота» [7, с. 479].

Далее перейдём к художественному творчеству. Именно в искусстве и литературе абстрактная философская категория обретает живое, чувственное воплощение. Бесконечность здесь предстаёт не как холодная математическая

абстракция, а как переживание, как внутренний опыт человека, сталкивающегося с безграничностью любви, мысли, фантазии и духовного порыва. Бесконечность в литературе я хотела бы показать через отрывок своего стиха:

Говорят, она – бог, говорят, она – вера
Нет ни начала её ни конца
Но откуда взялась в головах та проблема
Понять бесконечность за срок бытия
Всё что создано в мире людьми – это рамки
В которых живём как под титановой крышей
Но у неё нет границ, в отличии от каменных замков
Кривая – путь вечности, как говорил Фридрих Ницше
Но лишь посмотрев на всё то, что нам ближе
В природу свою и в природу людей
Поймём мы, что в том направлении ответ уже ищем
Что в нас же самих бесконечность идей
Взгляни в глаза мамочки доброй своей
Найдёшь ты там то, что так долго искал
Бесконечность любви там пылает с тех дней
Как крошечным в мир тебя Бог сам послал
Кинь взор на девчушку с мячом со двора
Бесконечность фантазий вскружили ей голову
Душа у пожарного бесконечно полна
Отваги и смелости наравне с силой воли
И в сердце, и в мыслях она поселилась
И нет в ней границ, пока ты живой
Ведь вечность не там, где тьма затаилась
Она в свете души, что навечно с тобой

В этих строках бесконечность предстаёт не как пугающая бездна, а как источник любви, творчества, отваги и смысла. Она обнаруживается не где-то за пределами мира, а внутри самого человека – в его сердце, мыслях, отношениях с близкими. Таким образом, через художественное осмысление раскрывается экзистенциальная глубина бесконечности: она не противостоит конечности человеческой жизни, а наполняет её ценностью и значением.

Бесконечность – это не просто концепция, а ломающая сознание бездна. В математике она – инструмент для оперирования невообразимыми величинами. Философы и богословы видят в ней зеркало вопросов бытия.

Парадоксы бесконечности – вызов нашему сознанию, нашим представлениям о вселенной, заставляющий нас переосмысливать самые базовые и, казалось бы, устоявшиеся понятия. Бесконечность была и будет не только темой для размышлений, но и целью для искателей истины, вечным вызовом для тех, кто хочет мыслить, а также неиссякаемым источником восхищения тайнами мироздания.

Список использованных источников

1. Что такое бесконечность с точки зрения разных философских школ: краткие ответы и интересные факты. – URL: <https://www.techinsider.ru/popmem/1678697-что-такое-beskonechnost-s-tochki-zreniya-raznyh-filosofskih-shkol-kratkie-otvety-i-interesnye-fakty/> (дата обращения: 18.02.2026).

2. Каринский М.И. Бесконечное Анаксимандра. – Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева, 1890. – [2], 151 с. (Извлечено из журнала Министерства Народного Просвещения, июнь 1890 г.).

3. Орлов Г. Неизбежная участь каждого человека или Загробная жизнь при свете Богооткровенного учения: В 2-х ч.: С прил. ст.: «Кому уготованы райские обители» / Свящ. Георгий Орлов. – М.: Паломник, 2000. – 546 с.

4. Евангелие от Иоанна 1:1-3, 14 // Библия.

5. Турман Р. Бесконечная жизнь: Семь добродетелей хорошей жизни / Пер. с англ. А. Степановой. – М.: Открытый Мир, 2005. – 384 с.
6. Альпин Т.Ю., Даишев Р.А. Пособие по высшей математике: часть I / Альпин Т.Ю., Даишев Р.А. – Казань: Казан. ун-т, 2022. – 136 с.
7. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в двух томах. – М., 1987. – Т. 1. – С. 479.

Человек: зверь или демон?

Ченур М. И., Бритова А. С., Булыго Е. К.

Человек – вечная загадка, сотканная из противоречий, неразрешимая головоломка, над которой бились величайшие умы. Он способен вознестись к сияющим вершинам альтруизма и в следующее мгновение погрузиться в кровавую бездну жестокости. Он – и созидатель, и разрушитель; и творец неподвластных времени симфоний, и бездумный вандал, крушащий собственное гнездо. В поисках сущности человека философия часто прибегала к двум мощным, почти мифологическим образам: зверю и демону [1; 2]. Но что мы есть на самом деле?

И что отличает зверя от демона? Это две принципиально разные категории бытия. Зверь принадлежит к порядку природы. Его существование определяется биологическими законами, инстинктами и естественной необходимостью. Зверь разделяет с нами мир природы, телесность, фундаментальные потребности. Его действия, даже агрессивные или жестокие, лишены морального измерения в человеческом понимании. Они следуют логике выживания, территориальности, иерархии или простого голода.

Когда лев убивает антилопу, он не совершает зло; он реализует свою природную сущность [1; 3]. Даже в случаях неспровоцированной агрессии мы склонны объяснять ее сбоем инстинктов, болезнью или нарушением естественного баланса. Зверь действует в рамках имманентного, замкнутого мира, где нет трансцендентных ценностей. Его «жестокость» лишена рефлексии и намерения, выходящего за пределы непосредственного природного контекста. Зверь аморален, но не безнравственен, ибо мораль требует свободы воли, которой он, как считается, не обладает в полной мере.

Демон же принадлежит к иному, метафизическому порядку. Это существо, которое уже вышло за пределы природной необходимости и вступило в область свободы, духа и сознательного выбора. Демоны – это падшие ангелы,

существа изначально духовные, совершившие акт сознательного бунта против Бога. Здесь ключевое отличие: демон обладает волей, разумом и знанием.

Его зло – не импульс, а стратегия; не инстинкт, а идеология. Если зверь убивает, чтобы есть или устранять угрозу, то демон может убивать из принципа, из наслаждения нарушением заповеди, из желания утвердить свою волю вопреки добру. Демоническое зло трансцендентно по своей сути – оно отсылает к чему-то за пределами непосредственного акта, к бунту против самого миропорядка, против смысла и святости.

Итак, демон представляет собой личность, тогда как зверь – индивид вида. Демон обладает историей, памятью, проектом. Он бунтует, соблазняет, искушает, пародирует – его действия всегда являются жестом в пространстве смыслов. Зверь же живет в вечном настоящем цикла природы. Демон часто мыслится как существо, страдающее от собственного выбора, а зверь не знает экзистенциальной тоски; его страдание физиологично, а не духовно [1; 3].

Научный взгляд на человека не оставляет сомнений в нашей глубокой связи с природой. С точки зрения биологии и эволюционной психологии, человек – это один из видов приматов, чье поведение во многом определяется базовыми инстинктами и программами, направленными на выживание и репродукцию. Эти инстинкты – наш фундамент.

Английский философ XVII века Томас Гоббс, анализируя «естественное состояние» человека до возникновения государства, пришел к выводу, что в основе нашей природы лежит эгоистическое стремление к самосохранению [1; 4]. Это приводит к состоянию «войны всех против всех», где жизнь человека, по его знаменитому выражению, «одинокa, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна». В этой модели человек – это рациональный, но крайне опасный зверь, который для выживания готов на любую жестокость [4].

Здесь проявляется ключевое отличие: человек способен творить зло не только против конкретной угрозы, а против целых групп людей (например, наций, рас, классов) во имя абстрактных идей: «расовой чистоты», «светлого

будущего», «истинной веры». Создание лагерей смерти, бюрократических машин репрессий, идеологически обоснованного террора – это плод холодного, рационального ума, а не слепого инстинкта.

Человек может получать удовольствие от унижения и страдания другого, что связано не с биологией, а с психологическими извращениями, гордыней и жадной абсолютной власти. Идея человека-демона получила широкое раскрытие в искусстве, например, вспомним картину Врубеля «Демон сидящий». Врубель использовал не кисти, а мастихин. Это такая тонкая стальная лопатка. Он делал крупные мазки, и кажется, будто холст соткан из кристаллов и граней. Будто это имитация мозаики. Можно вспомнить поэму Лермонтова, где демон влюбился в княжну Тамару, но едва только она обняла его, как погибла. Врубель создавал иллюстрации к ней, а потом нарисовал три картины. Это первая. Каким вам кажется демон? Печальный, властный, благородный, сильный. Возможно, изначально он был добрым, но зло в нем победило.

Почему он печален? Неприкаянный. Слишком устал творить зло. Это действительно сложно. И зло уже надоело, и к свету невозможно вернуться. Он никогда не забудет своих грехов...

А что мы знаем о человеческой душе? На самом деле не много. Чаще мы говорим о её ценности или, скорее, цене. Мы часто слышим выражения в духе: «Да я душу за это отдам!» или «Он продал душу дьяволу!» и так далее. Так или иначе, возникает горькое ощущение: у многих душа уже не жилец в собственном доме. Вместо нее там сидят эти самые демоны. В каждом из нас есть свой демон. И Врубель предлагает нам посмотреть не на его демона, а на своего – демона внутри себя. Часто демона путают с чертом и дьяволом. А знаете, как переводится «демон» с греческого? «Демон» – значит бог, дух, божественное определение.

Это следующие после самих богов. Это олицетворение вечной борьбы человеческого духа, который не в состоянии усмирить свои страсти. Неповторимый, притягательный демон сидит не напротив нас. Он сидит внутри. Мы все демоны, если перестали быть людьми [1].

Однако сводить человека только к зверю или демону – значит игнорировать третью, ключевую составляющую: способность к морали, эмпатии, творчеству и самопожертвованию. Немецкий философ Иммануил Кант утверждал, что в человеке существует врожденный нравственный закон («категорический императив»), который велит поступать так, чтобы твои поступки могли стать всеобщим правилом. Этот внутренний моральный компас позволяет нам ограничивать «инстинкты зверя» и контролировать разрушительные порывы «разума демона».

Человек давно уже не живёт одними инстинктами. Завтрашний день может приготовить для нас экстремальную ситуацию, в которой мы могли бы положиться на инстинкты и отойти от морали, но даже сегодня мы бунтуем друг против друга [3]. Однако быть человеком – значит не выбрать одну из ролей, а ежедневно балансировать между ними, совершая сознательный выбор в пользу ответственности, сострадания и созидания.

Так кто же мы? И зверь, и демон, и нечто большее. Дихотомия «зверь или демон» – это не выбор, а две бездны, между которыми проложен узкий горный серпантин нашей цивилизации, культуры и личной совести.

Список использованных источников

1. Хорин И.С.: «Человек: ангел или зверь?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-angel-ili-zver> (дата обращения: 24.12.2025г.).
2. Лиотвейзен В.: «Категорический императив Канта кратко и понятно» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psiholog26.ru/psihologiya/kategoricheskiy-imperativ-kanta/> (дата обращения: 24.12.2025г.).
3. Субботина Н.Д.: «Проблема «Естественного состояния» в истории философии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-estestvennogo-sostoyaniya-v-istorii-filosofii> (дата обращения: 24.12.2025г.)

4. Аникина Г.: «Концепция естественного состояния человека в философии Т. Гоббса» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.work5.ru/spravochnik/filosofija/konczepczyia-estestvennogo-sostoyaniya-cheloveka-v> (дата обращения: 24.12.2025г.).

Философия справедливости в контексте цифровизации

Невинский И.В., Булыго Е.К.

Сегодня общество активно уходит в цифровое пространство, и это ставит перед нами довольно острые вопросы, связанные с тем, что считать справедливым. Цифровые технологии сегодня мы можем встретить абсолютно везде: в производстве, в покупках, в общении между людьми, в учёбе. Из-за этого меняются наши представления о том, что вообще является благом и как эти блага правильно распределять. Возникают непростые философские проблемы, и чтобы их решить, нужен серьёзный анализ, а также поиск новых подходов к построению честного общества.

Сначала казалось, что интернет, свободный доступ к данным, онлайн-курсы, разные платформы помогут сделать мир более справедливым: сотрутся границы между странами и социальными слоями. Но на деле вышло иначе, и ситуация оказалась неоднозначной. Самый яркий пример – так называемый «цифровой разрыв», то есть неравенство, когда у одних есть доступ к технике, сети и цифровым навыкам, а у других нет. Как отмечается в литературе, «цифровой разрыв представляет собой один из элементов (и в то же время факторов) социального неравенства» [1, с. 160].

В итоге это только усиливает уже имеющееся расслоение по деньгам и возможностям, плюс появляется новый вид изоляции. Цифровая экономика, основанная на данных и платформах, демонстрирует тенденцию к концентрации богатства в руках немногих. Крупные технологические компании аккумулируют огромные объёмы данных и используют их для получения колоссальной прибыли. Это приводит к тому, что те, кто создаёт и контролирует цифровые платформы, получают непропорционально большую долю цифровых благ. Цифровое благо – любое знание и информация, в содержании которых есть цифровые данные.

Развитие искусственного интеллекта и автоматизации грозит вытеснить людей из многих профессий, что ставит под вопрос будущее рынка труда и

порождает опасения по поводу массовой безработицы. Распределение благ в таком сценарии становится критическим вопросом: кто получит выгоду от повышенной производительности, и как обеспечить достойный уровень жизни тем, чьи навыки устаревают? Сбор и анализ огромных массивов персональных данных ставят под вопрос права человека на приватность.

Эти данные становятся ценным активом, который может быть использован для манипуляции, дискриминации и получения привилегий. Вопрос о том, кто владеет данными, кто имеет к ним доступ и на каких условиях, является ключевым для понимания справедливости в цифровой среде. В условиях цифровизации традиционные философские течения, касающиеся справедливости, приобретают новое звучание. Таким образом, «цифровое неравенство – это неравенство в распределении цифровых благ и доступа к ним» [2, с. 267].

Понятие справедливости лежит в основе человеческого общества. От него отталкиваются юридические нормы, а также светские и религиозные моральные установки. На нём основаны юридические нормы, светские и религиозные моральные принципы. Дать точное определение справедливости пытались разные теоретики. Теория справедливости Джона Роулза может быть применена к цифровой эпохе.

Он говорил: «Справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли. Каждая личность обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом» [3, с.19].

Роулз предложил эксперимент “вуаль неведения”, который гласил, что нам придется родиться в некоем государстве. Мы можем оказаться человеком любой национальности, уровня достатка, пола и так далее. При таком раскладе большинство людей сделает выбор в пользу справедливого социума с равными возможностями для всех. Этим философ смог доказать, что никому не хочется подвергаться дискриминации и неравномерному распределению благ. Этот же эксперимент можно представить в настоящей ситуации.

Нужно представить, что мы строим цифровое общество, не зная, окажемся ли мы в нем разработчиком, пользователем или человеком, который вообще не имеет доступа к технологиям. Таким образом мы сможем строить политику, которая гарантирует базовый цифровой доступ, образование и социальную защиту для всех. Важным критерием является разработка механизмов, которые не позволят цифровому разрыву усугублять неравенство в цифровой среде. Б.Г Прончев говорит: «Цифровая среда – интегрированная коммуникационная среда, в которой цифровые устройства взаимодействуют и управляют контентом и действиями в ней, другими словами – это коммуникационная среда цифровых устройств» [4, с.52].

Цифровая среда имеет уровни, первым из которых активность в ней. Этот уровень связан с возможностью человека коммуницировать в онлайн-пространстве. Он показывает то, насколько человек вовлечен в цифровые коммуникации и может общаться с другими людьми посредством различных мессенджеров и других средств связи.

Второй уровень – польза от взаимодействия в цифровой среде. Он показывает, насколько полезным оказывается способность человека коммуницировать в онлайн-пространстве. Сюда включаются такие моменты, как возможность получения опыта и знания от других пользователей, поиск развлечений и способы развития личности.

Все вышеперечисленное можно назвать цифровыми благами посредством которых возникает цифровое неравенство. Цифровое неравенство оценивается по трём уровням: 1. Цифровая грамотность – под этим понимается физическая возможность подключения к цифровому миру: присутствие качественного интернета и наличие необходимых гаджетов (от компьютера до смартфона). Именно развитость такой инфраструктуры напрямую диктует, сможет ли человек полноценно пользоваться благами сети – от поиска данных до получения госуслуг и удалённой работы.

Цифровая инфраструктура – понятие, которое способно определить интеграцию человека в обществе.

Цифровые возможности доступа показывают, насколько цифровые блага доступны разным группам граждан. Равенство в этой сфере – необходимое условие для прогресса экономики и общества

Современное общество делится не только по принципу доступа к информации, содержащей цифровые данные, расслоение также происходит на уровне цифровой интеллектуальной собственности: «В условиях цифровизации именно данные становятся одним из главных ресурсов современной экономики, поскольку из информации можно извлечь прибыль, тем более многие люди бесплатно выкладывают ценные для некоторых компаний сведения на сайтах социальных сетей» [5, с.108].

Сейчас экономика всё больше становится платформенной. Здесь главное место занимают такие платформы как Amazon, Google или Uber. Вместо обычной зарплаты мы получаем доступ к их сервисам, а платим за это своими данными и своим трудом. Очень похоже на Средневековье: платформа как сеньор владеет всей инфраструктурой - замком или алгоритмом, а пользователь или тот же курьер выступает в роли вассала. Он платит дань: отдаёт личные данные или комиссию за то, что ему вообще разрешили пользоваться системой.

В такой конструкции появляется проблема справедливости. Потому что свобода тут является лишь только иллюзией, в которую мы верим. Алгоритмы полностью решают, сколько ты заработаешь и на каких условиях работать. А главная ценность – это данные, которые люди сами и генерируют, когда перемещаются по городу, что-то выбирают в интернете или просто общаются.

Корпорации собирают эту информацию и превращают в прибыль, а сами создатели данных почти ничего с этого не имеют. Если смотреть на это через философию справедливости, то Ролз, скорее всего, назвал бы такое положение дел нечестным. Потому что оно систематически бьёт по самым уязвимым группам: они отдают ценный ресурс бесплатно, даже не осознавая его реальной стоимости. Поэтому сейчас многие учёные и экономисты предлагают ввести так называемые дивиденды за данные.

Идея в том, чтобы считать информацию коллективным достоянием, а прибыль от её использования – честно распределять между теми, кто эти данные создал, или направлять на общественные нужды. Проблема ещё и в том, что отсутствие доступа к цифровым ресурсам – к интернету, нормальным гаджетам, хотя бы базовым навыкам становится новым видом социального неравенства. Остаться вне сети сегодня означает быть исключённым из распределения огромного количества общественных благ. И это только усиливает цифровой разрыв.

В общем, цифровизация – это не просто технологический прорыв. Это глубокая социальная трансформация, которая заставляет нас пересматривать, что такое справедливость и какова ценность новых благ.

Философия распределения в цифровую эпоху должна опираться на человеческое отношение к личности. Если получится сформировать политику на основе этических норм и реального стремления к равенству возможностей, тогда можно построить цифровое общество, которое будет полезно не только тем, у кого есть доступ и кто умеет его использовать в своих интересах, но и тем, кто пока остаётся за бортом технологий, и вообще всем остальным пользователям. Ключевая цель – чтобы технологии не углубляли разрыв, а становились инструментом для более справедливого мира.

Список использованных источников

1. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Возможно ли цифровое равенство? (о книге Я. ван Дейка «Цифровой разрыв») // Социологические исследования. – 2020. – № 10. – С. 158-164.

2. Чубаров Н.А. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы. Вестник РУДН. Сер. Философия. – 2024. – № 1. – с. 260-272.

3. Ролз Дж. Теория справедливости / науч. ред. изд. проф. В. В. Целищев. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995. – 509

4. Прончев Г. Б. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия. Часть 2 // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 7. – С. 47-56.

5. Вершинина И. А., Лядова А. В. Здоровье в цифровом измерении: «концепция заботы» Д. Лаптон // Социологические исследования. – 2022. – № 4. – С. 105-113.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЕВРАЗИЙСКИЕ ЦЕННОСТИ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ФИЛОСОФИ.....	4
«Слова назидания» Абая Кунанбаева о справедливости как основе сотрудничества между народами	
<i>Мушинский Н.И.</i>	4
Методология экономических наук и проблема справедливости как евразийское взаимодействие	
<i>Беркова О.В., Мушинский Н.И.</i>	9
Логика Абельяра как метод осмысления духовных оснований справедливости в средневековой католической схоластике	
<i>Мушинский Н.И.</i>	14
Создание кадетских корпусов на территории Беларуси в первой половине XIX века	
<i>Лепеш О.В.</i>	20
Перспективы и риски современной цивилизации	
<i>Балук И.С., Лойко А.И.</i>	23
Теология	
<i>Якубчик А.В., Лойко А.И.</i>	27
Методология экономических наук и проблема справедливости как евразийское взаимодействие	
<i>Беркова О.В., Мушинский Н.И.</i>	32
Философия Древнего и современного Китая	
<i>Бужан П. В., Лойко А.И.</i>	37
Философские традиции Китая	
<i>Занкович Е. С., Лойко А.И.</i>	41
Воплощение этических принципов в повседневной жизни И. Канта	
<i>Кузнецов А. С., Дождикова Р. Н.</i>	44
Экономическая философия начала XXI века	
<i>Золотухин Н.Д., Лойко А.И.</i>	47

Биосфера и ноосфера	
<i>Лохвицкий М. Е., Лойко А.И.</i>	51
От успокоения к прозрению: эволюция философского взгляда на смерть (Эпикур и Хайдеггер)	
<i>Гольцова Е.К., Булыго Е.К.</i>	55
Философия как рационально-критическая основа мировоззрения: историческая эволюция и современное значение	
<i>Навойчик А. Р., Лойко А.И.</i>	61
Североевропейские концепции благополучия: хюгге, кус, лагом, сису	
<i>Калиниченко К.В., Булыго Е.К.</i>	67
БЕЛОРУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ.....	73
Анна Тумаркина (Anna Tumarkin) в должности профессора	
<i>Лойко А.И.</i>	73
Философия математики в профессиональной деятельности Софьи Ковалевской и Софьи Яновской: Год белорусской женщины	
<i>Лойко А.И., Лойко Л.Е.</i>	81
Философия дизайна в прикладном исполнении известных белорусских женщин	
<i>Лойко А.И.</i>	91
Ментальность женщины как фактор коэволюционной онтологии и понятие справедливости	
<i>Глосикова Ольга (Словакия), Мушинский Н.И.</i>	97
Врачебная этика и медицинские технологии в исполнении известных белорусских женщин	
<i>Лойко А.И.</i>	99
Белорусские женщины профессора философии: Минская школа исследования методологических тенденций в развитии науки	
<i>Лойко А.И.</i>	105

Идея человеческого достоинства и свободы в философии Пико делла Мирандолы и её отражение в образе белорусской женщины XXI века <i>Богданова Е. В., Булыго Е. К.</i>	111
Философия на границе модернизма и традиции: Елена Гурко <i>Лойко А.И.</i>	115
Философия любви <i>Альховик Е.С. Лойко А.И.</i>	121
Женщина в научно-техническом прогрессе: вклад Красниковой Е. Л. в развитие ветеринарной науки <i>Мисинкевич Е. А., Старжинский В.П.</i>	125
Гендерные аспекты постмодернистской деконструкции как проблема справедливости <i>Дроздович О.М., Мушинский Н.И.</i>	129
Женская социальная политика в Беларуси и принцип справедливости <i>Вайнилович Э.Г., Мушинский Н.И.</i>	131
Женщина как моральный субъект в контексте аристотелевской теории справедливости <i>Мушинский Н.И.</i>	133
Тело как граница: стандартизация внешности и социальный контроль <i>Пушило И.А., Яковец А.С., Булыго Е.К.</i>	138
Женское лицо белорусской государственности: от онтологии «дома» к этике миротворчества, социально-философский анализ <i>Морозова А.А., Булыго Е.К.</i>	144
Этические границы научно-технического прогресса: философский анализ экологического кризиса как следствия пере потребления <i>Иванчикова Д.И., Булыго Е.К.</i>	149
Вечный диалог: красота в зеркале эпох <i>Чепур М. И., Бритова А. С., Булыго Е. К.</i>	156

Влияние архитектурной среды на психоэмоциональное состояние человека	
<i>Малявская Е. Г., Дождикова Р. Н.</i>	163
ЦИФРОВАЯ ЭПИСТОМОЛОГИЯ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ.....	168
Цифровая эпистемология и информационные технологии	
<i>Лойко А.И.</i>	168
Основные направления философии	
<i>Азанович А.М., Лойко А.И.</i>	185
Конфликт суверенитета и прав человека в цифровой реальности	
<i>Арабей Д.А., Лойко А.И.</i>	188
Сознание и искусственный интеллект	
<i>Буйко О.И., Лойко А.И.</i>	191
Философия в профессиональной деятельности специалиста	
<i>Гребенёк Е., Лойко А.И.</i>	194
Мифологизация социальной реальности в условиях цифровой информационной среды	
<i>Коноплёва С.М., Коноплёва А.М., Вайнилович Э.Г.</i>	198
Философия Возрождения	
<i>Гук Д. Ю., Лойко А.И.</i>	201
Философия техники: от инструмента к антропологической матрице	
<i>Демиденко Д. М., Лойко А.И.</i>	204
Философия права и кибернетической безопасности	
<i>Жалобкевич А.В., Лойко А.И.</i>	209
Design as a Mediator Between Meaning and Understanding	
<i>Vulyha E. K.</i>	213
Как нейросеть изменяет искусство?	
<i>Пивень Н.Д., Лойко А.И.</i>	218

Цифровая трансформация как новая реальность: мировоззренческие аспекты управления	
<i>Степанова В. В., Булыго Е. К.</i>	220
Этические основания принятия решений инженером – экономистом: философский анализ	
<i>Колесникович К. Д., Булыго Е. К.</i>	229
Проблема идентичности и кризис современного человека (на примере романа «Бойцовский клуб» Чака Паланика)	
<i>Дульский П.М., Карпук М.А., Струтинская Н.В.</i>	234
Трансформация сценических искусств в эпоху «Идеального шторма»: стратегии адаптации к цифровым вызовам	
<i>Корякин М.С., Струтинская Н. В.</i>	238
Антиутопии в социальном прогнозировании	
<i>Москаленко З. М., Струтинская Н. В.</i>	241
Реализация ноосферной стратегии: современные экологические проекты	
<i>Шурпо Н. Р., Струтинская Н. В.</i>	243
Роль технологии в развитии человечества	
<i>Щурко М. А., Струтинская Н. В.</i>	247
Потребности, комплекс Ионы и образование	
<i>Лосев И. А., Дождикова Р. Н.</i>	256
Социальная философия и ее роль в обществе	
<i>Лазовская К. Д., Булыго Е.К.</i>	259
Философское осмысление проблем бытия	
<i>Кишкель Е.М., Лойко А.И.</i>	265
Экономическая философия начала XXI века	
<i>Золотухин Н.Д., Лойко А.И.</i>	270
Наука и её социокультурный статус	
<i>Комаровский А.Э., Лойко А.И.</i>	274
Нейросеть как субъект образовательного процесса	
<i>Новик Е. О., Лойко А. И.</i>	278

Идолы познания в современном образовательном процессе <i>Аракчеев И.А., Булыго Е.К.</i>	282
Этикет как технология овладения телом: история запретов и разрешений <i>Масюк У.В., Булыго Е.К.</i>	287
Digital Ecosystems and Multimodal Architectures <i>Loiko A.I.</i>	294
От "Я знаю, что ничего не знаю" к "Я не обязан ничего знать": девальвация сократовского смирения в эпоху постправды и клипового мышления <i>Мозолёва Е.А., Булыго Е.К.</i>	301
Бесконечность: от античного апейрона до цифровых горизонтов <i>Конопляник Ю. А., Булыго Е. К.</i>	307
Человек: зверь или демон? <i>Чепур М. И., Бритова А. С., Булыго Е. К.</i>	313
Философия справедливости в контексте цифровизации <i>Невинский И.В., Булыго Е.К.</i>	318
ОГЛАВЛЕНИЕ	324